

Феномен сублимации: опыт философско-антропологического
исследования

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	2
Глава 1. Понятие сублимации.....	9
§ 1. Идея сублимации в учении З. Фрейда.....	9
§ 2. Трактовка сублимации в постфрейдистской литературе.....	16
§ 3. Реконструкция понятия сублимации.....	34
§ 4. Сублимация и творчество.....	57
Глава 2. Феномен сублимации в человеческом бытии.....	70
§ 1. Конфликт как фактор сублимации.....	70
§ 2. Сублимация, креативность и деструктивность.....	85
§ 3. Сублимация и принцип управления реальностью.....	100
Заключение. Выводы.....	118
Список использованной литературы.....	124
Приложение. Словарь.....	136

ВВЕДЕНИЕ

Прошедший XX век с шокирующей откровенностью обозначил две противоположные тенденции, характеризующие развитие человечества. С одной стороны, это усиление могущества человека, проявляющееся в стремительном научно-техническом прогрессе, росте культуры. С другой стороны, мы видим рост кризиса человечности, распространение деструктивных и самодеструктивных проявлений, поклонение бездуховности и животным инстинктам, что ставит под сомнение саму возможность дальнейшего существования человека как вида.

В этой связи философия должна не только откликнуться на изменение социокультурной ситуации, но и провести анализ позитивных и негативных форм человеческой деятельности, соответствующих данным тенденциям. Следует раскрыть источники, механизмы и формы проявления конструктивной и деструктивной деятельности человека. Отсюда актуальной задачей философии человека является построение теории, адекватно объясняющей глубинные основания и соотношение креативных и деструктивных тенденций в человеческом поведении.

Глубинные и бессознательные слои человеческой психики и основы человеческого поведения, как креативного, так и деструктивного, традиционно исследуются психоанализом. Интерес к этому учению в России существовал всегда и с конца 80-х годов XX века мы являемся свидетелями возрождения в России психоанализа и психоаналитических традиций, среди которых важное место занимает традиция комплексного подхода к рассмотрению сущности человека. Психоанализ, исследуя глубинные и бессознательные слои психики человека, по сути пытается дать свое объяснение природе человека. Поэтому актуальность темы монографии также определяется необходимостью адекватного включения психоаналитических идей в общую картину философских представлений о человеке, а также возрастающим интересом к психоанализу в современном российском обществе.

В психоаналитической парадигме художественное творчество человека объясняется введенным З. Фрейдом понятием сублимации, которое до настоящего момента в различных вариациях и в различном толковании используется при объяснении природы человека, его креативности и способности к адаптации. Но из-за отсутствия единой научно обоснованной концепции сублимации анализ природы человека не является достаточно полным и объективным.

Актуальность темы определяется также и тем, что феномен сублимации рассматривался только зарубежными исследователями, с присущими западным научным и философским школам рационализмом и

утилитаризмом. В отечественной психоаналитической мысли подобные взгляды остались совершенно не разработанными отчасти по причине полного отсутствия психоаналитических институтов в России до недавнего времени.

Реконструкция понятия сублимации имеет важное значение, так как введение его в философский и мировоззренческий оборот в обновленном значении поможет вскрыть все позитивные и негативные моменты, связанные с реализацией человеческого бытия. Это, в свою очередь, позволит осуществить их наиболее полный анализ, на основе которого станет возможной попытка построения современной целостной концепции человека.

Обращение к психоанализу необходимо для решения проблемы философской разработки понятия сублимации как объяснительного механизма креативной человеческой деятельности, систематизации знания об отдельных сторонах этого процесса, определения его причин, источников, механизма, принципов, проявлений, объекта, субъекта и его результатов и последствий, как для отдельной личности, так и для общества в целом.

В русле этих поисков монография еще раз подтверждает, что междисциплинарный синтез, который имеет в ней место, эвристически ценен новыми подходами к, казалось бы, известным вопросам. Подобный подход несомненно способствует обогащению научной и философской мысли, так как психоаналитический механизм, ответственный за креативность, впервые исследуется как самостоятельный феномен в категориальном поле философской антропологии, и, более того, делается попытка его онтологизации.

Из этого вытекает потребность построения единой концепции сублимации, определения ее эвристических возможностей, способности объяснять не только творческую, но и всю конструктивную (креативную) и деструктивную деятельность человека, а также ее основания, принципы, формы проявления. В этом случае актуализируется необходимость соотнесения понятий сублимации, креативности и деструктивности, поскольку креативность обычно связывается с добром, а деструктивность со злом.

Следует особо отметить, что философские разработки на психоаналитические темы преимущественно затрагивали такие понятия, как «Эдипов комплекс», «бессознательное», «сексуальность», «влечение к смерти» и др., зачастую обходя вниманием понятие сублимации. В итоге современные исследователи используют термин «сублимация» либо в том смысле, в каком его употреблял сам Фрейд, либо в вариантах, представленных его последователями, не проводя глубокого ана-

лиза этого понятия. Упоминания несуществующей теории сублимации (Г. Блум, А. Лючинс и др.) и использование различных дефиниций сублимации в «общепринятом» значении являются показателями того, что разработки в этой области практически не ведутся.

Конструктивная критика психоанализа со стороны психоаналитиков и философов (М. Гилл, Т. Херманн, Р. Холт, Т. Адорно, Дж. Клейн, Х. Харлоу, Р. Шафер, Р. Шпиц, К. Прибрам, Ю. Хабермас, А. Грюнбаум и др.) затрагивает роль сексуальной энергии *либидо* (здесь и далее курсив автора), подвергающейся сублимации. Вследствие этого обозначилась тенденция к снижению значения сексуальности. Такие исследователи, как К. Г. Юнг, У. Риверс, К. Ясперс, Г. Блум, Б. Фридан, К. Голдштейн, А. Лючинс, Э. Лючинс, Т. Уоттс, Р. Ассаджиоли, А. Н. Леонтьев, Л. С. Выготский и другие, придерживающиеся традиционного энергетического подхода в психоанализе, также склонны отделять сублимацию от сексуальности.

Г. Ловенфельд и вслед за ним В. Линецкий занимают более радикальную позицию. Они склонны утверждать, что сублимации в первую очередь подвержены фрейдовские влечения к самосохранению, для сублимации которых не нужна десексуализация.

Субстанцией, подвергающейся сублимации, у различных ученых становятся: «внутренние импульсы» (И. Великовский, У. Риверс), «чувство неполноценности» (А. Адлер), «бессознательные побуждения» (А. Фрейд), свободные от сексуальной составляющей «инстинкты» (Дж. Браун и Дж. Педдер) и другие. Некоторые современные отечественные и зарубежные исследователи, например, Ф. Е. Василюк, А. Н. Леонтьев, Е. Я. Басин, П. Валери, Д. М. Веккер, Я. Мукаржевский, Р. Арнхейм и другие рассматривают психические явления с точки зрения «энергетического» подхода.

Такие ученые, как К. Хорни, Э. Берн, П. Федерн, М. Кляйн, Э. Джонс, П. Хайманн, Р. Янг, П. Розенфельдс, Дж. Тен-Брок и другие считают, что сублимации могут быть также подвержены влечение к смерти, агрессивные импульсы и инстинкты. Другие же исследователи (Х. Кунц, Р. Уэлдер, Л. Стоун, А. Фрейд, В. Гиллеспи, Дж. Рохлин, В. Ангст, Х. Рихтер, М. Басх и другие) пришли к выводу о том, что злонамеренная человеческая деструктивность не обладает чертами, традиционно характеризующими влечения.

Как правило, исследователи придают различное значение психическому конфликту как предвестнику сублимации. С одной стороны, психоаналитики У. Риверс, О. Фенихель, Р. Штерба, М. Кляйн и другие относят начало сублимации – и таким образом конфликтов – к раннему детскому возрасту. С другой стороны, Л. С. Выготский,

Ф. Е. Василюк, Г. Гачев, Е. Я. Басин и другие говорят о необходимости для творчества нравственных конфликтов и переживаний.

Источником постоянных конфликтов, по мнению Г. Маркузе, Э. Берна, К. Ясперса и других, может быть окружающий человека мир, и, таким образом, внутренний психический конфликт сочетается с внешними конфликтами. Данная позиция отчасти способствует тому, что с творческой деятельности снимается упрек в патологичности, за что фрейдовский подход к художественному творчеству подвергался критике со стороны таких исследователей, как К. Г. Юнг, Г. Блум, Р. Ассаджиоли, К. Голдштейн, Э. Шторр и другие.

К. Хорни, И. Нейфельд, Х. Когут, Дж. Браун и другие говорят о том, что большинство людей не способны к сублимации. Они привязывают определенные формы искусства к определенным формам эротизма (фазам фиксации либидо). Похожая логика просматривается в психоаналитических разработках Э. Фромма¹, также связывающего определенные виды искусства с фазами фиксации либидо.

К. Ясперс признает существование творческих и духовных влечений и говорит о том, что их наличие выделяет человека из животного мира. В этом отношении ему близок М. Шелер, который настаивает на особом метафизическом положении человека, а также показывает физиологические основы для своего понимания сублимации, употребляя понятие энергии не в метафорическом, как у Фрейда, а в функциональном значении. М. Шелер также говорит о возможной формализации понятия сублимации применительно ко всем событиям в мире и рассматривает становление человека и духа как процесс сублимации природы.

Следуя Фрейду, часть исследователей, к примеру, И. Григорьев, И. Нейфельд, Э. Крис, В. Гай и другие, склонны считать результатом сублимации художественное творчество человека. Другие специалисты (У. Риверс, М. Кляйн, А. Фрейд, Р. Штерба, Дж. Браун, Б. Фридан и др.) полагают, что результатом сублимации могут быть практически все социально одобряемые виды деятельности. Г. Маркузе считает результатом сублимации цивилизацию несмотря на то, что цивилизации присущи негативные черты.

Э. Берн, О. Фенихель, Х. Когут и другие считают, что результат сублимации не обязательно должен быть общественно полезным. Развивая эти идеи, психоаналитик И. Великовский вводит противополож-

¹ См.: Fromm E. The Method and Function of an Analytic Social Psychology // The Crisis of Psychoanalysis. Essays on Freud, Marx and Social Psychology. – 1970. P. 135–162.

ный сублимации термин – «принижение» (abasement)², обозначая им процесс, аналогичный процессу сублимации, но направленный на антисоциальную деятельность.

Современный исследователь понятия сублимации может обнаружить полное отсутствие каких-либо разработок по данной теме в отечественной философии. Р. Е. Осипов, В. И. Лихницкий и др. в первой четверти XX-го века не проводят критического анализа понятий психоанализа и ограничиваются простым пересказом его положений. В постреволюционной России осмысление и критика психоанализа (А. Б. Лурия, А. Р. Лурия, Б. Э. Быховский, Л. С. Выготский, М. Л. Ширвиндт и др.) совершенно не затрагивали понятие сублимации, принимая его в значении, данном З. Фрейдом. Современные исследователи (В. М. Лейбин, А. М. Руткевич и др.) рассматривают отношение психоаналитической доктрины к художественному творчеству, не подвергая анализу понятие сублимации. Необходимо выделить В. Линецкого, который проводит краткий постмодернистский пересмотр концепции сублимации³.

В целом анализ теоретико-философской стороны психоанализа и, в частности, такого его понятия, как сублимация, претендующего на объяснение источника художественного творчества и креативности человека, ведется недостаточно активно. Современная отечественная философия не предпринимает даже попыток сделать хотя бы ограниченный анализ данного понятия, не говоря уже о построении целостной концепции.

Сам Фрейд прекрасно понимал, что в психоанализе сочетаются не только психология, психиатрия, сексопатология. «Мои открытия являются основой для вполне серьезной философии. Немногие поняли это, и немногие способны это понять»⁴, – писал Фрейд. Откликом на это откровение и является эта работа

Итак, целью работы является выявление философского аспекта содержания идеи сублимации и ее значения для философско-антропологического обоснования креативной сущности человека. В соответствии с этой целью в монографии представлено решение следующих конкретных задач: раскрыть содержание термина «сублимация» в психоаналитическом учении З. Фрейда; охарактеризовать эволюцию понимания термина «сублимация» в постфрейдистской литера-

² Velikovskiy I. Psychoanalytical Papers. Chapter VII. Sublimation and Abasement. S. V. Kogan and R. V. Sharon. 1999. – <http://www.varchive.org/tpp/subaba.html>.

³ См.: Linetski V. Poststructuralist Paraesthetics and the Phantasy of the Reversal of Generations // Postmodern Culture. – 1996. – V. 7. – № 1.

⁴ Doolittle, H. Tribute to Freud. – Boston, 1974. – P. 18.

туре; представить авторский вариант реконструкции понятия сублимации как категории философско-антропологического анализа; уточнить связь феномена сублимации с творческой деятельностью человека; показать взаимосвязь сублимации и конфликтности человеческого бытия; проанализировать соотношение сублимации с креативностью и деструктивностью человеческого бытия; показать соотнесенность феномена сублимации со стремлением человека изменить условия своего бытия.

В соответствии с этим в монографии проведен философско-антропологический анализ феномена сублимации; верифицировано определение сублимации и осуществлена теоретическая реконструкция понятия «сублимации»; уточнена взаимосвязь сублимации, креативности и деструктивности; показана свободная (неинстинктивная) природа креативности человека; установлены основные факторы сублимации. Помимо этого в работе обоснована позитивная роль понятия сублимации в философско-антропологическом анализе сущности человека; представлен авторский вариант трактовки эволюции термина «сублимация» в постфрейдистской литературе; эксплицирован оригинальный вариант теоретической реконструкции понятия сублимации, позволяющий включить его в философско-антропологический анализ сущности человека; уточнено представление о взаимосвязи сублимации, креативности и деструктивности; установлено, что основными принципами сублимации являются конфликтность бытия человека, свобода выбора человеком амбивалентных форм креативности и принцип управления реальностью.

Тезисно содержание монографии можно представить следующим образом.

Позитивная роль понятия сублимации состоит в том, что оно позволяет дать оригинальный философско-антропологический анализ проблем природы творчества и деструктивности, свободы выбора человеком позитивной и негативной форм деятельности в процессе становления человека.

Исследование сущности процесса сублимации и отдельных его компонентов в постфрейдистском понимании вышло за узкие биологизаторские рамки, предлагаемые психоанализом. Значение термина насыщается социальным содержанием при одновременной его генерализации, поэтому основанием для анализа и реконструкции понятия сублимации должно стать совмещение двух подходов – психоаналитического и философско-антропологического, дающего возможность нового понимания сублимации.

Элементами современной теоретической реконструкции понятия сублимации являются анализ первичного объекта, вторичного объекта

и агента сублимации, а также процесса вытеснения и выявление принципа выбора агентом сублимации вторичного объекта. Этот анализ позволяет утверждать, что процесс сублимации представляет собой существенный момент непрерывного многоуровневого процесса становления человека, характеризующийся многовариантностью амбивалентных форм креативности как источника и механизма этого становления.

Взаимосвязь сублимации, креативности и деструктивности выражается в том, что процесс сублимации предполагает переключение активности агента сублимации с первичного объекта на вторичный, в ходе которого выбор средств самой активности может быть в равной степени как креативным, так и деструктивным.

Свободный (неинстинктивный) характер креативности человека обусловлен, во-первых, отсутствием жесткой связи процесса сублимации с инстинктом, во-вторых, невозможностью механического сведения выбора вторичного объекта в процессе креативности к фазам фиксации агента сублимации, в-третьих, количественной неопределенностью выбора объектов, замещающих первичный объект сублимации.

Принципы сублимации (конфликтность, свобода выбора человека из многовариантности амбивалентных форм креативной деятельности и стремление человека к управлению реальностью вокруг него) обусловлены сущностью процесса трансформации (перехода) человеческой активности с первичного объекта на вторичный, а также специфическими особенностями человеческого бытия, эксплицированными современной философской антропологией. Это позволяет предположить эвристическую ценность выделенных принципов сублимации для углубления философско-антропологического анализа сущности и существования человека.

В результате теоретической реконструкции понятие сублимации определяется как процесс адаптации любого желания, сформированного в психической реальности человека, к требованиям материальной действительности для получения удовольствия. Сублимация понимается как принцип, в соответствии с которым строится не только художественное творчество человека, но и вся его креативная деятельность. Креативная деятельность определяется как конструктивная и деструктивная. При этом деструктивность понимается как побочный, но необходимый элемент творческой деятельности человека, подлежащий минимизации. Основными факторами сублимации являются конфликтность, противоречивость человеческого бытия и свобода выбора индивида между конструктивными и деструктивными формами поведения. Главным фактором сублимации является принцип управления реальностью.

Глава 1 ПОНЯТИЕ СУБЛИМАЦИИ

§ 1. ИДЕЯ СУБЛИМАЦИИ В УЧЕНИИ З. ФРЕЙДА

Термин «сублимация», введенный З. Фрейдом в психоанализ, происходит от латинских слов *sublimare* – *возносить*, *sublime* – *возвышенное* и *sublimation* – *возгонка*, которые дают полный спектр значений этого слова: от использования в искусстве для обозначения возвышенных чувств, выражаемых в произведениях искусства, до использования этого понятия в алхимии, а ныне в прикладной химии, называя им процесс перевода вещества из твердого состояния в газообразное, минуя жидкое.

Применительно к психоанализу термин «сублимация» использует Фрейдом для обозначения преобразований энергии сексуального влечения – либидо. Само слово *либидо* заимствовано Фрейдом у А. Молля и обозначает «количественную (хотя в данный момент и недоступную измерению) сторону энергии влечений, связанных с тем, что понимается под словом «любовь»⁵. Сексуальное влечение, основой которого является либидо, имеет свои цель и объект. Фрейд называл сексуальным объектом «лицо, обладающее сексуальной привлекательностью, а сексуальной целью – действие, к которому подталкивает влечение»⁶, причем объектом мог быть не только человек, но и частичный объект (части тела и их символические замены) – реальный или фантазматический.

Впервые Фрейд дает описание сублимации в «Толковании сновидений» (1900 г.). Здесь о ней говорится как о феномене, когда бессознательные желания «налагают на все последующие стремления гнет, которому те должны подчиниться, однако, последние могут стараться отклонить его и направить на более высокие цели»⁷. Из приведенного отрывка становится очевидным, что само понятие еще не разработано несмотря на то, что утверждается наличие феномена противоборства стремлений (т. е. психического конфликта) и их отклонение от первоначальных объектов и целей.

Бессознательное, из которого исходят наши бессознательные желания, является неотъемлемой частью психики индивида. То есть человеку, по Фрейду, присущи бессознательные желания. Ему также при-

⁵ Freud S. Massenpsychologie und Ich-Analyse. 1940–1952. G. W., XIII. S. 98.

⁶ Freud S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie. 1940–1952. G. W., V. S. 34.

⁷ Фрейд, З. Толкование сновидений / З. Фрейд. – Киев, 1991. – С. 314.

сущи «стремления», которые отклоняют или противостоят бессознательным желаниям и которые могут быть сознательными. Эти «стремления» мы также должны отнести к природе человека как вторую сторону психического конфликта, необходимого, по Фрейду, для сублимации. Таким образом, Фрейд, говоря о бессознательном как о присутствующем человеку феномене психики, по сути дела утверждает, что природе человека имманентен такой процесс создания культурных ценностей, как сублимация.

Позже, в «Трех очерках по теории сексуальности» (1905 г.), Фрейд развивает определение понятия сублимации, акцентируя внимание на масштабности и интенсивности этого процесса. По его мнению, благодаря отклонению сексуальных сил влечений от сексуальных целей и направлению их на новые цели освобождаются могучие компоненты для всех видов культурной деятельности. «Этот процесс получил название сублимации. Он протекает в развитии отдельного индивида, и его начало переносится в сексуальный латентный период детства. Несмотря на то, что при сублимации изменение влечения заключается главным образом в изменении его цели, это изменение обусловлено переменами и других составляющих влечения: подменой объекта, добавлением одного влечения к другому.»⁸

В статье «Цивилизованная» сексуальная мораль и современные нервные заболевания» (1908 г.) Фрейд уточняет предыдущие определения, говоря о том, что «сексуальное влечение обеспечивает культурный труд огромной массой энергии; это происходит в силу присущей ему способности изменять цель, не ослабляя напора. Эта способность изменять первоначальную сексуальную цель на иную, несексуальную, но психологически ей близкую, и называется сублимацией»⁹.

Дефиниции сублимации, представленные выше, по нашему мнению, нельзя назвать не только развернутыми, но и хорошо разработанными. В частности, в них совершенно не показана причина, по которой громадный поток энергии, направленный на удовлетворение одного из мощнейших инстинктов, вдруг меняет свое направление и направляется на культурный труд, который зачастую не только не связан с получением удовольствия, но и требует огромных затрат физических и моральных сил. Далее, почему энергия направляется только на культурный труд, а не на любой другой? Да и что такое этот самый «культурный труд»?

⁸ Freud S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie. 1940 – 1952. G. W., V. S. 10.

⁹ Freud S. Die “kulturelle” Sexualmoral und die moderne Nervostact. 1940 – 1952. G. W., VII. S. 150.

В работе «О психоанализе» (1909 г.) Фрейд отчасти дает ответы на эти вопросы, называя сублимацию неким целесообразным мероприятием, с помощью которого можно привести конфликт и невроз к благоприятному концу и при котором «патогенное желание направляется само на высшую, не возбуждающую никаких сомнений цель (что называется сублимацией)»¹⁰. Она также является более целесообразным процессом развития по сравнению с простым устранением инфантильных желаний. При сублимации «энергия инфантильных желаний не устраняется, а применяется для других высших, иногда несексуальных целей. Как раз компоненты сексуального чувства отличаются способностью к сублимации, т. е. замены своей сексуальной цели другой, более отдаленной и более ценной в социальном отношении. Этим прибавкам энергии со стороны сексуального чувства к нашей душевной деятельности мы обязаны, по всей вероятности, нашими высшими культурными успехами. Рано появившееся вытеснение исключает возможность сублимации вытесненного инстинкта: с прекращением вытеснения путь к сублимации опять становится свободным»¹¹.

Приведенное определение сублимации уточняет, что для сублимации нужен психический конфликт, который может привести либо к неврозу, либо к сублимации. При этом Фрейд не дает описания условий, при которых конфликт может вылиться в сублимацию, а не в невроз. Помимо этого Фрейд, говоря о том, что энергия направляется на высшие несексуальные цели, без объяснения дает понять, что высшие цели могут быть и сексуальными. При этом он не указывает, чем «высшая» сексуальная цель отличается от «низшей», если таковая вообще существует.

Известная часть вытесненных эротических стремлений имеет право на прямое удовлетворение и должна найти его в жизни. Культурные запросы делают жизнь слишком тяжелой для большинства людей, они способствуют отстранению от действительности и возникновению неврозов, причем возрастание вытеснения еще не означает большой выигрыш в культурном отношении. Фрейд говорит о том, что мы не должны возвышать себя до такой степени, чтобы не обращать никакого внимания на первоначальные природные инстинкты нашей природы. «Пластичность сексуальных компонентов, которая выражается в их способности к сублимации, может привести к искушению возможно большего культурного эффекта интенсивной сублимацией. Но насколько мало мы можем рассчитывать при наших машинах перевести

¹⁰ Фрейд, З. О клиническом психоанализе. Избранные сочинения / З. Фрейд. – М., 1991. – С. 246.

¹¹ Там же. – С. 272.

более чем одну часть теплоты в полезную механическую работу, также мало должны мы стремиться к тому, чтобы всю массу сексуальной энергии перевести на другие, чуждые ей цели».¹²

По мере продвижения Фрейда к образованию второй топики психического аппарата «Оно – Я – Сверх-Я» в период от 1900 до 1920 года структура его мысли становится все более механистичной. Помимо всего прочего это выражается и в том, что он пытается описывать психические процессы в понятиях физики и механики.

Дополнительные черты сублимации Фрейд дает в работе «К введению в нарциссизм» (1914 г.): «Сублимация – это процесс, затрагивающий объектное либидо; суть этого процесса в том, что влечение устремляется к новой цели, [...], далекой от непосредственного сексуального удовлетворения»¹³. Через два года он пишет, что при сублимации либидо направляется от первоначальной цели к другой цели, генетически связанной с той, от которой отказалось, но самой по себе уже не сексуальной, а заслуживающей название социальной¹⁴. Здесь неясным является, во-первых, то, каким образом проявляется генетическая связь первоначальной цели с социальной целью, и, во-вторых, означает ли «социальность» цели ее не только положительную, но и отрицательную оценку.

Сублимация, по Фрейду, не является панацеей, избавляющей человека от невроза, когда он не может удовлетворить свое половое влечение. «Количество неудовлетворенного либидо, которое в среднем могут перенести люди, ограничено. Пластичность или свободная подвижность либидо далеко не у всех сохраняется полностью, и сублимация может освободить всегда только определенную часть либидо, не говоря уже о том, что многие люди лишь в незначительной степени обладают способностью к сублимации. Самое важное среди этих ограничений – очевидно, ограничение подвижности либидо, так как оно делает зависимым удовлетворение индивида от очень незначительного числа целей и объектов»¹⁵. Отсюда становится ясно, что количество целей, к которым направляется либидо после сублимации и десексуализации, может быть ограничено.

Исходя из этого, известная часть вытесненных эротических стремлений имеет право на прямое удовлетворение и должна найти его в

¹² Фрейд, З. О клиническом психоанализе. Избранные сочинения / З. Фрейд. – М.: Медицина, 1991. – С. 272–273.

¹³ Freud S. Zur Einführung des Narzissmus. 1940 – 1952. G. W., X. S. 161.

¹⁴ Фрейд, З. Введение в психоанализ (лекции) / З. Фрейд. – М., 1989. – С. 220.

¹⁵ Фрейд, З. Введение в психоанализ (лекции) / З. Фрейд. – М., 1989. – С. 220–221.

жизни. Культурные запросы делают жизнь слишком тяжелой для большинства людей, они способствуют отстранению от действительности и возникновению неврозов, причем возрастание вытеснения еще не означает большой выигрыш в культурном отношении. Фрейд говорит о том, что мы не должны возвышать себя до такой степени, чтобы не обращать никакого внимания на первоначальные природные инстинкты нашей природы. «Пластичность сексуальных компонентов, которая выражается в их способности к сублимации, может привести к искушению возможно большего культурного эффекта интенсивной сублимацией. Но насколько мало мы можем рассчитывать при наших машинах перевести более чем одну часть теплоты в полезную механическую работу, также мало должны мы стремиться к тому, чтобы всю массу сексуальной энергии перевести на другие, чуждые ей цели»¹⁶. Таким образом, способность индивида к креативным действиям, очевидно, ставится Фрейдом в зависимость от способности к сублимации, а не от таланта.

Дополнительно к дефинициям сублимации Фрейд практически не дает самого механизма сублимации за исключением нескольких отдельных черт. В «Лекциях по введению в психоанализ» он утверждает, что, если у людей отнимается возможность удовлетворить либидо, они, заболевают неврозом, хотя и не всегда. Но он указывает, что существует множество путей, как можно перенести вынужденное лишение либидозного удовлетворения, то есть удовлетворения полового влечения, при этом не заболев неврозом. «Прежде всего нам известны люди, которые в состоянии перенести такое лишение без вреда; они не чувствуют себя тогда счастливыми, страдают от тоски, но не заболевают. Затем мы должны принять во внимание, что именно сексуальные влечения чрезвычайно *пластичны*, если можно так выразиться. Они могут выступать одно вместо другого, одно может приобрести интенсивность других; если удовлетворение одного отвергается реальностью, то удовлетворение другого может привести к полной компенсации. Они относятся друг к другу, как сеть сообщающихся наполненных жидкостью каналов, и это – несмотря на их подчинение примату гениталий, что вовсе не так легко объединить в одном представлении. Далее, частные сексуальные стремления так же, как и составленное из них сексуальное стремление, имеют способность менять свой объект, замещать его другим, в том числе и более легко достижимым; эта способность смещаться и готовность довольствоваться суррогатами должны сильно противодействовать патогенному влиянию вынужден-

¹⁶ Фрейд, З. О клиническом психоанализе. Избранные сочинения / З. Фрейд. – М., 1991. – С. 272–273.

ного отказа. Среди этих процессов, защищающих от заболевания из-за лишения, один приобрел особое культурное значение. Он состоит в том, что сексуальное стремление отказывается от своей цели частного удовольствия или удовольствия от продолжения рода, и направляется к другой [цели], генетически связанной с той, от которой отказались, но самой по себе уже не сексуальной, а заслуживающей название социальной. Мы называем этот процесс «сублимацией» (Sublimierung), принимая при этом общую оценку, ставящую социальные цели выше сексуальных, эгоистических в своей основе. Сублимация, впрочем, является лишь специальным случаем присоединения сексуальных стремлений к другим, не сексуальным.»¹⁷

Но сублимация не является панацеей, избавляющей человека от невроза, когда он не может удовлетворить свое половое влечение. «Количество неудовлетворенного либидо, которое в среднем могут перенести люди, ограничено. Пластичность или свободная подвижность либидо далеко не у всех сохраняется полностью, и сублимация может освободить всегда только определенную часть либидо, не говоря уже о том, что многие люди лишь в незначительной степени обладают способностью к сублимации. Самое важное среди этих ограничений – очевидно, ограничение подвижности либидо, так как оно делает зависимым удовлетворение индивида от очень незначительного числа целей и объектов.»¹⁸

Фрейд также говорит о том, что есть «обратный путь от фантазии к реальности, это искусство. В основе своей художник тоже интровертированный, которому недалеко до невроза. В нем теснятся сверхсильные влечения, он хотел бы получать почести, власть, богатство, славу и любовь женщин; но у него нет средств, чтобы добиться их удовлетворения. А потому, как всякий неудовлетворенный человек, он отворачивается от действительности и переносит весь свой интерес, а также свое либидо на желанные образы своей фантазии, откуда мог бы открыться путь к неврозу. И многое должно совпасть, чтобы это не стало полным исходом его развития; ведь известно, как часто именно художники страдают из-за неврозов частичной потерей своей трудоспособности. Вероятно, их конституция обладает сильной способностью к сублимации и определенной слабостью вытеснений, разрешающих конфликт. Обратный же путь к реальности художник находит следующим образом. Ведь он не единственный, кто живет жизнью

¹⁷ Фрейд, З. Введение в психоанализ (лекции) / З. Фрейд. – М.: Наука, 1989. – С. 220.

¹⁸ Фрейд, З. Введение в психоанализ (лекции) / З. Фрейд. – М.: Наука, 1989. – С. 220–221.

фантазии. Промежуточное царство фантазии существует со всеобщего согласия человечества, и всякий, испытывающий лишения, ждет от него облегчения и утешения. Но для нехудожника возможность получения наслаждения из источников фантазии ограничена. Неумолимость вытеснений вынуждает его довольствоваться скудными грезами, которые могут еще оставаться сознательными. Но если кто-то – истинный художник, тогда он имеет в своем распоряжении больше. Во-первых, он умеет так обработать свои грезы, что они теряют все слишком личное, отталкивающее постороннего, и становятся доступными для наслаждения других. Он умеет также настолько смягчить их, что нелегко догадаться об их происхождении из запретных источников. Далее, он обладает таинственной способностью придавать определенному материалу форму, пока тот не станет верным отображением его фантастического представления, и затем он умеет связать с этим изображением своей бессознательной фантазии получение такого большого наслаждения, что благодаря этому вытеснения, по крайней мере временно, преодолеваются и устраняются. Если он все это может совершить, то дает и другим возможность снова черпать утешение и облегчение из источников наслаждения их собственного бессознательного, ставших недоступными, получая их благодарность и восхищение и достигая благодаря своей фантазии то, что сначала имел только в фантазии: почести, власть и любовь женщин».¹⁹

Промежуточное царство фантазии существует со всеобщего согласия человечества, и всякий, испытывающий лишения, ждет от него облегчения и утешения, причем для нехудожника возможность получения наслаждения из источников фантазии ограничена. Неумолимость вытеснений вынуждает его довольствоваться скудными грезами, которые могут еще оставаться сознательными.²⁰

В «Новых лекциях по введению в психоанализ» (1932 г.) Фрейд опять называет сублимацией «такое изменение цели и объекта, при которых принимается во внимание социальная оценка»²¹.

Подводя итог краткому рассмотрению позиции Фрейда относительно сублимации, следует заметить, что творчество у него является своего рода продолжением детских игр, в которых художник или поэт создает свой мир, к которому он относится очень серьезно и увлеченно, в то же время, однако, резко отделяя его от действительности. При

¹⁹ Фрейд, З. Введение в психоанализ (лекции) / З. Фрейд. – М.: Наука, 1989. – С. 240–241.

²⁰ Там же. – С. 240–241.

²¹ Freud S. Neue Folge der Vorlesungen zur Einfuehrung in die Psychoanalyse, 1932. G. W., XV, 103.

этом творит отнюдь не счастливый человек, а только неудовлетворенный, так как образ в душе писателя, поэта или художника возникает в присутствии сильных чувств, вызванных действием нерешенных внутренних конфликтов, на которые ему необходимо отреагировать, чтобы от них освободиться, так как, если бы бессознательное писателя не находило своей реализации в художественной фантазии, энергия бессознательного тратилась бы на преодоление невроза. Отсюда творчество и искусство можно считать своего рода «неудавшимся неврозом», его обратной стороной.

У Фрейда, таким образом, творчество «не нормально», это своеобразный творческий аутизм, создание своего виртуального мира удовлетворения желаний, которые по счастливой случайности еще и принимаются обществом. Но является ли этот виртуальный мир художника единственным способом сублимации? И что делать художнику, если его произведения не находят социального одобрения, не принимаются обществом и о них вообще никто не знает? Провоцируется ли сублимативная деятельность? И что же в ней главнее – само творчество или удовлетворение (пусть суррогатное) сексуального желания?

Помимо этого, непонятна приверженность Фрейда идее о том, что творчество рождается именно из сексуального чувства, о том, что сублимировать может ограниченное число людей, причем женщины даже в меньшей степени, чем мужчины.

Для того, чтобы найти ответы на эти и другие вопросы, мы далее проведем анализ позиций исследователей – психоаналитиков и философов, – так или иначе касавшихся темы сублимации для выяснения тенденций дальнейшего развития их взглядов.

§ 2. ТРАКТОВКА СУБЛИМАЦИИ В ПОСТФРЕЙДИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В постфрейдистской психоаналитической литературе, а также у исследователей, не являющихся психоаналитиками или постфрейдистами, термин «сублимация» употребляется довольно часто, но несмотря на это позиция самих авторов, повторяющих фрейдовское определение сублимации, иногда совершенно не ясна. Употребляя этот термин, они вероятно считают, что всем известно его общепринятое значение. Тот же факт, что понятие сублимации не было отвергнуто последователями Фрейда и до сих пор живет, изредка являясь объектом упоминания или критики, говорит о том, что оно принимается всерьез, и мало кто сомневается в существовании процесса сублимации.

Анализируя понятие сублимации в работах последователей Фрейда, трудно обнаружить нечто совершенно новое, по крайней мере у тех

авторов, которые во временном и профессиональном отношении находятся ближе к отцу психоанализа. Поэтому мы сосредоточимся на тех сторонах творчества исследователей – учеников, современников Фрейда, а также постфрейдистов и ученых-философов, психологов, социологов и др., более критично относящихся к наследию Фрейда, – в которых ими в свое время были подмечены отдельные черты процесса сублимации.

Первым учеником и последователем З. Фрейда, выступившим против предоставления приоритета сексуальности был К. Г. Юнг, который предлагал освободить психоаналитическую теорию от доминирования сексуального подхода, так как чисто сексуальная этиология неврозов, по его мнению, оказывается слишком узкой²². Все психические явления рассматриваются им как проявления энергии либидо. «Я называю ее *либидо*, используя это слово в его первоначальном смысле, никак не сводимом только к сексуальному значению. Саллюстий использует его точь-в-точь в том же значении, что и мы, когда говорит: «Они получали больше удовольствия (либидо) в красивом оружии и боевых лошадях, чем в проститутках и пирушках»²³. Субъективно и психологически эта энергия, по Юнгу, воспринимается и переживается как сильное желание.

Необходимо заметить, что Юнг не уменьшил сексуальную составляющую либидо, а просто расширил само понятие психической энергии, добавив к сексуальности либидо еще ряд составляющих, обозначив им «желание или импульс, которые не подчиняются никаким авторитетам, морали или чему бы то ни было. Либидо есть потребность организма в самом его естественном состоянии. С генетической точки зрения телесными потребностями, составляющими сущность либидо, являются голод, жажда, сон, секс и эмоциональные состояния или аффекты»²⁴. Поэтому психическая энергия, согласно Юнгу, – всего лишь интенсивность психического процесса, и он совершенно не склонен определять ее как особую психическую силу²⁵.

Фактически Юнг не придает сексуальности психической энергии такого значения, какое ей придает Фрейд. Более того, эта энергия либидо (в своем первоначальном значении – удовольствие) проявляется не во влечении, как у Фрейда, а в желании и его удовлетворении. Разными выражениями либидо являются проявление интереса, внимания, а также различного рода стимуляция. Либидо, по Юнгу, может быть

²² Jung C. G. Selected Writings. New York, 1989. P. 56–61.

²³ Jung C. G. Selected Writings. New York, 1989. P. 56–61.

²⁴ Цит. по: Jung C. G. Coll. Works. N. Y., Vol. 5, par. 194.

²⁵ Jung C. G. Dictionary of Analytical Psychology. London, 1983. P. 26–27.

сколько угодно трансформируемо или замещаемо, но ни в коем случае не разрушено бесследно. Если либидо, связанное с одним объектом, исчезает, следует ожидать его возникновения где-то еще.

Итак, очевидно, что в данном контексте либидо является подосновой желаний. С этой точки зрения, саму сублимацию фактически можно определить как трансформацию удовольствия или замену одного объекта (который может быть и несексуальным), дающего удовольствие, на другой (который, в свою очередь, возможно, имеет сексуальную составляющую?!).

Традиция рассмотрения психической энергии в качестве субстанции, подвергающейся сублимации, восходит к Фрейдю. Причем следует отметить, что западные исследователи постепенно отходили от применения термина либидо, который в настоящее время используется преимущественно в популярной и художественной литературе. Отечественные исследователи, например, Ф. Е. Василюк, А. Н. Леонтьев, Е. Я. Басин и др. до сих пор придерживаются «энергетического» подхода к психическим явлениям. К примеру, Е. Я. Басин²⁶ соглашаясь с тем, что такие понятия, как «энергия», «напряжение» и т. д. используются только в метафорическом смысле, предлагает рассматривать энергетические понятия не в физическом (то есть в узком смысле), а в более широком смысле, определяя энергию как способность производить любую работу, в том числе «умственную» и духовную. Рассматривая фактический материал, а также мнения таких авторов, как П. Валери, С. Эйзенштейн, Д. М. Веккер, Ф. Е. Василюк, Я. Мукаржевский, Р. Арнхейм и др., Басин говорит о том, что художественное напряжение имеет своей подосновой художественную энергию, которая подчиняется закону сохранения энергии.

Е. Я. Басин, как и А. Н. Леонтьев²⁷, предпочитает говорить о перенаправлении энергии в контексте механизма «сдвига мотива на цель», механизм которого похож на отдельные черты механизма сублимации, описанные Фрейдом. Анализируя творческую жизнь Ван Гога, он утверждает, что все предлагаемые им умозаключения согласуются с эмпирическими данными, накопленными в искусствоведении и художественной критике. Они объясняют не только черты, присущие личности Ван Гога, но и пригодны для объяснения творческого процесса у всех художников, так как явно укладываются в рамки закономерности. Ф. Е. Василюк, в свою очередь, рассматривает энергетическую пара-

²⁶ См.: Басин, Е. Я. Нравственная энергия и художественный талант / Е. Я. Басин // Философские науки. – 1990. – № 8.

²⁷ См.: Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. – М., 1965.

дигму психического переживания как переход энергии из одной формы в другую²⁸.

Однако следует заметить, что прикрываясь «метафоричностью» использования термина «энергия», авторы переносят название *объекта* направления этой «энергии» на нее саму. К примеру, мы можем говорить об энергии ветра, энергии прибоя, энергии потока воды, электрической энергии, которая крутит моторы, зажигает лампы, компьютеры, телевизоры и пр. Но мы не говорим о ветряной, морской, водяной моторной, ламповой, компьютерной, телевизионной и пр. «энергиях». Ведь нельзя одну и ту же электрическую энергию назвать «кухонной», «гостиной» или спальней» только исходя из места расположения электрической розетки или по названию электроприбора, работающего на ней! Очевидно, вместо «художественной энергии» (или даже «творческой энергии») следует говорить об энергии, направленной на художественное творчество?

Конструктивная критика психоанализа со стороны психоаналитиков и философов (М. Гилл, Т. Херманн, Р. Холт, Т. В. Адорно, Дж. Клейн, Х. Ф. Харлоу, Р. Шафер, Р. А. Шпиц, К. Х. Прибрам, Ю. Хабермас, А. Грюнбаум²⁹ и др.) привела к «смерти метапсихологии и ее фундаментального принципа (экономии влечения)»³⁰. Следствием этого стало резкое снижение роли, которую психоаналитическая теория отводила сексуальной энергии либидо. Подобные перемены отразились в наблюдаемой в психоанализе тенденции к снижению значения сексуальности субстанции, подвергающейся сублимации. Этой субстанцией могут стать «внутренние импульсы» (И. Великовский, У. Риверс), «чувство неполноценности» (А. Адлер), «бессознательные побуждения» (А. Фрейд), свободные от сексуальной составляющей «инстинкты» (Д. Браун и Дж. Педдер) и др.

Даже те исследователи, которые традиционно считают подобной субстанцией некую энергию, склонны отделять ее от сексуальности (К. Г. Юнг, У. Риверс, К. Ясперс, Г. Блум, Б. Фридан, К. Голдштейн, А. Лючинс, Э. Лючинс, Т. Уоттс, Р. Ассаджиоли, А. Н. Леонтьев, Л. С. Выготский³¹ и др.). К. Г. Юнг, к примеру, утверждая, что «сублимация является не «взаимоизменением» инстинктов, а спонтанным «переносом» энергии из одной инстинктивной формы в другую, т. е. из

²⁸ См.: Василюк, Ф. Е. Психология переживания / Ф. Е. Василюк. – М., 1984.

²⁹ См.: Grunbaum A. "Is Freud's Theory Well-Founded?" // Behavioral and Brain Sciences. 1986. Vol. 9. P. 266-281.

³⁰ Томэ, Х. Современный психоанализ. В 2 т. / Х. Томэ, Х. Кэхеле. – М., 1996. – Т. 1. – С. 219.

³¹ Выготский, Л. С. Психология / Л. С. Выготский. – М., 2000. – С. 155.

физического инстинкта в соответствующую ему форму архетипа»³², также уверен, что религиозная и культурная деятельность человека является неотъемлемой частью его существования, а не происходит посредством сублимации из сексуального инстинкта.

Г. Ловенфельд, а вслед за ним В. Линецкий занимают более радикальную позицию. Они склонны утверждать, что сублимации, в первую очередь, подвержены влечения к самосохранению, для сублимации которых не нужна десекуализация. Линецкий утверждает, что, принимая сублимацию как десекуализацию, мы не сможем объяснить существование искусства, противостоящего общественному мнению и лишенного социального одобрения, т. е. «разрушающего искусства», ведь в обычном значении сублимация является синонимом конформизма и согласия с общепринятыми культурными формами. Напротив, инстинкты самосохранения, и среди них влечение к познанию, как раз имеют отношение к творческой деятельности человека. Другими словами, если мы продолжим привязывать искусство и творческую деятельность к сублимации, то мы должны определить их как результат процесса сублимации инстинктов самосохранения, считает Линецкий³³.

Линецкий уверен, что последователи Фрейда поняли своего учителя совершенно неверно. Отсюда все теории, имеющие в своем основании идею о первичности сексуальности человека, в корне неверны, так как краеугольный камень, лежащий в их основании совершенно таковым не является. Линецкий анализирует те тексты Фрейда, в которых говорится, что сексуальность развивается, отделяясь от влечения к самосохранению. Фрейд пишет об этом в «Трех очерках по теории сексуальности», обозначая идею примыкания как важнейший момент теории сексуальности. Смысл ее в том, что определенная телесная функция первоначально обеспечивает сексуальности ее источник или эрогенную зону, цель и объект, т. е. сексуальные влечения первоначально примыкают к функциям (влечениям) самосохранения и только позже приобретают независимость. А так как влечение, по Фрейду, считается сублимированным тогда, когда оно изменяет свою цель, Линецкий считает, что отделение сексуального влечения от влечений к самосохранению и есть первая (или первичная) сублимация, т. е. сублимация инстинктов самосохранения.

«Коперниканский переворот» Линецкого в объяснении сублимации подкупает тем, что он является попыткой снять некую догматичность, присущую психоаналитическим интуициям Фрейда, неким эпатажем,

³² Цит. по: Odajnyk W. Jung and Politics. N. Y., 1976. P. 179.

³³ Linetski V. Poststructuralist Paraesthetics and the Phantasy of the Reversal of Generations // Postmodern Culture. Sept. 1996. V. 7. № 1.

целью которого является заставить психоаналитиков-традиционалистов, слепо придерживающихся наставлений Учителя еще раз поразмыслить над оставленным им противоречивым наследием. Представляя свое понимание сублимации, Линецкий возможно прав, но тогда мы, принимая высокую риторику софистов, должны заявить, что, следовательно, удовлетворение индивидом инстинктов самосохранения в обществе (зачастую осуждаемое этим обществом как проявления крайнего эгоизма) уступает место не просто социально одобряемому, но и социально необходимому удовлетворению сексуальных инстинктов, столь необходимых для продолжения жизни этого общества.

Некоторые исследователи (К. Хорни, Э. Берн, П. Федерн, М. Кляйн, Э. Джонс, П. Хайманн³⁴) идут далее, заявляя, что субстанцией, подвергающейся сублимации могут быть также и влечение к смерти, агрессивные импульсы и инстинкты. Подобная точка зрения принимается как само собой разумеющееся такими исследователями, как Р. М. Янг, П. Розенфельдс, Дж. Тен-Броек³⁵ и др., и она также отражена в большом количестве популярной литературы по психоанализу, где излагается в вульгаризированном виде. К примеру, Э. Берн, полагая, что сублимации могут быть подвергнуты агрессивные влечения, используя для их обозначения термин «мортидо», заимствованный у психоаналитика П. Федерна³⁶, которым тот, в свою очередь, называл энергию влечений или инстинкта смерти: «Мортидо также может быть сублимировано; это происходит, например, у резчиков по камню, плотников и шахтеров, которые создают прекрасные и полезные вещи, атакуя неодушевленные предметы. Одной из полезнейших сублимаций mortality служит хирургия»³⁷. Из таких утверждений и происходит логическая ошибка Берна. Если, по его утверждению, «мортидо» может быть сублимировано, то скульптор, например, обрабатывая мрамор, должен получать удовольствие не от создания произведения искусства, а от ударов по этому мрамору. А хирург – получать удовлетворение от процесса резки тела, а не от излечения больного. И опять, в отношении термина «мортидо»: ну не называем же мы электроэнергию, на которой работает кардиостимулятор, массажер и пр. – «целительной», а электроэнергию, подаваемую к электрическому стулу с сидящим на

³⁴ См.: Heimann P. Dynamics of transference interpretations // Journal of Psychoanalysis. 1956. No. 37. P. 303–310.

³⁵ Broek J. ten. The Neurotic Blind And The Neurotic Sighted. Twin Psychological Fallacies. 1997.

³⁶ См.: Federn P. Ego Psychology and the Psychoses. 1953.

³⁷ Берн, Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных / Э. Берн. – СПб., 1995. – С. 80.

нем преступником – «деструктивной»? Очевидно, что и в этом случае энергия получает название от цели, на которую направляется.

В противоположность подобной позиции для нас интересны взгляды Х. Кунца, Р. Уэлдера, Л. Стоуна, А. Фрейда, В. Гиллеспи, Дж. Рохлина, В. Ангста, Х. Рихтера, М. Басха³⁸ и др., которые независимо друг от друга на основании тщательного психоаналитического и феноменологического анализа агрессивных и деструктивных явлений пришли к выводу о том, что злонамеренная человеческая деструктивность не обладает чертами, традиционно характеризующими влечения. Иными словами, агрессивные и деструктивные действия по своей сути отличаются от действий, обязанных своим происхождением сексуальному возбуждению и голоду. Более того, у агрессии и деструктивности, по их мнению, отсутствуют особый энергетический источник, орган и объект.

Подобная попытка коррекции одной из фрейдовских дихотомий Эрос – Танатос происходит в рамках постоянно проводящейся реформации теоретического наследия психоанализа, пересмотра его метапсихологических теорий и сопутствующих этому противоречий. Одной из таких, на наш взгляд, удачных попыток устранения недостатков, присущих экономическому принципу психоанализа, оперирующего понятием «энергии влечений», является исследование психоаналитика Р. Холта. После подробного анализа и оценки клинических данных, полученных совершенно без цели верификации или опровержения теории либидо, Холт приходит к заключению, что влечение (в английском варианте – *инстинкт*) является мертвым метапсихологическим понятием и его следует заменить таким понятием, как *желание*³⁹. Аналогичную позицию занимает философ с психоаналитическим образованием Дж. Уиздом, говоря о *желании* как о мотивирующей силе в жизни человека⁴⁰.

Следует очевидно согласиться и с мнениями К. С. Хэлла и Дж. Линдзи⁴¹, которые вслед за Р. Холтом и Дж. Уиздом оперируют

³⁸ Basch M. F. Selfobjects and selfobject transference. Theoretical implications // Kohut's legacy. Contributions to self psychology. 1984. P. 21–41.

³⁹ Holt R. R. Drive or Wish? A Reconsideration of the Psychoanalytic Theory of Motivation // Psychology via metapsychology. Psychological issues. Vol. 9, no. 4, monograph 36. P. 158–197.

⁴⁰ Wisdom O. J. What Is Left of Psychoanalytic Theory? // International Review of Psychoanalysis. 1984. No. 11. P. 315.

⁴¹ Hall S. C., Lindzey G. The relevance of Freudian psychology and related viewpoints for the social sciences // Historical introduction. Systematic positions. 1968. Vol. 1. P. 245–319.

понятием *желания* вместо *влечения*. Они считают, что человеческое воображение не знает границ, вследствие чего образуется огромное количество желаний, совершенно не связанных с жизненными потребностями человека. Естественно, все эти желания просто не могут быть удовлетворены, что, в свою очередь, неизбежно приводит к психическому конфликту и фрустрации. Именно такое положение о многообразии и неисчерпаемости неудовлетворенных желаний дает нам основание заявить о *множественности существующих и потенциальных конфликтов, необходимых для начала сублимации*. Такой подход дает нам возможность не только отойти от узкого понимания конфликта Фрейдом, но также утверждать, что причина сублимации кроется не только в простом стремлении к удовлетворению телесных потребностей.

Исследователи придают различное значение психическому конфликту как предвестнику сублимации. Психоаналитики У. Риверс, О. Фенихель, Р. Штерба, М. Кляйн и др. относят начало сублимации – и, соответственно, конфликтов – к раннему детскому возрасту. К примеру, по Риверсу, детство – продолжительный во времени конфликт между инстинктивными тенденциями и социальными традициями, идеалами общества. Он называет сублимацию переучиванием, так как она, по его мнению, схожа с процессом образования, который представляет собой направление внутренних инстинктивных стремлений ребенка на достижение гармонии с высокими общественными целями⁴².

Р. Штерба, в свою очередь, приводит пример сублимации у ребенка, который перестает играть со своими фекалиями и начинает «творчески» играть с комочком глины⁴³. Этот пример, по нашему мнению, крайне неудачен, так как ребенок может попросту не замечать подмены объекта, не говоря уже о некой «творческой» подоплеке такой игры. По М. Кляйн, сублимация – это развитие отношений ребенка с самого младенчества к окружающим его предметам. Процесс сублимации начинается, как только младенец переключает свои интересы от материнской груди к другим объектам, таким, как части ее тела, предметы вокруг него, части его собственного тела и т. д. Любовь, агрессивные и неагрессивные желания, тревоги переносятся от первого и уникального объекта – матери, точнее «хорошей груди» матери, к другим объектам, из чего развиваются новые интересы, замещающие отношения к первоначальному объекту. Эти процессы, по Кляйн, являются основой для сублимации на всю последующую жизнь. Если по отношению к первым объектам преобладают обида и ненависть, то

⁴² См.: Rivers W. H. R. *Instinct and Unconscious*. Ch. XIX Sublimation. 2000.

⁴³ См.: Sterba R. *Introduction to the Psychoanalytic Theory of the Libido // Nervous and Mental Disease Monographs*. No. 68. 1947.

подвергаются опасности сублимация и отношение к замещающим объектам⁴⁴. Такая позиция Кляйн, по нашему мнению, ошибочна в том, что способность создавать произведения искусства целиком ставится в зависимость от полного удовлетворения желаний ребенка в раннем детстве, даже если у него нет к этому никаких дарований.

В указанных выше позициях психоаналитиков по отношению к психическому конфликту и сублимации примечательно то, что они переносят его начало в возраст более ранний, чем указан у Фрейда. Сам конфликт, по нашему мнению, сводится к тому, что ребенку запрещают или разрешают делать то, что он хочет делать. В общем, это и есть процесс нравственного воспитания, его социализации. В теории Кляйн для нас важно то, что мать, родители, воспитатели, – все они для ребенка являются внешними репрессивными факторами, а не внутренними, как моральные установки у взрослых людей в теории Фрейда.

Л. С. Выготский, Ф. Е. Василюк, Г. Гачев, Е. Я. Басин и др. также говорят о необходимости нравственных конфликтов и переживаний для творчества людей искусства, т. е. у людей, вышедших из детского возраста. Такой избирательный подход к конфликту ограничивает его значение для художественного творчества и из него можно сделать ошибочный, по нашему мнению, вывод о том, что конфликт, не относящийся к сфере морали и нравственности, не будет являться причиной художественного творчества. Кроме того, состояние постоянной нерешенности нравственных конфликтов опять ставит творчество в зависимость от патологического состояния человека подобно тому, как это представлено в теории Фрейда.

Здесь настало время выдвинуть предположение о том, что источник конфликта должен также быть внешним и более общим, чем моральные и нравственные установки индивида. Таким источником постоянных конфликтов вероятно может быть противостоящая психической реальности окружающая человека физическая реальность (природная и социальная). Именно в ней человек сталкивается с «нравственными коллизиями и конфликтами», «трудностями, противоречиями и кризисами» (Ф. Е. Василюк, Е. Я. Басин), именно она может носить черты «репрессивного общества» (Г. Маркузе).

Следует заметить, что еще К. Ясперс писал о том, что во всех наших контактах – как с природой или людьми, так и с обществом или личностью – мы сталкиваемся с ограничениями, помехами, противодействием. Конфликты, с одной стороны, могут быть источником по-

⁴⁴ См.: Klein M., Heimann P. Isaacs Susan and Riviere Joan. Developments in Psychoanalysis. 1952. P. 224–225.

ражений, жизненно важных утрат и ограничений, не позволяющих нашим возможностям раскрыться в полной мере. С другой стороны, возникающее при этом напряжение может способствовать углублению наших переживаний, рождению и расцвету все более масштабных идей⁴⁵. Иными словами, источником постоянного конфликта можно назвать само существование человека в мире, присутствие у него множественности желаний, которые не в состоянии удовлетворить окружающая его реальность.

У. Риверс, продолжая эту мысль, говорит о сублимации как о своего рода социализации, показывая, что ей подвержены все люди. С его позицией в этом отношении согласен Э. Нойманн⁴⁶, называя сублимацию «превращением индивида в часть цивилизации и общества». Однако следует учесть, что при социализации и социальной адаптации под источником конфликта, который, как считается, необходим для сублимации, понимается противостояние индивида и общества, а не противостояние всей природе. Помимо этого, социализация как процесс усвоения системы знаний, норм и ценностей общества, в котором человек живет, предполагает своим результатом только социально одобряемое мировоззрение и действия индивида. Можно было бы также утверждать, что социализация в нынешнем ее понимании подразумевает воспитание члена общества, т. е. более «винтик» общества, чем свободную личность. Таким образом, сублимация должна пониматься гораздо шире социализации и включать в себя, помимо социального, индивидуальное бытие человека.

Психоаналитик Г. С. Салливан, сводит конфликт к противостоянию индивидов, называя сублимацию «сублимативным переформулированием межличностных отношений», не зависящим от пола, возраста и прочего. В принципе, любой человек может иметь «мотив, вовлеченный в болезненный конфликт», который «соединяется с социальным (культурно обусловленным) стилем жизни». Последний искажает наиболее провоцирующие аспекты конфликта и, как правило, оставляет некоторую представленность в конфликте противоборствующего мотива»⁴⁷.

В противовес Фрейдю, утверждавшему, что сублимации подвергаются только люди искусства, его последователи менее последовательны в ответе на вопрос, кто же подвержен сублимации. Те исследователи, которые относят начало сублимации к раннему детству и младен-

⁴⁵ Ясперс, К. Общая психопатология / К. Ясперс. – М., 1997. – С. 398.

⁴⁶ Нойманн, Э. Творческий человек и трансформация / Э. Нойманн // Психоанализ и искусство. – М., 1996. – С. 213.

⁴⁷ Sullivan H. S. Conceptions of Modern Psychiatry. N. Y. 1947. P. 62.

честву (У. Риверс, О. Фенихель, Р. Штерба, М. Кляйн др.), не заостряют внимания на способности или неспособности определенных групп людей к сублимации. Некоторые из них обозначают зависимость способности к сублимации от отношений ребенка с матерью (М. Кляйн) или от испытанных в детстве психических травм (О. Фенихель).

Э. Берн уверен, что можно сублимировать не будучи гением⁴⁸. По его мнению, многие люди ощущают тот же творческий трепет, когда плотничают у себя дома, пополняют свою коллекцию ракушек или почтовых марок, хвалятся или управляют машиной или лодкой, любовно собранной своими руками. Отсюда видно, что Берн значительно расширяет круг людей, способных к сублимации, показывая, что подобной деятельностью могут заниматься практически все люди. Такая позиция, по нашему мнению, отчасти способствует тому, что с творческой деятельностью снимается налет патологичности, за который фрейдский подход к художественному творчеству с самого начала подвергался критике со стороны таких исследователей, как К. Г. Юнг, Г. Блум, Р. Ассаджиоли, К. Голдштейн, Э. Шторр и др.

В этом отношении вряд ли можно согласиться с такими исследователями, как К. Хорни, И. Нейфельд, Х. Когут, Дж. Браун и др., которые не только уверены в том, что большинство людей не способны к сублимации, но и склонны привязывать определенные формы искусства к определенным формам эротизма (фазам фиксации либидо). К примеру, по К. Хорни, имеющей подобную точку зрения, такая черта характера, как скардность, является сублимированным анально-эротическим удовольствием от удерживания фекалий; удовольствие от раскрашивания – десексуализированным удовольствием от игры с фекалиями; садистские стремления могут проявляться вновь в склонности к хирургии или к административной службе, а также несексуальной тенденции к подавлению, причинению боли, нанесению оскорблений; сексуальные мазохистские влечения могут быть трансформированы в стремление к переживанию оскорблений или унижений; оральные либидинозные стремления – в общее свойство восприимчивости, стяжательства или жадности; уретральный эротизм – в честолюбие.

Таким же образом соперничество рассматривается как десексуализированное продолжение сексуального соперничества с родителями или братьями и сестрами. Желание создавать (по сути, творческое желание) объясняется, с одной стороны, как десексуализированное желание иметь ребенка от отца, а с другой стороны, как выражение нарциссизма. Сексуальное любопытство, по Хорни, может быть сублимиро-

⁴⁸ Берн, Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных / Э. Берн. – СПб., 1995. – С. 78.

вано в склонность к проведению научных исследований или же стать причиной соответствующих внутренних запретов⁴⁹. Похожая позиция просматривается в психоаналитических разработках Э. Фромма⁵⁰, также связывающего определенные виды искусства с фазами фиксации либидо.

Вряд ли эту позицию можно считать верной. Она имеет свое продолжение в ответе на один из принципиальных вопросов: об инстинктивности и неинстинктивности сублимации. Здесь следование этой позиции приводит к грубым смысловым ошибкам. К примеру, психоаналитики (К. Хорни, Дж. Браун и др.), мнения которых рассмотрены выше, говоря о сублимации определенных психосексуальных патологий человека в строго определенные виды социально приемлемой деятельности, по сути отрицают свободный характер творческой деятельности человека. Продолжая их мысли, можно прийти к абсурдным выводам о том, что хорошего чиновника или хирурга можно вырастить, развивая у человека с детства садистские стремления, ученого – развивая у ребенка сексуальное любопытство, художника или скульптора – оказывая аффективное воздействие на ребенка в возрасте 2-4 лет (в так называемой «анальной стадии развития либидо»).

Отношение к инстинктивной сущности сублимации, о которой упоминали различные исследователи (К. Г. Юнг, А. Фрейд, Т. Уоттс, Д. Браун и Дж. Педдер, П. Федерн, У. Риверс и др.) зависит от избранного подхода. Сублимация инстинктивна преимущественно в англоязычной литературе, где *влечения* (Griebe) переводятся как *инстинкты* (Instincts), несмотря на то, что *инстинкт* и *влечение* являются совершенно разными понятиями. Подобная трактовка сублимации ведет к пониманию творческой деятельности человека как инстинктивной, а не свободной, с чем невозможно согласиться.

В этом отношении интересна позиция К. Ясперса, который дал влечению очень широкую классификацию⁵¹, определяя его как: а) инстинкт; б) побуждения; в) потребность в творчестве; г) мотивированные действия. Помимо этого Ясперс предлагает разделение влечений на три иерархических уровня.

Группа 1 – соматические, чувственные влечения: половое влечение, голод, жажда, потребность в сне, влечение к деятельности и т. д.

⁴⁹ См.: Хорни, К. Новые пути в психоанализе / К. Хорни. – М., 1997. – С. 45.

⁵⁰ Fromm E. The Method and Function of an Analytic Social Psychology // The Crisis of Psychoanalysis. Essays on Freud, Marx and Social Psychology. 1970. P. 135–162.

⁵¹ Ясперс, К. Общая психопатология / К. Ясперс. – М., 1997. – С. 386.

Группа 2 – витальные влечения: а) *витальные влечения, имеющие значение для наличного бытия в целом*: воля к власти – воля к подчинению, своеволие – влечение к коллективу, любовь – ненависть и т. д.; б) *витальные душевные влечения*: любопытство, влечение к путешествиям, воля к обладанию и т. д.; в) *витальные творческие влечения*: влечение к самовыражению, представлению, производству инструментов, труду и творчеству.

Группа 3 – духовные влечения: стремление к «постижению определенного состояния бытия» и к «посвящению человеком себя этому состоянию, проявляющемуся в ценностях – религиозных, эстетических, этических»⁵² и др. Причем, по Ясперсу, было бы ошибкой полагать, что «более высокие влечения» представляют собой завуалированные формы каких-то основных разновидностей влечений. Влечения каждой последующей группы могут осуществляться только в присутствии влечений предыдущей группы, но не наоборот.

Объясняя такую иерархию, Ясперс предлагает тезис: дух сам по себе бессилён, а источником всех психических сил служат низшие уровни. Иными словами, наши глубочайшие переживания и сильнейшие импульсы всегда имеют своим источником низшие уровни нашего бытия⁵³. В качестве синтеза двух указанных выше классификаций Ясперс приводит следующую иллюстрацию: половое влечение, к примеру, содержит в себе *инстинкт*, проявляющий себя как врожденная, не осознаваемая функция оплодотворения, *соматическую потребность*, *творческую деятельность эроса* и *мотивированные действия*, направленные на реализацию эротических идей.

Хотелось бы заметить, что позиция Ясперса относительно иерархии влечений содержит в себе мысль, не высказанную явно, но выводимую из логики иерархии влечений. Это мысль о том, что влечения высшей группы те только могут осуществляться только в присутствии влечений предыдущей группы, но и подчиняют их себе. Таким образом, социальное включает в себя биологическое, но ставит его себе на службу, осуществляя своего рода сублимацию.

Созвучно утверждениям К. Ясперса о существовании творческих стремлений, К. Г. Юнг утверждает, что религиозная и культурная деятельность человека как неотъемлемая часть его существования является проявлением независимого *креативного инстинкта*. Подобным утверждением Юнг вводит креативную деятельность в природу человека. Бихевиорист К. Голдштейн в своей работе «Организм» также говорит о том, что у человека существуют стремления к новому опыту,

⁵² Ясперс, К. Общая психопатология / К. Ясперс. – М., 1997. – С. 386.

⁵³ Там же. – С. 390.

к завоеванию мира для расширения своей сферы действия. Он считает, что культуру нельзя считать сублимацией подавленных влечений. Это означало бы совершенную недооценку «творческой тенденции человеческой природы»⁵⁴, в которой независимо от сексуальности присутствует стремление к культуре. Для Р. Ассаджиоли духовные влечения или духовные убеждения также реальны, как и сексуальные и агрессивные побуждения; они не должны быть сведены к сублимации или патологическому искажению сексуальных и агрессивных компонентов индивидуальности⁵⁵. Л. Л. Бочкарев считает, что искусство – одна из высших форм реализации *человеческих потребностей в переживаниях*⁵⁶.

Признание существования таких творческих и духовных влечений выделяет человека из животного мира, и в этом отношении позиция Ясперса близка позиции М. Шелера, который настаивает на особом метафизическом положении человека. У Шелера изначально соотношение между высшими (или низшими) формами бытия и категориями ценностей и силами, в которых осуществляются эти формы, также характеризуется положением: «Низшее изначально является мощным, высшее – бессильным». Иными словами, каждая более высокая форма бытия бессильна относительно более низшей и осуществляется не собственными силами, а силами низшей формы. Поэтому изначально у духа нет собственной энергии, он, как и у Ясперса, изначально бессильен, но может приобрести мощь через процесс сублимации⁵⁷.

Точка зрения Шелера показательна тем, что он, не являясь психоаналитиком, творчески применил идеи Фрейда в своем учении. В отличие от других исследователей Шелер показывает физиологические основы для своего понимания сублимации, употребляя понятие энергии не в метафорическом, как у Фрейда, а в функциональном значении. Шелер считает, что существующие различия между человеком и животным в протекании психических функций весьма велики; но также велики их *физиологические* различия, они значительно превышают морфологические различия между ними. В сравнении с животным у человека на образование нервной субстанции израсходована несравнимо большая доля всего ассимиляционного материала и гораздо

⁵⁴ Goldstein K. The Organism: A Holistic Approach to Biology Derived from Pathological Data in Man. N. Y. 1995. P. 303–305.

⁵⁵ Цит. по: Russel D. Psychosynthesis in Western Psychology // Psychosynthesis Digest. 1981. Vol. 1. No. 1.

⁵⁶ Бочкарев, Л. Л. Психология музыкальной деятельности / Л. Л. Бочкарев. – М., 1997. – С. 212.

⁵⁷ Шелер, М. Положение человека в Космосе / М. Шелер // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. – С. 72–73.

большая часть этого материала превращается в функциональную энергию мозга. Этот процесс, по Шелеру, представляет собой *физиологический коррелят* процесса сублимации. В то время как человеческий организм в своих сенсомоторных функциях не превосходит организм животного, человеческий мозг получает *безусловное* преимущество в питании в гораздо более ярко выраженной мере, чем мозг животного⁵⁸.

Такое широкое понимание сублимации естественно ставит вопрос об ее «продукте», понимание которого, по нашему мнению, очень ограничено и узко. Так, Фрейд, определив результат сублимации как «цель несексуальную», но психологически близкую к сексуальной, как художественное творчество, отчасти задал направление дальнейшего развития постфрейдистского понимания сублимации. К примеру, часть исследователей, таких как И. Григорьев, И. Нейфельд, Э. Крис, В. П. Гай также склонны видеть результатом сублимации художественное творчество человека. Другие исследователи (У. Риверс, М. Кляйн, А. Фрейд, Р. Штерба, Дж. Браун, Б. Фридан и др.) полагают, что результатом сублимации могут быть практически все социально одобряемые виды деятельности. Г. Маркузе считает результатом сублимации цивилизацию, не придавая особого значения тому, что цивилизации присущи черты, имеющие отрицательную социальную оценку.

Э. Берн, О. Фенихель, Х. Когут и др. идут еще дальше, заявляя, что результат сублимации не обязательно должен быть общественно полезным. Противоречивую позицию занимает К. Хорни. С одной стороны, она не отрицает, что результатом сублимации может быть несексуальный и социально ценный объект, в том числе и искусство. С другой стороны, она также считает результатом сублимации такие черты характера человека, как скардность, общая несексуальная тенденция к подавлению, причинению боли, нанесению оскорблений, стремление к переживанию оскорблений или унижений, стяжательство, жадность, честолюбие, напористое или агрессивное поведение, стремление к власти⁵⁹. Очевидно, что эти черты не являются социально ценными (имеется в виду положительная социальная оценка) и не одобряются подавляющим большинством людей, или, по меньшей мере, имеют неоднозначную социальную оценку.

Развивая эти идеи, психоаналитик И. Великовский вводит противоположный сублимации термин – «принижение» (*abasement*)⁶⁰, обозначая им процесс, аналогичный процессу сублимации, но направленный

⁵⁸ Шелер, М. Указ. соч. М. / Шелер. – С. 83.

⁵⁹ Хорни, К. Наши внутренние конфликты / К. Хорни. – М., 1997. – С. 185.

⁶⁰ Velikovsky I. Psychoanalytical Papers. Chapter VII. Sublimation and Abasement. N. Y. 1999.

на антисоциальную деятельность. Он объясняет это тем, что внутренние импульсы не всегда отклоняются в сторону социально приемлемых целей. Термин «сублимация» говорит о позитивной моральной ценности, а термин «принижение» – об отрицательной, поэтому в его термине «принижение» находит свое место ненависть, злость, зависть, жестокость и садистские эмоции. Таким образом, Великовский говорит о своего рода «антисублимации», для определения которой можно взять традиционную дефиницию сублимации и изменить социальную сущность ее результата на антисоциальную. Отчасти подтверждая подобную позицию, В. Райх говорит о том, что не всё, что исходит из бессознательного является асоциальным⁶¹. Отсюда аксиологическая схема сублимации, которая у Фрейда выглядела следующим образом: «асоциальное → социальное», трансформируется у Великовского в «асоциальное → асоциальное», а в соответствии с Райхом становятся возможны варианты трансформации «социальное → социальное» и «социальное → антисоциальное».

Общим в приведенных взглядах на возможную антисоциальную сущность результата сублимации в дополнение к социальной является тенденция к расширению его значения, после чего он будет включать в себя практически всю деятельность человека, независимо от ее социальной направленности. В этом случае для человека более важным оказывается *исполнение его желания и его легкодостижимость*, а не социальная ценность.

При исследовании результата сублимации следует, вероятно, отдать предпочтение точке зрения М. Шелера, который, в отличие от психоаналитиков, традиционно понимающих сублимацию очень узко, говорит о возможной формализации понятия сублимации применительно ко всем событиям в мире. Сублимация, по Шелеру, имеет место в *каждом* процессе, благодаря которому силы низшей сферы бытия в процессе становления мира постепенно ставятся на службу более высокой формы бытия и становления – как, например, силы взаимодействия электронов ставятся на службу атомной структуре (Atomgestalt), а силы, действующие в неорганическом мире, – на службу структуре жизни. Шелер прав в том, что становление человека и духа следует рассматривать как *процесс сублимации природы*, «выражающийся одновременно во все большем предоставлении воспринятой организмом внешней энергии самым сложным процессам, какие мы только знаем, – процессам возбуждения коры мозга, и в аналогичном психическом процессе сублимации влечения как переключении энергии влечения на

⁶¹ Reich W. The function of the orgasm: Sex-economic problems of biological energy. – London, 1964. – P. 150.

«духовную» деятельность»⁶². Подобные положения Шелера мы и будем принимать за основу при дальнейшей реконструкции понятия сублимации.

По Шелеру, человек должен научиться терпеть себя самого, а также и те склонности, которые он считает дурными и пагубными. Шелер считает, что человек не может вступить в *прямую* борьбу с ними, но должен научиться преодолевать их косвенно, направляя свою энергию на выполнение доступных ему важных задач, признаваемых его совестью достойными. При таком понимании сублимации «становление человека представляет собой высшую известную нам сублимацию и одновременно интимнейшее единение всех сущностных сфер природы»⁶³.

Шелер предлагает качественно новое определение сублимации – *становление человека*. Это определение в целом хорошее, оно одно из всех предыдущих определений – философское. Более того, оно онтологично. В соответствии с ним все бытие человека является постоянным процессом сублимации самого человека. Однако и здесь необходимо отметить присущую ему проблему, которую нам предстоит осветить. Например, становление человека включает в себя все виды деятельности, производимые человеком в процессе онтогенеза – как креативные, так и деструктивные, так как последние никоим образом нельзя исключить из человеческой деятельности. Отсюда возникает *проблема определения социальной значимости деструктивности*, т. е. если мы оцениваем процесс становления человека как положительный, то тем самым мы даем положительную оценку и деструктивности.

Тем не менее позиция М. Шелера ценна тем, что она подчеркивает три аспекта сублимации. Во-первых, у Шелера сублимация процессуальна, о ней говорится как о диалектическом процессе изменения и развития человека. Во-вторых, Шелер отходит от чисто биологической точки зрения на сублимацию, и, понимая ее расширительно, рассматривает ее как социальное и духовное становление человека. В-третьих, Шелер подчеркивает онтологический аспект сублимации, интерпретируя ее как процесс, имеющий отношение к раскрытию сущности человека. Более того, соотнося сублимацию с бытием человека, Шелер фактически определяет сублимацию как само бытие человека. Именно по этим причинам взгляды Шелера на сублимацию могут быть взяты за основу при реконструкции понятия сублимации. Однако следует отметить, что сублимация, имеющая своим результатом творчество человека, представляет собой хотя и значительную, но только часть

⁶² Шелер, М. Положение человека в Космосе / М. Шелер // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. – С. 74.

⁶³ Там же. – С. 75.

всей деятельности человека. Поэтому, по нашему мнению, ее можно определить как значительную и неотъемлемую часть процесса становления человека.

Подводя итог анализу точек зрения исследователей, занимавшихся проблемой сублимации после Фрейда, можно сделать заключение о том, что процесс, который в психоанализе определен как «сублимация», теоретически может иметь место в процессе творческой деятельности, несмотря на невозможность экспериментального исследования и наблюдения этого процесса. Это утверждение основывается, помимо теоретических положений и логических заключений психоанализа и философии, на значительном количестве субъективных мнений людей творческой деятельности, описывающих различные стороны данного процесса, диктующих его метафорическое описание. Однако само разнообразие мнений свидетельствует в пользу того, что теории сублимации как таковой не существует, а существует принятая за аксиому рабочая гипотеза Фрейда, которая обросла некоторыми вариациями, причем ряд авторов совершенно не связывают сублимацию с креативностью.

Таким образом, проведя анализ мнений исследователей, развивавших учение Фрейда о сублимации, можно прийти к следующим выводам:

- мысль ученых, исследующих сублимацию или ее отдельные компоненты и черты, выходит далеко за рамки схемы, предложенной Фрейдом. В этом проявляется тенденция к генерализации компонентов сублимации и переоценке ее значения на более высоком уровне;

- подобная тенденция проявляется прежде всего в отходе от понимания энергии как субстанции, подвергающейся сублимации, и от понимания сексуальности как основной характеристики этой субстанции. Она также заключается в переходе от понимания сублимации как трансформации влечений к трансформации желаний, в отходе от биологичности и инстинктивности сублимации и подчеркиванию ее социального значения и характера;

- причина сублимации кроется не только в желании удовлетворения телесных потребностей, но и в тяге к удовлетворению социальных, творческих и духовных стремлений, т. е. сублимация является отчасти и социализацией;

- одним из условий сублимации является постоянная конфликтность человека со своим окружением, будь то индивид, общество или природа;

- к сублимации способны все люди, независимо от пола и возраста; сублимационной можно назвать значительную часть деятельности человека, независимо от ее социальной и антисоциальной направленности.

сти, т. е. происходит отход от строго положительной социальной оценки результата сублимации.

Последние два вывода говорят о том, что при реконструкции определения сублимации может быть взят за основу подход М. Шелера, который понимает под сублимацией становление человека. Мы, в свою очередь, определяем сублимацию как значительную и неотъемлемую часть процесса становления человека, так как она имеет своим результатом творчество человека, представляющее собой только часть всей деятельности человека.

В заключение следует отметить, что несмотря на анализ отдельных сторон компонентов причин и результатов сублимации, последователям Фрейда так и не удалось соединить разрозненные сведения о сублимации в единую стройную концепцию.

§ 3. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОНЯТИЯ СУБЛИМАЦИИ

Рассмотрев идею сублимации, представленную З. Фрейдом, и ее интерпретации в изложении исследователей, так или иначе соприкасавшихся с этой проблемой, представляется необходимым выстроить единую схему процесса сублимации. При этом мы увидим, что у Фрейда она выглядит следующим образом: некая «субстанция» из сферы бессознательного направляется к сексуальному объекту, но на пути к нему встречает преграду либо в виде сопротивления моральных установок индивида, либо со стороны внешних факторов. Это столкновение называется психическим конфликтом, который может вылиться в невроз, т. е. в болезнь. Невроза можно избежать, если указанная субстанция отступает обратно в бессознательное, а затем находит себе другой объект, уже не сексуальный, а «сублимированный» или «социальный». Именно по этой схеме последователи Фрейда строят свои варианты определений сублимации.

Такая схема сублимации, представленная Фрейдом и некоторыми его последователями⁶⁴, выглядит недоработанной и обладает некоторыми отрицательными качествами. К этим качествам относится механистичность, когда описание психического процесса происходит в динамических, топических и экономических отношениях, т. е. в физических терминах. К отрицательным качествам относится также инстинктивность, продиктованная, во-первых, узостью определения «субстанции», подвергающейся сублимации, во-вторых, узостью определения

⁶⁴ См.: Берн, Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных / Э. Берн. – СПб., 1995. – С. 78; Хорни, К. Наши внутренние конфликты / К. Хорни. – М., 1997. – С. 185 и др.

противостоящей ей стороны в психическом конфликте и, в-третьих, узостью результата сублимации, из чего проистекает случайный характер сублимации у ограниченного количества людей. Сюда же относится традиция рассмотрения творческой деятельности как обратной стороны патологии. Для устранения этих отрицательных характеристик мы предлагаем провести систематизацию и творческое переосмысление идей Фрейда относительно сублимации.

Начиная анализ определения сублимации, нам необходимо уточнить, что сам Фрейд дал более десяти определений той «субстанции», которая подвергается сублимации. Это «сексуальные силы влечений»⁶⁵, «сексуальное стремление»⁶⁶, «частные сексуальные стремления»⁶⁷, «извращенные элементы сексуального возбуждения»⁶⁸, «недопустимые душевные движения», «элементы полиморфной детской извращенности»⁶⁹, «либидо»⁷⁰, «патогенное желание»⁷¹, «энергия инфантильных желаний»⁷², «сексуальные компоненты влечений»⁷³, «компоненты сексуального чувства»⁷⁴, «сексуальное объект-либидо» и «нарциссическое либидо»⁷⁵, «недопустимое желание», «сверхсильные влечения»⁷⁶. Подобное многообразие препятствует проведению успешного анализа, внося путаницу в определение и схему сублимации.

⁶⁵ Фрейд, З. Три очерка по теории сексуальности / З. Фрейд // Психология бессознательного. – М.: Просвещение, 1989. – С. 154.

⁶⁶ Фрейд, З. Введение в психоанализ (лекции) / З. Фрейд. – М.: Наука, 1989. – С. 220.

⁶⁷ Фрейд, З. Введение в психоанализ (лекции) / З. Фрейд. – М.: Наука, 1989. – С. 220.

⁶⁸ Freud S. Die “culturelle” Sexualmoral und die moderne Nervosität, 1908, – G. W., VII, 151.

⁶⁹ Фрейд, З. Три очерка по истории сексуальности / З. Фрейд // Психология бессознательного. – М.: Просв., 1989. – С. 154, 196–197.

⁷⁰ Фрейд, З. Введение в психоанализ (лекции) / З. Фрейд. – М.: Наука, 1989. – С. 220.

⁷¹ Фрейд, З. О клиническом психоанализе. Избранные сочинения / З. Фрейд. – М.: Медицина, 1991. – С. 246.

⁷² Фрейд, З. О клиническом психоанализе. Избранные сочинения / З. Фрейд. – М.: Медицина, 1991. – С. 246.

⁷³ Фрейд, З. О клиническом психоанализе. Избранные сочинения / З. Фрейд. – М.: Медицина, 1991. – С. 272.

⁷⁴ Фрейд, З. О клиническом психоанализе. Избранные сочинения / З. Фрейд. – М.: Медицина, 1991. – С. 246.

⁷⁵ Фрейд, З. Я и Оно / З. Фрейд // Психология бессознательного. – М.: Просвещение, 1989. – С. 434–435.

⁷⁶ См.: Фрейд, З. Введение в психоанализ (лекции) / З. Фрейд. – М., 1989. – С. 240.

Исходя из этого, для представления общей схемы сублимации мы предлагаем ввести новую терминологию. Под термином «агент сублимации» мы предлагаем объединить все перечисленные выше понятия и обозначить субстанцию, подвергающуюся сублимации, причем под субъектом сублимации мы будем понимать человека.

Для уточнения и определения объекта, к которому направляется «агент сублимации», мы предлагаем ввести термин «первичный объект». Он определяется Фрейдом как «первоначальная сексуальная цель»⁷⁷. Другой объект, к которому «агент сублимации» направляется после психического конфликта и отступления обратно в бессознательное, мы предлагаем назвать «вторичным объектом». О вторичном объекте Фрейд говорит как о цели «несексуальной, но психологически близкой» первичной⁷⁸, при этом «далекой от непосредственного сексуального удовлетворения»⁷⁹. Помимо этого, вторичный объект – это «все виды культурной деятельности»⁸⁰, «культурный труд»⁸¹, «высшие культурные успехи»⁸². Он также является «более легко достижимым»⁸³, «социальным»⁸⁴, «более отдаленным и более ценным в социальном отношении»⁸⁵, «высшим, иногда несексуальным»⁸⁶.

Теперь после введения новой терминологии схема сублимации будет выглядеть следующим образом: агент сублимации из бессознательного направляется к первичному объекту, встречает преграду либо в виде сопротивления моральных установок индивида, либо со стороны внешних факторов, отступает обратно в бессознательное, а затем находит себе вторичный объект.

В ходе анализа мы выясним, что некоторые агенты сублимации из

⁷⁷ Freud S. Abriss der Psychoanalyse. 1940–1952. – G. W., XVII. – S. 150.

⁷⁸ Freud S. Die “kulturelle” Sexualmoral und die moderne Nervostae, 1908, G. W., VII, 150.

⁷⁹ Freud S. Zur Einführung des Narzissmus, 1914. – G. W., X, 161.

⁸⁰ Фрейд, З. Три очерка по теории сексуальности / З. Фрейд // Психология бессознательного. – М.: Просвещение, 1989. – С. 154.

⁸¹ Freud S. Die “kulturelle” Sexualmoral und die moderne Nervostae, 1908, G. W., VII, 150.

⁸² Фрейд, З. О клиническом психоанализе. Избранные сочинения / З. Фрейд. – М.: Медицина, 1991. – С. 272.

⁸³ Фрейд, З. Введение в психоанализ (лекции) / З. Фрейд. – М.: Наука, 1989. – С. 220.

⁸⁴ Фрейд, З. Введение в психоанализ (лекции) / З. Фрейд. – М.: Наука, 1989. – С. 220.

⁸⁵ Фрейд, З. О клиническом психоанализе. Избранные сочинения / З. Фрейд. – М.: Медицина, 1991. – С. 246.

⁸⁶ Фрейд, З. О клиническом психоанализе / З. Фрейд. – М., 1991. – С. 246.

указанных выше, такие, как «частные сексуальные стремления», «извращенные элементы сексуального возбуждения», «элементы полиморфной детской извращенности», образуются при примыкании сексуальных влечений к влечениям к самосохранению. Иными словами, это конгломерат влечений, одним из которых является влечение к самосохранению⁸⁷. Более того, сексуальное влечение и влечение к самосохранению, по Фрейд, имеют своей подосновой единую энергию – *либидо*⁸⁸. Такое заключение закономерно выводится из того факта, что либидо является одновременно как энергией сексуальных влечений, «резервуаром» которого является инстанция «*Оно*»⁸⁹, так и энергией несексуальных влечений к самосохранению, «обширным резервуаром» которых является инстанция «*Я*»⁹⁰. Последняя, по Фрейд, обладает «влечениями *Я*», которые суть влечения к самосохранению⁹¹.

Помимо этого, Фрейд в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920) говорит, во-первых, о «либидинальной природе влечений к самосохранению»⁹² и, во-вторых, о «невозможности отличить» энергию сексуального влечения от энергии влечений к самосохранению⁹³. Более того, он трактует дуализм между сексуальными влечениями и влечениями к самосохранению всего лишь как «рабочую гипотезу», а не как «необходимый постулат»⁹⁴, чего при разделении и противопоставлении влечений не замечают современные исследователи.

Из сказанного выше можно сделать вывод о том, что, во-первых, энергия либидо является энергией не только сексуальных влечений, но и влечений к самосохранению и, во-вторых, сублимации в психоаналитической парадигме, помимо сексуальных влечений, должны быть подвержены и влечения к самосохранению, то есть несексуальные влечения. Сходных взглядов на агента сублимации придерживаются Г. Ловенфельд и В. Линецкий⁹⁵. Многие исследователи (К. Г. Юнг,

⁸⁷ См.: Freud S. Beiträge zur Psychologie des Liebeslebens. 1940 – 1952. G. W., VIII. S. 80.

⁸⁸ См.: Фрейд, З. Введение в психоанализ (лекции) / З. Фрейд. – М., 1989. – С. 220.

⁸⁹ Freud S. Das Ich und das Es. 1940–1952. G. W., XIII. S. 258, 275.

⁹⁰ См.: Freud S. “Psychoanalyse” und “Libidotheorie”. 1940–1952. G. W., XIII. S. 231.

⁹¹ См.: Freud S. Die psychogene Sehstörung in psychoanalytischer Auffassung. 1940 – 1952. G. W., VIII. S. 97–98.

⁹² Freud S. Jenseits des Lustprinzips. 1940–1952. G. W., XIII. S. 56.

⁹³ Freud S. Zur Einführung des Narzissmus. 1940–1952. G. W., X. S. 149.

⁹⁴ Ibid. S. 144.

⁹⁵ См.: Linetski V. Poststructuralist Paraesthetics and the Phantasy of the Reversal of Generations // Postmodern Culture. Sept. 1996. Vol. 7. No. 1.

У. Риверс, Б. Фридан, Д. Браун, Дж. Педдер, К. Голдштейн, А. и Э. Лючинс, Р. Ассаджиоли и др.) также отрицают ведущую роль сексуальности при сублимации. Соглашаясь с мнениями указанных исследователей, мы считаем, что те современные определения сублимации, которые в качестве агента сублимации называют только сексуальное влечение, сексуальные импульсы и т. д., можно считать неверными. Неверным, думается, также следует считать определение сублимации как десексуализации, так как, к примеру, при сублимации несексуальных влечений к самосохранению (в их чистом или смешанном виде) десексуализация уже не нужна.

Как можно видеть, Фрейд объединил все влечения, имеющие своей основой энергию либидо (а именно: сексуальное влечение, влечение к самосохранению, влечения Я, влечения, «связанные с любовью к Я и любовью к объекту» и пр.) в совокупность влечений к жизни – Эрос⁹⁶. Из этого можно сделать заключение, что сублимации подвергается уже вся совокупность влечений к жизни. Иными словами, агентом сублимации становится фрейдовский «Эрос», так как Фрейд отождествлял понятие либидо с понятием «Эроса», говоря, что эта энергия «совпадает с Эросом поэтов и философов как основой единства всего живого»⁹⁷.

Подобный вывод входит в противоречие с непоследовательным пониманием сублимации, данным Фрейдом в определениях этого процесса. В частности, следуя фрейдовскому определению сублимации, мы будем вынуждены признать, что «Эрос» асоциален (т. е. асоциальны все влечения к жизни – сексуальные влечения и влечения к самосохранению), поскольку в соответствии с ним агент сублимации должен стать социальным только после столкновения с препятствием, мешающим его удовлетворению и последующей сублимации. Более того, следование фрейдовской схеме сублимации заставляет нас признать, что после конфликта Эрос должен быть подвержен вытеснению.

Но Эрос уже по сути представляет собой нечто возвышенное, не подлежащее сублимации, потому что, во-первых, как мы уже заметили, либидо сексуальных влечений совпадает с Эросом поэтов и философов как основой единства всего живого, а, во-вторых, сексуальность, которую, по Фрейду, следует понимать как Эрос, не тождественна генитальной функции⁹⁸. И если все же предположить, что Эрос может сублимироваться, то для возникновения психического конфликта ему нужна равная по величине противодействующая сила.

⁹⁶ Freud S. Abriss der Psychoanalyse. 1940 – 1952. G. W., XVII. S. 71.

⁹⁷ Freud S. Jenseits des Lustprinzips. 1940 – 1952. G. W., XIII, 66.

⁹⁸ См.: Freud S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie. 1940 – 1952. G. W., V. S. 31–32.

В этом случае можно было бы предположить, что препятствием, провоцирующим психический конфликт, является обычно противопоставляемый Эросу Танатос (влечение к смерти). Но подобное предположение некорректно, поскольку Танатос как влечение к смерти, «влечение к разрушению, влечение к овладению, воля к власти»⁹⁹ по своей сути также «социально неприемлем» и также подвергается сублимации. Более того, Танатос, по Фрейду, «может восприниматься лишь в эротической окраске»¹⁰⁰.

Он также «оказывается побегом Эроса»¹⁰¹ и содержится в инстанции психического аппарата «*Оно*»¹⁰², которое является «резервуаром либидо». Другими словами, энергия Танатоса, как и Эроса, есть энергия либидо, но только отличающаяся своей направленностью. Создавая дихотомию Эрос – Танатос, Фрейд создает еще одно противоречие, так как при анализе этой дихотомии оказывается, что Танатос не может противостоять Эросу.

Тот факт, что, по Фрейду, Танатос обладает энергией либидо, заставляет нас признать правильными определения сублимации, в которых ее агентом являются агрессивные импульсы или влечения. В этом случае агент сублимации оказывается предельно широким, в него входят все без исключения фрейдовские влечения, и все они оказываются «социально неприемлемыми». Но подобное расширение агента сублимации, вытекающее из анализа работ Фрейда, не только не спасает определение сублимации, но и заводит нас в замкнутый круг: для образования психического конфликта и последующей сублимации конгломерату влечений должны противостоять моральные табу, которые, в свою очередь, являются результатом сублимации.

Устранение этого противоречия невозможно без *устранения положительной моральной и социальной оценки* как того препятствия, которое мешает влечениям достичь своего объекта и создает психический конфликт, так и агента сублимации. С одной стороны, такое снятие социальной оценки сторон психического конфликта неизбежно приводит нас к предположению о том, что препятствием на пути агента сублимации, направленного к первичному объекту, являются не только внутренние моральные запреты или совесть, но и внешние факторы, т. е. окружающая человека реальность. Именно благодаря внеш-

⁹⁹ Freud S. Das ökonomische Problem des Masochismus. 1940–1952. G. W., XIII. S. 376.

¹⁰⁰ Freud S. Das Unbehagen in der Kultur. 1940–1952. G. W., XIV. S. 479.

¹⁰¹ Freud S. Das Ich und das Es. 1940–1952. G. W., XIII. S. 275.

¹⁰² См.: Freud S. Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse. 1940–1952. G. W., XV. S. 80.

ней реальности человек с течением времени начинает подчиняться фрейдовскому «принципу реальности»¹⁰³.

С другой стороны, агент сублимации также не должен нести в себе социально положительной или отрицательной оценки и быть предельно общим. При этом он – в противовес внешнему миру как стороне конфликта, порождающей «принцип реальности», – должен подчиняться «принципу удовольствия». Таким агентом сублимации, по нашему мнению, может быть *желание* субъекта. Современные исследователи, за редким исключением (Р. Холт, Дж. О Уиздом, К. С. Хэлл, Дж. Линдзи¹⁰⁴), не замечают, что Фрейд сам в работе «О психоанализе» (1909) дает определение сублимации, где ее агентом наряду с «сексуальным чувством» является желание. Он называет сублимацию целесообразным мероприятием, с помощью которого конфликт и невроз можно привести к благоприятному концу и при котором «патогенное желание направляется само на высшую, не возбуждающую никаких сомнений цель (что называется сублимацией)»¹⁰⁵.

Сублимация также является более целесообразным процессом развития по сравнению с простым устранением инфантильных желаний. При сублимации «энергия инфантильных желаний не устраняется, а применяется для других высших иногда несексуальных целей. Как раз компоненты сексуального влечения отличаются способностью к сублимации, т. е. замены своей сексуальной цели другой, более отдаленной и более ценной в социальном отношении. Этим прибавкам энергии со стороны сексуального чувства к нашей душевной деятельности мы обязаны, *по всей вероятности*, нашими высшими культурными успехами»¹⁰⁶. Позже в «Очерке психоанализа» (1938) Фрейд также определил агента сублимации как «недопустимые желания»¹⁰⁷.

Следует заметить, что Фрейд, определяя желания как «патогенные», «инфантильные», «недопустимые», по сути говорит о том, что эти желания по той или иной причине не подлежат удовлетворению. Таким образом, убирая социальную оценку желания, мы приходим к предположению о том, что агентом сублимации возможно является любое неудовлетворенное желание, а не гипотетическое влечение.

¹⁰³ Freud S. Formulierungen über die zwei Prinzipien des psychisches Geschehens. 1940 – 1952. G. W., XIII. S. 231–232.

¹⁰⁴ Hall S. C., Lindzey G. The relevance of Freudian psychology and related viewpoints for the social sciences // Historical introduction. Systematic positions. 1968. Vol. 1. P. 245-319.

¹⁰⁵ Фрейд, З. О клиническом психоанализе / З. Фрейд. – М., 1991. – С. 246.

¹⁰⁶ Там же. – С. 272.

¹⁰⁷ Freud S. Abriss der Psychoanalyse. 1940–1952. G. W., XVII. S. 72.

Характеризуя результат сублимации (т. е. вторичный объект агента сублимации), Фрейд также стремится к обобщению. При рассмотрении того, что по Фрейду является продуктом сублимации, ясно прослеживается тенденция к генерализации: от создания предметов искусства и художественного творчества к высоким целям и всем видам культурной деятельности. В работе «Я и Оно» (1923 г.) Фрейд идет дальше, заявляя, что либидо, подвергающееся десексуализации и сублимации, «оставляет неприкосновенной главную цель Эроса – объединение и связывание, помогая созданию целостности и тенденции к целостности»¹⁰⁸. Позже он также утверждает, что при сублимационном изменении энергией либидо своих цели и объекта принимается во внимание социальная оценка¹⁰⁹.

В последних двух определениях ясно видна попытка обобщения Фрейдом замещающего объекта (вторичного объекта в нашей терминологии), которая, по нашему мнению, совершенно недостаточна для философско-антропологического дискурса и приводит лишь к размытости понимания вторичного объекта. Можно предположить, что «объединение и связывание», «создание целостности», а также «создание и сохранение все более крупных единств»¹¹⁰ свидетельствуют о движении материи от хаоса к порядку, о ее обновлении и изменении, качественной трансформации ее структуры. На социальном уровне, о котором говорит Фрейд, подобное движение материи проявляется в общей созидательной деятельности человека. Именно эта деятельность получает высокую «социальную оценку», причем художественное творчество является всего лишь малой частью этой деятельности.

«Более легкая достижимость» вторичного объекта сублимации¹¹¹, провозглашенная Фрейдом в «Лекциях по введению в психоанализ» (1916 г.), входит в противоречие с его положительной социальной оценкой. Оно состоит в том, что цели некоторых видов творческой и социально приемлемой деятельности (например, такие, как литье статуи или высечение их из гранита и мрамора) нельзя назвать легкодостижимыми. Помимо этого, такая творческая цель как, скажем, изобретение и усовершенствование гильотины, может быть легкодостижимой и получать высокую социальную оценку на определенных этапах развития общества.

По нашему мнению, разрешить подобное противоречие можно

¹⁰⁸ Freud S. Das Ich und das Es. 1940–1952. G. W., XIII. S. 274.

¹⁰⁹ Freud S. Neue Folge der Vorlesungen zur Einfuehrung in die Psychoanalyse. 1940 – 1952. G. W., XV. S. 103.

¹¹⁰ Freud S. Abriss der Psychoanalyse. 1940–1952. G. W., XVII. S. 71.

¹¹¹ Фрейд, З. Введение в психоанализ (лекции) / З. Фрейд. – М., 1989. – С. 220.

двумя путями. Первый путь – снять положительную социальную оценку с вторичного объекта сублимации. В этом случае любая деятельность человека (даже изобретение гильотины и машин-«душегубок») может считаться творческой и подпадать под определение сублимации. Устранение социальной оценки в этом случае оправдано также ее относительностью, так как в некоторых случаях изобретения, подобные перечисленным выше, являлись социальными заказами, т. е. имели социальное одобрение. Второй путь – признать легкодостижимость вторичного объекта только в пределах социально одобряемой деятельности, что, по нашему мнению, ограничивает понимание сублимации.

Итак, после анализа немногочисленных отрывочных описаний сублимации, данных самим Фрейдом, мы приходим к заключению, что единого определения сублимации по сути не существует. Более того, разнообразие понимания агента сублимации, первичного и вторичного объектов свидетельствует о размытости содержания понятия сублимации, об отсутствии его единой трактовки. В итоге, по нашему мнению, общая схема сублимации, выстроенная на основе определений, данных Фрейдом, будет выглядеть следующим образом: *человек, имея какое-либо желание, не может осуществить его, поскольку окружающий его мир либо не дает ему сделать это, либо формирует у него такие психологические установки, которые не позволяют человеку осуществить данное желание. Вслед за этим происходит выбор альтернативной деятельности (вторичного объекта), в которой человек может хотя бы частично получить удовлетворение от воплощения в жизнь любого желания без обязательного вытеснения, присущего фрейдовской схеме сублимации.*

Совершенно очевидно, что такое понимание сублимации несмотря на то, что оно складывается на основе анализа фрейдовских текстов и вбирает в себя отдельные черты каждого из определений сублимации, значительно отличается от ныне распространенных определений сублимации, приписываемых Фрейду. Основное отличие состоит прежде всего в том, что, во-первых, в нем снимается обязательность социальной направленности сублимации, т. е. восхождения от «низшего» к «высшему», и человек наделяется свободой выбора вторичного объекта, который может также быть социально неприемлемым (к примеру, политик выполняет общественно полезную работу, но его действия общество не одобряет). Помимо этого, вторичный объект может быть виртуальным, созданным компьютером, телевизором или просто воображением человека. Во-вторых, становится необязательным вытеснение агента сублимации, т. е. желания, которое может быть социально приемлемым.

Тем не менее данная схема, верификацию которой мы проведем ниже, по нашему мнению, позволяет устранить некоторые из отрицательных качеств, присущих широко распространенным в настоящее время дефинициям сублимации. Так, при подобной схеме сублимации отпадает необходимость в механистичности построений, т. е. уподоблении функционирования психики человека работе сложного механизма. Сублимация перестает быть зависимой от сексуальности человека и от его принадлежности к тому или другому полу. Кроме того, разрешается проблема *случайности* выбора психикой человека сублимации как одного из многих механизмов защиты от неврозов и, соответственно, патологичности как обратной стороны творчества человека.

К примеру, начало сублимации Фрейд переносит в «сексуальный латентный период детства»¹¹², то есть период упадка детской сексуальности на пятом или шестом году жизни ребенка, когда ребенок начинает понимать, что «хорошо», а что «плохо». Это говорит о том, что Фрейд ставит необходимым условием для начала процесса сублимации существование нравственных запретов, которые начинают формироваться у ребенка именно в этом возрасте.

Представленная общая схема сублимации, где в качестве агента сублимации выступает *желание* субъекта, помогает избежать подобных возрастных и половых ограничений. Так, самое распространенное подвергающееся сублимации «инфантильное» желание, исходящее из гипотетического «эдипова комплекса», выражается в тяге маленького мальчика к матери. Вне зависимости от той причины, по которой это «недопустимое» желание не будет удовлетворено, будь то осознание самим ребенком запретности этого желания, запрет матери или ее отсутствие, желание остается неудовлетворенным. Иными словами, сама констатация Фрейдом гипотетического существования этого желания является по сути констатацией того, что оно обречено на неудовлетворение. Если подобное неудовлетворение мы принимаем за основу для психического конфликта, ведущего к сублимации, то стирается различие между внутренними (т. е. моральными) и внешними препятствиями для удовлетворения желаний, что, в свою очередь, снимает обязательность нравственной оценки одной из сторон.

Предлагаемая синтезированная на основе фрейдовских определений схема сублимации без вытеснения, по нашему мнению, способна разрешить некоторые противоречия, присущие теории Фрейда, следующим образом. Вытеснение, этот «краеугольный камень, на кото-

¹¹² Freud S. Abriss der Psychoanalyse. 1940–1952. G. W., XVII. S. 71.

ром зиждется все здание психоанализа»¹¹³, происходит тогда, когда инстанции *Оно*, энергия которой, по Фрейду, подлежит сублимации и удерживается в бессознательном, противостоит инстанция *Я*, которая подчиняется принципу реальности. При этом инстанция *Я*, по Фрейду, также является *преимущественно бессознательной инстанцией*, бессознательная составляющая которой «оказывает мощное воздействие, не будучи осознаваемой и требуя для осознания особой работы»¹¹⁴. Таким образом, принимая во внимание подобные положения, противоречие во фрейдовской схеме сублимации заключается в том, что в психическом конфликте сталкиваются две инстанции, одна из которых полностью бессознательна, а вторая бессознательна преимущественно. В таком случае конфликт может полностью переноситься в бессознательное и не осознаваться человеком. Очевидно, что в таком случае вообще нельзя говорить о существовании сублимации и о выборе социально значимого объекта сублимации, так как в этом случае вообще невозможно определить, существует ли конфликт между двумя бессознательными инстанциями.

В оценке подобных недостатков фрейдовской схемы сублимации мы согласны с А. Грюнбаумом, который уверен, что теория вытеснения, представленная Фрейдом, не подтверждается. Об этом говорят факты биографий Дж. Верди, Ч. Дарвина и самого Фрейда, из которых Грюнбаум делает заключение, что болезненные и неприятные для людей впечатления могут оставаться в памяти с самого детства¹¹⁵. Помимо этого сам Фрейд в «Исследованиях истерии» говорит о том, что «нежеланием знать», которое в большей или меньшей степени могло быть осознанным¹¹⁶. Поэтому, предлагая использовать в качестве агента сублимации не влечение, а желание, мы приходим к тому, что предшествующий сублимации психический конфликт больше не нуждается в вытеснении, так как этот конфликт уже не принадлежит бессознательному.

В этом отношении, по нашему мнению, отчасти верна позиция Г. Маркузе, который полагал, что сублимация может быть нерепрессивной¹¹⁷ (от англ. repression – вытеснение) и происходить при отсут-

¹¹³ Freud S. Zur Geschichte der psychanalytischen Bewegung. 1940–1952. G. W., X. S. 54.

¹¹⁴ Freud S. Das Ich und das Es. 1940–1952. G. W., XIII. S. 244.

¹¹⁵ См.: Грюнбаум, А. Сто лет психоанализа: итоги и перспективы / А. Грюнбаум // Вопросы философии. – 1997. – № 7. – С. 90–91.

¹¹⁶ Freud S. Studies on hysteria. 1895. S. E., Vol. II. P. 269–270.

¹¹⁷ См.: Маркузе, Г. Эрос и Цивилизация / Г. Маркузе. – Киев, 1995. – С. 215.

ствии вытеснения. Но отсутствие вытеснения совершенно не означает отсутствие психического конфликта, и даже нерепрессивное общество, являясь частью окружающего человека мира, продолжает выступать одной из сторон психического конфликта. Психический конфликт может не манифестироваться человеком, но он имманентно присутствует уже в системе «желание – объект желания» в силу их нетождественности, так как хотение не есть обладание.

Проблема инстинктивности сублимации, попытку решения которой мы делаем, предлагая синтезированную схему сублимации, выступает не только как философско-психоаналитическая, но и как лингвистическая. В психоаналитической литературе не существует однозначного мнения в определении динамического процесса, при котором, по Фрейду, некое давление (энергетический заряд, движущая сила) подталкивает организм к некоторой цели. В частности, существуют два термина, обозначающие этот процесс – это «*влечение*» и «*инстинкт*». Некоторые авторы-психоаналитики не различают термины «*влечение*» и «*инстинкт*», другие проводят между ними различие, называя *инстинктом* устойчиво наследуемое поведение, присущее почти без изменений всем животным одного вида¹¹⁸. Сам Фрейд четко разграничивал употребление двух различных терминов. Говоря об *инстинкте*, он имел в виду биологически наследуемое поведение животных, характерное для вида в целом, развертывающееся по заранее определенным схемам и приспособленное к объекту.

Слово *Trieb*, которое и переводится на русский язык терминами «*влечение*» и «*инстинкт*» – германского происхождения, оно более старое, чем *Instinkt* и связано по смыслу с «толчком» (*treiben* – толкать); при этом подчеркивается не какая-то конкретная цель или объект, но скорее общая направленность движения и невозможность противостоять толчку. В Standard Edition немецкое слово *Trieb* переводится как английское *instinct*, другие же значения, такие, как *drive*, *urge* отсекаются. По замечанию А. М. Руткевича, Фрейд ничуть не возражал против того, что на английский язык немецкое *Trieb* переводилось именно как *instinct* (другой вариант *drive*, который буквально соответствует немецкому *Trieb* не был им одобрен)¹¹⁹. До сих пор остается загадкой, почему Фрейд поступил именно так, но это привело к тому, что англоязычные авторы употребляли *instinct*, *instinctual* и т. п. вплоть до 60-70-х годов. В эти годы началась полемика, так как оказалось, что

¹¹⁸ См.: Hempelmann F. Tierpsychologie. Akademische Verlagsgesellschaft. Leipzig, 1926.

¹¹⁹ Руткевич, А. М. Психоанализ. Истоки и первые этапы развития: курс лекций / А. М. Руткевич. – М., 1997. – С. 180.

Фрейд не был «инстинктивистом», а *влечение* вовсе не является *инстинктом*. Тем не менее, термин *instinct* до сих пор употребляется в англоязычной психоаналитической литературе.

Термин «*инстинкт*» в русском языке имеет те же смысловые оттенки, что и *Instinkt* у Фрейда, и потому, как нам представляется, его можно сохранить только там, где сам Фрейд употребляет именно этот термин. Однако если термин «*инстинкт*» использовать для перевода *Trieb*, мысль Фрейда окажется искаженной. С такой точкой зрения также согласна и Н. С. Автономова, которая во вступительной статье к «Словарю по психоанализу» Ж. Лапланша и Ж.-Б. Понталиса «От переводчика» замечает, что подобная недоработка при переводе смешивает понятнейшие нюансы и приводит к «физиологизации» понятия. Поэтому в новейших английских переводах *Trieb* чаще переводится как *drive* – вариант отвергнутый при составлении *Standard Edition*¹²⁰. Выбор термина *instinct* в качестве английского и французского эквивалента для немецкого *Trieb* порождает путаницу между фрейдовской теорией влечений и психологическими концепциями инстинкта у животных, а тем самым приводит к утрате оригинального момента фрейдовской концепции, связанного с утверждением относительной неопределенности побуждающей силы, случайности объекта, а также изменчивости целей влечения.

Использование в качестве агента сублимации «инстинктов», «инстинктивных форм психики» и «инстинктивных импульсов» закрепилось именно из-за того, что на русском языке некоторые работы Фрейда (и особенно К. Г. Юнга) появились в переводах не с немецкого языка, когда термин «*Trieb*» переводился как *влечение*¹²¹, а с английского, т. е. когда *Trieb* переводился на английский язык как *Instinct*, а затем уже на русский язык как *инстинкт*¹²². Такое искажение приводит к

¹²⁰ Лапланш, Ж., Понталис, Ж.-Б. Словарь по психоанализу. – М., 1996. – С. 19.

¹²¹ В старых переводах фрейдовских текстов на русский язык или в их пересказах русскими авторами использовались такие переводы термина *Trieb*, как *позыв*, *толчки со стороны сексуальных стремлений*, *влечения*. Употребление этих терминов перемежается с употреблением термина «*инстинкт*». Этот факт может служить свидетельством того, что русские авторы в начале XX века либо не делали таких значительных различий между этими терминами на русском языке, какие существуют сейчас, либо еще не поняли оригинальность психоаналитической теории влечений (см.: Осипов, Н. О психоанализе / Н. Осипов // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. – М., 1994. – С. 91–111).

¹²² Эта же проблема способствовала тому, что в переводах текстов К. Г. Юнга с английского языка повсеместно встречается термин *Instinct*. Юнг, будучи соратником Фрейда, прекрасно знал его теорию и труды, в которых Фрейд, во-

грубым смысловым ошибкам. К примеру, *инстинктивная* сущность агента сублимации задавала бы инстинктивную форму его удовлетворения, т. е. он должен был бы посредством биологически *строго закрепленных действий* достигать биологически *строго закрепленных цели и объекта*. В этом случае деятельность по достижению *инстинктивного* вторичного, т. е. социально ценного, объекта не была бы творческой, а напоминала бы деятельность пчел при строительстве улья. Подобное искажение смысла приводит к тому, что некоторые психоаналитики (К. Хорни, Дж. Браун, Э. Берн и др.), на наш взгляд, ошибочно говорят о сублимации определенных психосексуальных патологий человека в строго определенные виды социально приемлемой деятельности (например, садистские стремления сублимируются в склонность к хирургии).

Говоря о неинстинктивности агента сублимации, мы тем самым по сути заявляем, что сублимация в психоаналитической парадигме является *неинстинктивной* деятельностью человека, так как форма социальной деятельности биологически не закреплена, а значит, не закреплены строго ее объект и цель. Из этого следует, что творческая деятельность не является инстинктивной, так как не имеет биологически закреплённых объекта и цели.

По Фрейду, цивилизация, искусство, культура являются результатом бессознательной деятельности человека, т. е. они не зависят от его воли. В таком случае культура должна была бы возникнуть практически у всех живых существ, обладающих сексуальными инстинктами. Существование культуры только у человека говорит о том, что человек в отличие от остальных существ обладает неким атрибутом, который делает его способным проводить созидательную деятельность. Этим атрибутом, по нашему мнению, является разум человека, из чего можно сделать вывод, что культура, в противовес мнению Фрейда, возникает только в сфере разума и чувств, понимаемой как социальное бытие человека, а не из телесных функций.

Другим неясным моментом во фрейдовской концепции сублимации остается конструкция механизма, с помощью которого агент сублимации, по Фрейду, направляется именно на одобряемую обществом деятельность. Проблема состоит в том, что у Фрейда нигде не показан механизм процесса и причины, по которым влечения перенаправляются на социаль-

первых, жестко разграничивал *влечение* и *инстинкт* и, во-вторых, употреблял термин *Trieb*, говоря о сублимации *влечений*, а не *инстинктов*. Исходя из этого вероятно следует трактовать все юнгианские *инстинкты* (особенно в таких выражениях как «результат сублимации инстинктов» и «независимый креативный инстинкт») как *влечения*.

но приемлемую деятельность. Частичные сексуальные влечения (т. е. конгломерат сексуального влечения и влечения к самосохранению), которые, по Фрейду, подвергаются сублимации, чрезвычайно *пластичны* и могут выступать одно вместо другого. И если удовлетворение одного отвергается реальностью, то удовлетворение другого может привести к полной компенсации. Эти влечения, по Фрейду, относятся друг к другу, как сеть сообщающихся наполненных жидкостью каналов, и имеют способность менять свой объект, замещать его другим, в том числе и более легко достижимым¹²³. Одно из таких замещений приобрело особое культурное значение, когда влечение отказывается от своей цели частного удовольствия или удовольствия от продолжения рода и направляется к другой цели, генетически связанной с той, от которой отказалось, но самой по себе уже не сексуальной, а заслуживающей название социальной¹²⁴.

Анализируя данное фрейдовское определение сублимации, мы неизменно придём к ошибочному выводу, что из-за большой подвижности влечений и их способности быстро менять первичный объект на вторичный количество невротиков должно быть минимальным, так как влечения и желания всегда легко найдут себе объект для удовлетворения.

Однако Фрейд и здесь создает противоречие, говоря о том, что либидо как энергия влечений делает зависимым удовлетворение обычного индивида, «нехудожника», от очень незначительного числа целей и объектов¹²⁵. Согласно такой схеме человек реагирует на вызов окружающей реальности суррогатным удовлетворением от строго заданного количества целей и объектов. Из этого следует, что его адаптационные возможности очень низки. Отсюда можно сделать вывод, прямо противоположный предыдущему, о том, что количество невротиков должно увеличиваться.

Мы можем предложить выход из подобного противоречия, применяя общую схему сублимации, о которой говорилось выше. Снимая противоречие между социальной ценностью и легкодостижимостью вторичного объекта, мы можем предположить, что вторичный объект не обязательно должен быть социально ценным так же, как он не обязательно должен быть легкодостижимым. К примеру, создание из мраморной глыбы скульптурной композиции при помощи молотка и резца не может быть отнесено к легкодостижимым целям. С другой стороны, объект может быть легкодостижимым, но не иметь социальной ценности. Из этого следует, что приоритет в выборе любого вторичного объекта (как имеющего,

¹²³ Фрейд, З. Введение в психоанализ (лекции) / З. Фрейд. – М., 1989. – С. 220.

¹²⁴ Там же. – С. 220.

¹²⁵ Там же. – С. 220–221.

так и не имеющего социальную ценность) отдается способности последнего *дать удовлетворение от его достижения*. В соответствии с этим можно предположить, что человек для наиболее полного удовлетворения желания выбирает именно ту деятельность, в которой он может сделать то, что у него получается, причем она может быть как конструктивной, так и деструктивной. При успешном выполнении этой деятельности человек получает удовлетворение и удовольствие. Верно подмеченная Фрейдом многочисленность вторичных объектов, т. е. их количественная неопределенность, по нашему мнению, обуславливает свободу выбора человеком одного или нескольких этих замещающих объектов. К примеру, психоаналитик И. Хендрик определяет такое удовольствие от удовлетворения гипотетического «инстинкта овладения и управления окружением» как «удовольствие от успешно выполненного действия», когда человек «может управлять своим окружением и изменять его»¹²⁶.

Из такого существенного уточнения Хендрика можно сделать вывод о том, что человек сначала формулирует свое желание, выстраивает пути достижения цели в психической реальности, а затем начинает активными действиями изменять свое окружение. Именно при выстраивании образа будущих действий создается тот конфликт, который, по Фрейду, необходим для начала сублимации. Если человеку удастся сделать «правильные» действия в материальной реальности, которые соответствовали бы предполагаемым действиям, выстроенным в психической реальности, – это и будет являться разрешением конфликта. «Правильные», или «успешно выполненные», действия в данном случае можно трактовать как действия, приводящие к достижению цели, а значит, к получению удовольствия и удовлетворения. Конфликт же состоит в том, что материальная реальность зачастую не совпадает с психической реальностью, и в силу этого «правильные» относительно представляемой реальности действия могут не оказаться таковыми в материальной реальности. Именно поэтому «инстинкт овладения и управления окружением», проявления которого были подмечены психоаналитиком Хендриком, мы склонны считать выражением основного сознательного и бессознательного *стремления человека управлять материальной реальностью вокруг себя с целью ее подчинения своей психической реальности* и, следовательно, устранения конфликта.

В этом отношении следует обратить внимание на замечания Фрейда о том, что в ходе психоаналитического сеанса пациенты рассказывали ему о патогенных сценах детства, свидетелями которых они якобы являлись. Фрейд считал их реальными, но однажды понял, что эти сцены были придуманы пациентами и имели отношение не к материальной, а к их психи-

¹²⁶ Hendrick I. Work and the pleasure principle // Psychoanalytic Quarterly. 1943. No. XII. P. 311.

Феномен сублимации: опыт философско-антропологического исследования. Омск.: СИБИТ, 2007. – 148 с. ISBN 978-5-98867-017-9

ческой реальности¹²⁷, которую практически невозможно было отличить от материальной¹²⁸. Тем не менее, придуманные пациентами события, даже не основанные на реальных фактах из их жизни, могли, по мнению Фрейда, приводить к патогенным последствиям.

Из этого можно сделать вывод о том, что психический конфликт, образовавшийся при неудовлетворении желания, является пусковым моментом для создания человеком психической реальности. И именно в психической реальности, которая противостоит материальной, пациент Фрейда мог фантазировать так, чтобы вымышленные сцены или сцены, спровоцированные реальностью, состоялись или не состоялись таким образом, каким это нужно пациенту. Фрейд называет эту психическую реальность «промежуточным царством фантазии», которое существует со всеобщего согласия человечества, и всякий, испытывающий лишения, ждет от него облегчения и утешения¹²⁹.

Благодаря такой точке зрения Фрейда мы, со своей стороны, можем с уверенностью сделать вывод, что та «легкодостижимость» объекта, о которой говорилось выше, существует именно в этой создаваемой психикой человека виртуальной реальности. Это происходит в силу того, что человеку гораздо легче смоделировать именно психическую, а не окружающую его материальную реальность таким образом, чтобы в ней можно было удовлетворить свои желания.

В работе «Поэт и фантазии» (1908) Фрейд говорит о том, что фантазирование (т. е. создание психической реальности) присуще также и людям искусства, причем фантазирует отнюдь не счастливый человек, а неудовлетворенный. Именно неудовлетворенные желания являются побудительными стимулами фантазий. Каждая фантазия – это «существование желания, корректив к неудовлетворяющей действительности»¹³⁰.

В этой работе Фрейд также упоминает об общих чертах, присущих человеку искусства, например, поэту и играющему ребенку. Суть в том, что «играющее дитя ведет себя как поэт, когда оно создает себе свой собственный мир или, правильнее говоря, когда оно окружающий его мир перестраивает по-новому, по своему вкусу»¹³¹. Поэт также «создает мир, к которому он относится очень серьезно»¹³². Это, по Фрейду, происходит потому, что человек не может от чего-либо отка-

¹²⁷ Фрейд, З. Введение в психоанализ (лекции) / З. Фрейд. – М., 1989. – С. 235.

¹²⁸ Там же. – С. 237.

¹²⁹ Фрейд, З. Введение в психоанализ (лекции) / З. Фрейд – М., 1989. – С. 240–241.

¹³⁰ Фрейд, З. Поэт и фантазии // Зигмунд Фрейд и психоанализ в России. – М., 2000. – С. 281.

¹³¹ Там же. – С. 279.

¹³² Там же. – С. 280.

заться, не заменив одно другим: «то, от чего как будто отказываешься в действительности, только заменяется каким-нибудь суррогатом»¹³³. Из этого можно сделать вывод, что творческий человек заменяет одну реальность (т. е. окружающий его реальный мир) другой реальностью – психической.

Фрейд прав, говоря о том, что любой художник испытывает желания почестей, власти, богатства, славы и любви женщин; но у него нет средств, чтобы добиться их удовлетворения. Поэтому, как всякий неудовлетворенный человек, он «отворачивается от действительности и переносит весь свой интерес на желанные образы своей фантазии»¹³⁴. Однако, по нашему мнению, следует уточнить, что художник выстраивает свою психическую реальность или, иными словами, слепок своего бытия, свой мир, который он может изменять в соответствии со своими желаниями. И только следующей его попыткой изменения своего реального, но неудовлетворительного бытия может стать усилие по воплощению психической реальности в материальную.

Исходя из сравнения человека искусства с играющим ребенком, а также из того факта, что все люди в детстве занимаются играми, можно предположить, что основы для сублимации закладываются в детстве у всех людей. Мы согласны с Фрейдом в том, что «большинство людей временами фантазирует»¹³⁵ и такое фантазирование само по себе является основой для сублимации. Просто «фантазирование взрослых труднее наблюдать, нежели игры детей»¹³⁶. Отсюда вряд ли можно согласиться с противоположным по смыслу утверждением Фрейда о том, что многие люди лишь в *незначительной степени обладают способностью к сублимации*¹³⁷. Оно верно лишь отчасти, и только если под результатом сублимации понимается только искусство. А об узости именно этого подхода мы уже говорили ранее.

Дело в том, что большинство людей, которые, по Фрейду, иногда фантазируют, в обыденной жизни не являются художниками. Но эти люди, или, в терминах Фрейда, «нехудожники», также могут фантазировать, мечтая о почестях, богатстве и прочем, то есть создавать психическую реальность с абсолютно теми же качествами, которыми обладает психическая реальность, создаваемая художником. Но это не значит, что они могут создавать произведения искусства. Для этого нужно то качество,

¹³³ Там же. – С. 280.

¹³⁴ Фрейд, З. Введение в психоанализ (лекции) / З. Фрейд. – М., 1989. – С. 240–241.

¹³⁵ Фрейд, З. Поэт и фантазии / З. Фрейд // Зигмунд Фрейд и психоанализ в России. – М., 2000. – С. 280.

¹³⁶ Там же. – С. 281.

¹³⁷ Фрейд, З. Введение в психоанализ (лекции) / З. Фрейд. – М., 1989. – С. 220–221.

которое называется талантом. Следовательно, должны существовать пути такого же удовлетворения «нехудожниками» своих желаний. Можно предположить, что такие пути «нехудожники» находят прежде всего в создании и изменениях психической реальности, а затем в любой деятельности, не являющейся художественным творчеством.

Созвучно Фрейдю К. Г. Юнг отчасти дал свое видение механизма сублимации, говоря о том, что либидо не может быть постижимо иначе, чем в определенном своем проявлении, или форме, то есть оно идентично образам фантазии. «И мы можем вновь освободить его из бессознательного, лишь поднимая наверх соответствующие ему образы фантазий. Для этого мы даем бессознательному возможность доставить свои фантазии на поверхность»¹³⁸. Юнг, как и Фрейд, убежден, что психическое представляет собой саморегулирующуюся систему, но несмотря на это он связывал либидо с целеполаганием. Либидо само «знает», куда ему следует направляться для приобретения человеком психического здоровья и разрядки: «Либидо имеет, так сказать, природную склонность, напоминая воду, которая должна иметь перепад, чтобы течь»¹³⁹.

Попытка искусственного создания подобного градиента может ни к чему не привести, так как мы не можем, по мнению Юнга, произвольно переводить энергию на тот или иной рационально выбранный объект, так как «психическая энергия есть реальность прихотливая, которая хочет реализовывать свои собственные условия. Энергии может быть сколько угодно, однако мы не сможем использовать ее до тех пор, пока нам не удастся создать для нее надлежащий перепад или градиент»¹⁴⁰.

Для иллюстрации такой деятельности, подпадающей под нашу интерпретацию понятия сублимации, мы возьмем два примера. В «Лекциях по введению в психоанализ» (1916 г.) Фрейд описывает случай, когда дама, вышедшая замуж за человека намного старше ее, несколько раз в день проделывала навязчивое действие: она выбегала из своей комнаты в соседнюю и всякий раз, стоя на строго определенном месте, вызывала горничную¹⁴¹. Она либо давала ей незначительное поручение, либо отпускала ни с чем и убегала обратно. Фрейд выяснил, что причиной подобного поведения явились неудачные половые отношения в первую брачную ночь, после чего ее муж красными чернилами испачкал простыню для того, чтобы это пятно могла заметить служан-

¹³⁸ Юнг, К. Г. Психология бессознательного / К. Г. Юнг. – СПб.: Канон, 1995. – С. 286.

¹³⁹ Цит. по: Jung C. G., Coll. Works, Vol. 5, par. 337.

¹⁴⁰ Юнг, К. Г. Психология бессознательного. – СПб.: «Канон», 1995. – С. 89.

¹⁴¹ Фрейд, З. Введение в психоанализ (лекции) / З. Фрейд. – М., 1989. – С. 166–167.

ка. Сначала Фрейд нашел сходство только в повторяющемся вбегании женщины в комнату, подобно тому, как это делал ее муж, но потом его пациентка подвела его к тому месту, куда она постоянно становилась и показала пятно на скатерти. Как оказалось, она, вызывая горничную, становилась у стола так, чтобы горничная не могла не заметить пятно.

Объясняя подобные навязчивые действия, Фрейд говорит, что его пациентка идентифицировала себя со своим мужем и не просто повторила сцену, но «продолжила ее и исправила, превратив в правильную»¹⁴². В этом случае даже испытываемое женщиной страдание (при проявлении симптома, т. е. при вбегании в комнату) содержит в себе исполнение желания, а значит и удовольствие. Причем, принимая во внимание теорию И. Хендрика, можно предположить, что это удовольствие исходит из исправления «неправильного» действия и совершения правильного действия. Мы, заявляя о существовании стремления к управлению реальностью, попробуем объяснить этот случай иначе. По нашему мнению, так как «неправильное» действие или «неправильная сцена» являются физической реальностью, которая существовала некоторое время назад, очевидно, что пациентка старалась изменить эту реальность, предварительно смоделировав ее «правильный» вариант в своей психической реальности. Отсюда можно предположить, что она получала удовольствие, превышающее неудовольствие от проявления болезненного симптома. Это удовольствие исходило из возможности управления физической реальностью через воображение «правильного действия», нужного варианта развития событий в психической реальности. В этом отношении Фрейд очень точно подметил свойство человеческой природы: если человек не может осуществить желание и получить требуемое в реальной жизни, то он может довольствоваться и суррогатным удовлетворением желания – в мечтах. Если он неадекватен окружающему миру, если он в чем-то неправ, то хотя бы в чем-то, где-то, хотя бы в психической реальности и «хотя бы в каком-нибудь смысле он должен быть прав»¹⁴³. И он еще долго после свершившегося «неверного» развития событий будет проигрывать в уме ситуацию, как бы перестраивая ее, выстраивая свое поведение в ней с наименьшим для себя вредом.

Такому нашему предположению можно попытаться найти подтверждение во втором примере, приведенном Фрейдом в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920 г.). В нем говорится о полугодовой

¹⁴² Там же. – С. 167.

¹⁴³ Freud S. Trauer und Melancholie. 1940–1952. G. W., X. S.432

лом ребенка¹⁴⁴, который обнаружил привычку забрасывать все маленькие предметы, попадавшие ему, далеко в угол комнаты, под кровать и т. д., говоря при этом «о-о-о-о», что, по мнению наблюдателей, означало «прочь» (Fort). Фрейд заметил, что у ребенка была деревянная катушка, обвитая ниткой, причем он не тащил ее за собой по полу, а забрасывал за сетку кровати, произнося «о-о-о-о», а потом вытягивал ее оттуда с радостным «Да» (здесь). Фрейд определил, что ребенок ограничивает свои влечения, в результате чего он больше не сопротивлялся уходу матери, причем уход матери не может быть для ребенка приятным или хотя бы безболезненным¹⁴⁵. Каким образом, спрашивает Фрейд, мучительное переживание, которое ребенок повторяет в виде игры, согласуется с принципом удовольствия? Отвечая на этот вопрос, он избирает два варианта трактовки действий ребенка. Первое объяснение состоит в том, что переживание ребенка, причиняющее ему неудовольствие в качестве игры, уступает независимому от удовольствия и неудовольствия стремлению к овладению (Bemächtigungstrieb). Второе объяснение исходит из того, что ребенок при всем неудовольствии от игры получает еще большее удовлетворение от мщения матери, идентифицируя ее с катушкой.

Наше объяснение подобной иллюстрации исходит из того, что обе ситуации подпадают под определение сублимации, но по представленной нами схеме, т. е. в том ее варианте, в котором вторичный объект не имеет социальной ценности, а *имеет ценность только для самого человека*. Именно здесь следует согласиться с Фрейдом в том, что иногда преобладающее значение для человека имеет его психическая реальность, а не окружающая его физическая. Далее, по нашему мнению, оба объяснения, которые дает Фрейд последнему примеру, отчасти верны. Синтезируя с их помощью свое объяснение, мы можем предположить, что удовольствие, которое получала пациентка Фрейда, получал также и ребенок, но не от мщения матери, а от управления ситуацией, в которой его мать (в виде катушки) подчиняется ему. Иными словами, по нашему мнению, ребенок получал удовольствие не просто от удовлетворения от описанных различными психоаналитиками «стремления к овладению», «стремления к управлению» (в данном случае – поведением матери), а от управления реальностью, элементом которой является его мать.

В заключение, учитывая все сказанное выше, можно предположить, что общим моментом для художника и «нехудожника» является создание психической реальности, откуда начинается разделение последующей деятельности человека на художественное творчество и прочую деятель-

¹⁴⁴ Фрейд, З. По ту сторону принципа удовольствия / З. Фрейд // Психология бессознательного. – СПб., 2003. – С. 344–347.

¹⁴⁵ Там же. – С. 345.

ность. Создание психической реальности в многообразии ее вариантов и ее моделирование подпадают под современные определения творчества¹⁴⁶, так же, как и вся последующая деятельность человека по воплощению психической реальности в материальную и уничтожению всего неудачного.

Подводя итог анализу и реконструкции понятия сублимации, можно предложить следующую дефиницию. Сублимация – это *процесс адаптации любого желания, сформированного в психической реальности человека, к требованиям материальной действительности для получения удовольствия.*

Итак, мы можем представить следующие выводы анализа и реконструкции понятия сублимации:

– несмотря на разнообразие описания отдельных сторон, компонентов, причин и результатов сублимации концепция сублимации была разработана Фрейдом недостаточно полно, оставаясь раздробленной на множество отдельных фрагментов, встречающихся в текстах работ Фрейда, иногда с прямо противоположным смыслом;

– из сравнительного анализа дефиниций сублимации можно выдвинуть предположения о том, что:

- сексуальность не является обязательным элементом сублимации;
- сублимации подвергаются не только сексуальные влечения, но и влечения к самосохранению, поэтому десексуализация при сублимации становится не нужна;

– выяснение единой либидозной подосновы всех влечений, включая влечение к смерти, дает право говорить о подверженности сублимации всех этих влечений, а значит, о бессмысленности разделения влечений на сексуальные и влечения к самосохранению и прочие, а также о введении агентом сублимации *желания* вместо *влечения*;

– введение агентом сублимации *желания* позволяет перестроить схему сублимации, сохранив ее название, причем подобная перестройка заключается в том, что:

- снимается обязательная социальная ценность вторичного объекта сублимации;
- признается, что человек способен к сублимации как переориентации желания с любого возраста, причем снимается зависимость сублимации от пола и она перестает быть обратной стороной патологии;
- признается свободная и неинстинктивная природа сублимации, которая обусловлена, во-первых, отсутствием жесткой связи процесса сублимации с инстинктом, во-вторых, невозможностью

¹⁴⁶ См.: Новая философская энциклопедия. В 2 т. – М., 2000. – Т. 2. – С. 18.

механического сведения выбора вторичного объекта в процессе креативности к фазам фиксации агента сублимации, в-третьих, количественной неопределенностью выбора объектов, замещающих первичный объект сублимации;

▪ психический конфликт, образовавшийся при неудовлетворении желания, является пусковым моментом для создания человеком психической реальности, он необходим для сублимации и возникает при несовпадении психической реальности, выстраиваемой человеком, и материальной реальности, окружающей человека, из чего вся деятельность человека строится в соответствии с его стремлением к изменению материальной действительности в соответствии с его желаниями, формируемыми в психической реальности.

В результате этого понятие сублимации определяется как процесс адаптации любого желания, сформированного в психической реальности человека к требованиям материальной действительности для получения удовольствия.

Поскольку человек в течение всей своей жизни моделирует психическую реальность и в соответствии с ней пытается изменить окружающую его материальную действительность, то его можно определить как изначально творческое существо. Теоретические выводы о существовании принципа управления реальностью, к которым мы пришли в ходе анализа фрейдовского наследия, может послужить основанием методологии рассмотрения всей деятельности человека, включая художественное творчество.

Эти выводы не являются окончательными и требуют дальнейшей верификации в рамках настоящего исследования, но они позволяют определить некоторые направления дальнейшего анализа.

§ 4. Сублимация и творчество

Анализ позиций З. Фрейда, неофрейдистов и современных психоаналитиков и философов показал различия в подходах исследователей к сублимации и выявил недостатки находящихся в употреблении определений сублимации. Более того, узость психоаналитического определения сублимации диктуется узостью самой психоаналитической парадигмы. Поэтому дальнейшее исследование понятия сублимации невозможно без смены психоаналитической парадигмы на философско-антропологическую. Отсюда возникает необходимость соотношения реконструируемого определения сублимации с понятием творчества. Таким образом, определяя подходы к формулировке понятия сублимации, мы прежде всего должны решить проблему «конечного

продукта» сублимации. Без ее решения представляется невозможным построить наиболее полное определение *сублимации*.

В парадигме классического психоанализа конечным результатом сублимации является художественное творчество, иными словами, сублимация проявляется в форме творчества. Вместе с этим психоанализ, на наш взгляд, оказался не в состоянии предложить конкретные и объективные решения основополагающих проблем творчества:

- а) кто является субъектом творчества;
- б) что есть само творчество – неуправляемый бессознательный процесс или сознательная деятельность, волевой акт, основанный на целеполагании и свободе;
- в) является ли творчество неотъемлемой частью повседневной жизни и труда людей или оно элитарно и выпадает из обыденной жизни;
- г) можно ли разделить творчество на виды по степени креативности;
- д) в чем источник и движущие силы творчества – во взаимодействии с культурой или в автономной субъективности;
- е) каких критерий творчества – новизна или комплекс показателей, присущих человеческой деятельности?

В ходе анализа мы выяснили, что в парадигме фрейдовского психоанализа творчество:

- имеет своим субъектом патологического индивида, близкого к неврозу;
- представляет собой осознанные действия, корни которых бессознательны, эти действия обусловлены случайной фиксацией энергии либидо на одной из стадий развития, в связи с чем творчество является вынужденной защитой от неврозов, а не свободной деятельностью;
- творчество является уделом немногих «художников», в силу чего оно «элитарно» и не является повседневной реальностью;
- градация творчества происходит не по его направленности и степени креативности, а по тому, результатом «сублимации» какой патологии являются виды творчества;
- ресурсы и импульсы для творчества личность находит в противостоянии своих бессознательных сексуальных и агрессивных влечений культуре и сопутствующим ей социальным и моральным запретам, в перенаправлении гипотетической энергии либидо, что делает сексуальность доминирующей в природе человека;
- критерием творчества наряду с новизной является положительная социальная оценка.

Неофрейдисты и постфрейдисты рассматривают сублимацию более широко. Их взгляды в отношении основных проблем творчества в целом сводятся к тому, что:

- субъектом творчества помимо человека, близкого к неврозу, может быть обычный человек с неудовлетворенными сексуальными и несексуальными влечениями и желаниями;
- несмотря на соотнесение определенных видов творчества со стадиями фиксации либидо, первичности бессознательных позывов, творческая деятельность человека является более разнообразной и, таким образом, более свободной;
- творчество приближается к повседневной деятельности людей, но все еще является достаточно ограниченной ее частью;
- такое расширение понимания творчества предполагает разделение творческой деятельности по степени креативности, но критерии такого условного разделения не устанавливаются;
- источником творчества продолжает оставаться противостояние внутренних бессознательных неагрессивных и агрессивных желаний и моральных установок индивида, и, помимо этого, условием творческой деятельности являются межличностные конфликты и конфликты между личностью и ее социальной средой;
- дискутируется обязательная положительная социальная оценка творческой деятельности.

Подводя итог рассмотрению конечного продукта сублимации в психоаналитической парадигме, можно сделать заключение, что в классическом психоанализе это произведения искусства и продукты интеллектуальной деятельности, имеющие положительную социальную оценку. В неофрейдизме это уже любой конечный материальный и интеллектуальный продукт деятельности человека, не обязательно имеющий положительную социальную оценку. Несмотря на такое очевидное расширение понимания конечного продукта сублимации психоанализ не может пойти еще дальше из-за недостатков, присущих психоаналитической парадигме, в которой сублимация принимается как случайный психический процесс и рассматривается только на уровне индивида. Сам процесс сублимации становится в зависимости от психического конфликта, отсутствие которого предполагает невозможность сублимации. Даже в том случае, когда провозглашается независимость сублимации от конфликта (как в случае «нерепрессивной сублимации» Г. Маркузе), обязательной ее основой и источником является только сексуальность. Узость понимания творческой деятельности человека выливается также в то, что деструктивность выделяется как отдельная черта, присущая человеку.

Вместе с тенденцией к расширению результата сублимации обнаруживаются рассмотренные нами такие незаметные, на первый взгляд, тенденции, как тенденция к расширению понимания агента сублима-

ции, конфликтности, первичного и вторичного объектов сублимации, к расширению понимания власти над объектом сублимации, к пониманию деструктивности как производной от креативности. Дальнейшее рассмотрение этих тенденций невозможно без перехода из психоаналитической парадигмы в философско-антропологическую.

К примеру, дальнейшее расширение понятия *результата сублимации* потребует от нас определить понятие самого *творчества*. Несмотря на огромное количество существующих определений творчества отечественные исследователи¹⁴⁷ выделяют не менее пяти основных подходов к пониманию творчества.

1. Творчество понимается как внеисторическая категория, обозначающая всеобщую форму развития материального мира через создание, возникновение нового. Творчество трактуется, к примеру, как «необходимое условие для развития материи, образования ее новых форм, вместе с возникновением которых меняются и сами формы творчества. Творчество человека – лишь одна из таких форм»¹⁴⁸.

2. Творчество рассматривается как форма трудовой деятельности¹⁴⁹. С этой точки зрения элемент творчества присутствует в любом процессе труда, совершаемом человеком, а исторические формы творчества зависят прежде всего от исторических форм труда, т. е. творчество в той или иной степени отождествляется с трудом или «растворяется» в труде.

3. Творчество рассматривается как форма создания нового безотносительно к материальной форме такого объекта – будь то продукт или знание¹⁵⁰. Некоторые авторы отмечают, что результат творчества отличается от результата, к примеру нововведения, принципиальным характером своей новизны¹⁵¹. Такой подход имеет множество оттенков, но он не дает конкретного ответа на вопросы: чем именно определяется новизна результата и представляется ли он качественно новым для самого творящего субъекта, для его непосредственного окружения

¹⁴⁷ См.: Иноземцев, В. Л. Понятие творчества в современной экономической теории / В. Л. Иноземцев // Политические исследования. – 1992. – № 1. – С. 178–186.

¹⁴⁸ Пономарев, Я. А. Психология творчества и педагогика / Я. А. Пономарев. – М., 1976. – С. 43.

¹⁴⁹ См.: Богоявленская, Д. Б. Метод исследования уровней интеллектуальной активности / Д. Б. Богоявленская // Вопросы психологии. – 1971. – № 1. – С. 144–146.

¹⁵⁰ См.: Вахтомин, Н. К. Генезис научного знания / Н. К. Вахтомин. – М., 1974. – С. 17.

¹⁵¹ См.: Rosenfeld R. Servo. Business and Creativity // The Futurist. 1984. No. 4. P. 21.

или же для всего человечества. Четкое определение границ творческого процесса остается в такой ситуации достаточно сложным.

4. Творчество трактуется как процесс, в котором получает свою реализацию внутренний побудительный мотив деятельности. Подобная точка зрения предполагает, что главным моментом процесса является не столько вещный результат, сколько совершенствование человеческих способностей¹⁵², а основные отличия творчества от труда наблюдаются не в результатах деятельности, а в ее внутренних мотивах и структуре¹⁵³.

5. Существует понимание творчества как мировоззрения, как «нестандартного отношения человека к действительности»¹⁵⁴, причем в таком аспекте творчество чаще всего рассматривается как познавательное творчество.

В западной традиции изучения творчества превалируют психологические подходы и направления, поэтому творчество в большинстве случаев связывается с «производством» идей, являющихся новыми и значимыми для самого субъекта. Современные исследователи¹⁵⁵ предлагают условное разделение многочисленных определений творчества (креативности) западных исследователей на:

- 1) гештальтистские (описывающие креативный процесс как разрушение существующего гештальта для построения лучшего);
- 2) инновационные (ориентированные на оценку креативности по новизне конечного продукта);
- 3) эстетические или экспрессивные (делающие упор на самовыражении творца);
- 4) психоаналитические или динамические (описывающие креативность в терминах взаимоотношений Оно, Я и Сверх-Я);
- 5) проблемные (определяющие креативность через ряд процессов решения задач).

¹⁵² См.: Межуев, В. М. Культура как объект познания / В. М. Межуев // Философские проблемы культуры. – М., 1984. – С. 63.

¹⁵³ См.: Bailin Sh. Achieving Extraordinary Ends. An Essay on Creativity. London. 1988. P. 85.

¹⁵⁴ Бушуев, А. М. Диалектика творческой деятельности и развитие человека / А. М. Бушуев, Н. С. Слепцов. – М., 1989. – С. 20.

¹⁵⁵ См.: Торшина, К. А. Современные исследования проблемы креативности в зарубежной психологии / К. А. Торшина // Вопросы психологии. – 1998. – № 4.

По мнению философа И. Н. Дубины¹⁵⁶ понятие «креативность» включает в себя следующие смыслы:

1. Способность субъекта вносить в собственное бытие значимо новое (новое решение проблемы, новый метод или новое устройство, новый художественный образ и т. п.) независимо от присутствия (или отсутствия) создаваемого в социально-культурном окружении.

2. Процесс новообразования (процесс возникновения и становления новой идеи), новаторская деятельность.

3. Продукты новаторской деятельности.

Совмещая точки зрения различных исследователей на термины «творчество» и «креативность», можно сделать вывод о том, что зачастую авторы вкладывают в них один и тот же смысл. Это происходит потому, что при переводе работ западных исследователей английский термин *creativity* переводился и как «творчество», и как «креативность», что привело к смешению этих, на наш взгляд, разных понятий. Подобную взаимозаменяемость этих терминов можно проследить у таких исследователей, как Е. Л. Яковлева, В. В. Колпачев, К. Е. Сумнительный, М. М. Назаренко, А. С. Шаров, А. В. Василевская, В. Н. Дружинин, Е. И. Щербланова¹⁵⁷ и др.

Тем не менее, И. Н. Дубина разделяет термины «творчество» и «креативность», предлагая рассматривать «творчество» как более общее понятие (включающее в себя в т. ч. и креативность), отражающее, помимо субъективных моментов, также процесс взаимодействия новизны, порождаемой субъектом деятельности, с существующим социокультурным контекстом. Это понятие исследователь также связывает с образованием социально-культурной новизны и значимости. Давая определение понятию «творчество», он исходит из того, что это понятие является результатом сложнейшего процесса взаимодействия личностного и социального, возникает как креативность в процессе человеческой деятельности в социокультурной системе и оказывает на эту систему преобразующее воздействие.

Момент преобразования, по его мнению, необходимо присутствует и в креативности, и в творчестве. В креативности преобразовательный элемент выступает как выход за пределы системы наличного знания субъекта через ее трансформирование, в результате чего возникает

¹⁵⁶ Дубина, И. Н. Субъектно-личностные и социокультурные аспекты творчества: опыт концептуального и терминологического разграничения / И. Н. Дубина // <http://old.ssu.samara.ru/research/philosophy/journal7>.

¹⁵⁷ См.: Щербланова, Е. И. Особенности когнитивного и мотивационно-личностного развития одаренных старшеклассников / Е. И. Щербланова // Вопросы психологии. – 1999. – № 6.

феномен, известный в психологии как «инсайт» или «ага-переживание». В креативности преобразование касается системы знаний и ценностей самого субъекта, а в творчестве – и некоторой части системы социокультурных отношений, норм, ценностей, знаний, способов действия и т. д.

Можно согласиться с И. Н. Дубиной, когда он иллюстрирует отличие креативности от творчества: новая картина создается художником, но творческим произведением она становится благодаря воздействию на публику. С этой точки зрения писатель – не всякий пишущий, а только тот, кто имеет читателя. Поэтому смысл творческого произведения не только в нем самом, но и в его способности воздействовать на социальное окружение. Г. С. Батищев, изучающий отношение человека к миру, по этому поводу совершенно верно замечает, что «межсубъектность есть ключ к креативности»¹⁵⁸. Тем не менее, по нашему мнению, в этом случае было бы корректнее говорить не о креативности, а о творчестве. Здесь же можно вспомнить М. Фуко, по мнению которого творчество можно назвать «основанием дискурсивности» или «установлением некоей бесконечной возможности дискурсов»¹⁵⁹, понимая их как диалог субъекта с объектом. Важность «внешней» оценки для творчества подчеркивала Дж. Вайкофф: «Нельзя быть творческой личностью, можно лишь восприниматься в качестве таковой»¹⁶⁰. Отсюда мы подходим к выводу о том, что творчество тесно связано с общественным сознанием, с принятием и оценкой креативной идеи со стороны социума.

Представляет определенный интерес рассмотрение И. Н. Дубиной творчества в форме креативной флуктуации, первоначально возникающей в окружающем контексте, который к ней адаптируется. Вместе с адаптацией происходит преобразование и изменение существующего контекста. Социальная адаптация к новому результату одновременно является и социальным осознанием случившегося преобразования. По мере освоения нового результата обществом он становится общезначимым, т. е. креативность становится творчеством, но в то же время новый результат постепенно теряет свою новизну, все более стандартизируется и превращается в обыденность, т. е. фактически перестает быть творчеством. В этом состоит парадоксальность ситуа-

¹⁵⁸ Батищев, Г. С. Диалектический характер творческого отношения человека к миру / Г. С. Батищев. – М., 1989. – С. 25.

¹⁵⁹ Фуко, М. Что такое автор? / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М., 1996. – С. 7–46.

¹⁶⁰ Wycoff J. Are You a Creative Person? // Innovative Network: Articles & Reports. Personal Creativity. 1998.

ции, когда идея является и творческой, и нетворческой одновременно. Это позволяет говорить о творчестве не только как о формирующемся феномене, но и как *феномене становящемся*. Именно категория становления характеризует не только процесс обретения формы, но интегрирует в себе моменты *возникновения и уничтожения*, моменты зарождения возможностей и реализации одной из них в действительности, характеризует *единство бытия и небытия, на границе которых и рождается творчество*.

Творчество есть динамичный феномен, обладающий социально-коммуникативной природой, возникающий как результат сложнейшего процесса объединения и взаимодействия индивидуального и социального, личностной уникальности и социальной нормативности. Творчество – это не только характеристика человеческих способностей, не только характеристика человеческой деятельности и ее результатов, но и характеристика социальных отношений. Понятие «творчество» характеризует различные формы взаимоотношений личности с другими людьми, обществом, культурой. Эти формы взаимоотношений многочисленны и разнообразны, поэтому и оттенки творчества так многочисленны, и так многозначно и сложноопределяемо само понятие творчества.

Тем не менее, вся многочисленность и разнообразие форм взаимоотношений творческой личности и общества не охватывают все формы и оттенки креативности. Поэтому, в противовес мнению И. Н. Дубины, мы считаем творчество более узким понятием, чем понятие креативности. Еще Платон называл творчеством «все, что вызывает переход из небытия в бытие»¹⁶¹. Не следует забывать, что творчество в таком понимании подразумевает не только рождение чего-либо материального, но и рождение идей, образов, чувств¹⁶². Так, И. Кант называл творчеством, к примеру, построение художником образа в своем воображении¹⁶³. По нашему мнению, этими определениями можно характеризовать не творчество, имеющее общественную оценку, а феномен человеческой креативности, который также можно назвать *становящимся феноменом*. Именно в психической реальности человека, которую можно было бы назвать *креативной реальностью*, рождение образов не подвержено социальной оценке. Именно здесь человек полностью свободен и сам определяет ценность созданных им образов. Именно

¹⁶¹ Платон. Собр. соч. В 4 т. – М., 1993. – Т. 2. – С. 115.

¹⁶² См.: Омельченко, Н. В. Первые принципы философской антропологии / Н. В. Омельченко. – Волгоград, 1997. – С. 86.

¹⁶³ См.: Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант. – СПб., 1999. – С. 211.

здесь происходит единение бытия и небытия, на границе которых рождается креативность, но пока не творчество, так как его «продукт» еще неизвестен обществу. Таким образом, творчество характеризуется «социальной» совершённой, а креативность – «социальной» потенциальностью. Потенциальность же, говоря словами С. Л. Франка, является тем, чему еще предстоит свершиться и тем самым определиться. Отсюда потенциальность полностью совпадает со свободой в самом общем смысле этого слова¹⁶⁴. В нашем случае свобода означает возможность выбора человеком способа, которым он может творить. Совершённая, по нашему мнению, предполагает конечность и конкретность результата творчества.

Помимо этого, если творчество предполагает переход из небытия в бытие, то креативность также подразумевает и обратный процесс перехода из *бытия в небытие*, именно поэтому ее можно назвать составляющей творчества. Поясним это утверждение. К примеру, при создании скульптором статуи креативность проявляется прежде всего при возникновении образа статуи в психической (креативной) реальности человека. Обретение камнем формы статуи – это проявление креативности человека, направленной вовне. Общественная оценка статуи способствует превращению креативности в творчество. Одновременно с этим потерю камнем своей первоначальной формы можно определить как своего рода переход первоначального состояния камня в небытие. Но рассматривая все процессы, происходящие в становящемся мире, и в которых участвует становящийся человек, как формы проявления универсальной креативности, мы также можем определить исчезновение первичной формы камня как проявление креативности и утверждать, что в данном случае имеет место не переход в небытие, а диалектическая трансформация бытия.

С этой точки зрения каждый индивид на своем уровне повторяет макропроцессы, происходящие в природе. В этом смысле человек един с природой, для которой не существует конструкции и деконструкции, добра и зла, а есть только универсальная креативность как непрерывная трансформация бытия. Человек отделяется от нее, когда универсальную креативность, присущую природе, начинает измерять относительно себя самого с помощью категорий добра и зла, ассоциируя добро с конструктивностью, а зло – с деконструкцией.

Исходя из этого, следует согласиться с современными исследователями, которые рассматривают человеческую природу как понятие, обозначающее такое измерение бытия, в котором явления и процессы

¹⁶⁴ Франк, С. Л. Непостижимое. Сочинения / С. Л. Франк. – М., 1990. – С. 253.

одновременно едины с общеприродными и в то же время отличаются от них¹⁶⁵. Такой разрыв человека со своим непосредственным окружением приводит к тому, что человек, являясь частью природы, одновременно «выпадает» из нее, занимая дистанцию по отношению к самому себе. Это говорит о том, что теперь человек не просто «есть», но и определенным образом относится к своему бытию, он «есть» в той мере, в какой он делает себя тем, что он есть, он осознает свой опыт как практическую активность.

В итоге, определяя бытие человека как *становление*, мы говорим о том, что человеческое как феномен обладает качеством процессуальности, благодаря которой оно становится тем, что оно есть. Процессуальность является источником и механизмом становления человеческого, обретения им всех своих существенных характеристик. Благодаря процессуальности становления человеческая природа обладает возможностью и способностью отрицания природы, из которой «выпадает» человек, и самоотрицания, которое можно понимать как попытку выхода за собственные пределы и, таким образом, трансцендирования в мир своей уникальной сущности.

Подобные возможность и способность человеческой природы к процессуальному отрицанию и самоотрицанию могут ошибочно приниматься за основания человеческой деструктивности. На самом деле, на наш взгляд, они являются основаниями человеческой креативности, которая, в свою очередь, есть способ изменения как самой природы человека, так и всей природы, из которой та «выпадает».

«Выпадение» человека из природы говорит о том, что он биологически не соотносится с определенной средой, поэтому его деятельность должна компенсировать редукцию и отсутствие необходимых механизмов, способствующих выживанию человека в мире. «Выпав» из природы, человек осознает свою несовместимость с ней, а себя осознает не данностью, а процессом, целью которого является преодоление природы, своего физического существования. Именно так человеческая природа становится всецело креативной, избирая креативность в качестве средства преобразования противостоящего ей мира.

Отсюда человеческая креативность, содержащая в себе неизбежные компоненты изменения бытия, которые можно назвать элементами деструктивности, *есть источник и механизм формирования человеческого, способствующий становлению человека*. Именно благодаря ему человеческая природа из несовершенной и недостаточной становится

¹⁶⁵ См.: Сатыбалова, Е. В. Человеческая деструктивность: основания и формы проявления / Е. В. Сатыбалова. – Екатеринбург, 2002. – С. 16–18.

избыточной, приобретая силу, способную противостоять миру и выходить за собственные пределы для самоутверждения.

Платоновое определение творчества как перехода из небытия в бытие помимо творчества применимо и к креативности, так как творчество определяется нами как высшая форма креативности. Более того, оно ясно показывает, что точкой такого перехода является человек, его внутренний мир, психическая (или ментальная) реальность. Таким образом, суть креативности – в ее пограничности: креативность существует одновременно внутрлического и внечеловеческого, и переход в инобытие происходит именно на этой границе. Такое понимание креативности как пограничного состояния человеческого объясняет место и сущность и предназначение человека, а именно: находиться между внешним и внутренним, добром и злом и т. д., являясь точкой соединения, взаимодействия крайних противоположностей.

При этом человек является активным началом, осуществляющим подобный переход. Потому нельзя согласиться с тем, что человек находится в «пограничном состоянии» или в «процессе деятельного состояния на границе» между очеловеченным и внечеловеческим, так как в этом случае утверждается его «деятельная» пассивность. На наш взгляд, человек активно, по своей воле находится в процессе «нарушения» этой границы. Такой процесс «нарушения» этой границы мы обозначим как процесс трансгрессии¹⁶⁶, а самого человека – точкой трансгрессии.

Отсюда определение креативности будет выглядеть следующим образом: человеческая креативность – это источник и механизм формирования человеческого, а также процесс постоянной трансгрессии человеческого между очеловеченным и внечеловеческим, позволяющий ему выходить за собственные пределы и самоутверждаться в бытии в качестве самостоятельно действующей силы. Исходя из этого, творчество можно определить как высшую позитивную форму креативности, имеющую высокую социальную оценку и характеризующуюся совершённостью и конечностью каждого отдельного результата.

В соответствии с таким определением можно принять положение о том, что существовать для человека – значит постоянно выходить за пределы самого себя, так как только человеческое бытие, выходящее за пределы самого себя в мир, в котором оно существует, может реализовать себя. Можно также согласиться с тем, что, пережив опыт трансцендирования, человек начинает искать смысл собственного существования, потеря которого может привести к отрицанию человеком са-

¹⁶⁶ От англ. *transgress* – переступать, нарушать (закон и т. п.), переходить границы, грешить.

мого себя. Но, полагая самотрансценденцию «сплавом отрицания, связанного с выходом за пределы наличной формы и конструирования (деконструкции)»¹⁶⁷, на наш взгляд, неверно было бы полагать ее антропологическим основанием человеческой деструктивности, понимая ее как процесс деконструкции. Конечно, чтобы выйти за пределы, необходимо разрушить имеющееся, но природа человека такова, что прежде чем разрушать что-либо, он строит альтернативную реальность (пусть даже в пределах самого себя, в психоанализе это психическая реальность), а затем разрушает то, что есть и не соответствует этой реальности. Именно поэтому мы можем считать первичной конструкцией, а не деконструкцией. Именно поэтому самотрансценденцию можно считать амбивалентной: она репрезентирует позитивную и негативную формы человеческой креативности. Именно поэтому негативную форму человеческой креативности можно назвать деструктивностью.

Принимая во внимание сказанное выше, уже невозможно говорить о предметности и конечности результата сублимации, *которую можно понимать как активную деятельность человека по преобразованию мира, своего бытия и таким образом самого себя*. Эта деятельность человека представляется креативной, а деструктивность понимается как форма креативности и средство, которым человек может пользоваться в процессе креативной деятельности. Художественное творчество полагается всего лишь высшей формой креативной деятельности человека. Его результат представляет собой высшую точку креативности, конечный продукт, дальнейшее развитие которого с момента его фиксации как результата творчества предполагает только его деконструкцию. К примеру, дальнейшее «совершенствование» «Давида» Микеланджело уже не будет творческой деятельностью, так как оно приведет только к частичному разрушению зафиксированного результата. Поэтому к приведенному выше определению сублимации можно добавить, что сублимация – *неотъемлемая часть процесса становления человека, характеризующаяся свободой выбора из многовариантности форм креативности как источника и механизма этого становления*.

Очень важно, что подобное определение сублимации содержит в себе, в терминах В. Хёсле, метафизику уважения к природе, а также метафизику уважения к человеку. С этой точки зрения методологическое значение введения подобной дефиниции сублимации в философский и мировоззренческий оборот трудно переоценить. В настоящее время – когда апофеозом господства мировоззрения, принимающего деструктивность как неотъемлемую часть природы человека, явилась

¹⁶⁷ См.: Сатыбалова, Е. В. Человеческая деструктивность: основания и формы проявления / Е. В. Сатыбалова. – Екатеринбург, 2002.

ситуация, в которой стали реальностью две мировые войны, третья «холодная» война, не прекращающиеся локальные конфликты, идеологические и информационные войны, разгул терроризма и сопутствующие им утрата нравственных ценностей и идеалов, упадок культуры, проблемы преступности, наркомании и экологии – оно имеет критический характер. Оно утверждает, что человек по природе креативен, но для осуществления своих желаний он также пользуется негативной креативностью, т. е. деструктивностью. Это происходит особенно явно тогда, когда желания человека максимально эгоистичны.

Однако и «выпадение» человека из природы – это, возможно, не предмет гордости человека, не его вина, а его беда. Упомянутая «биологическая несоотнесенность» со средой постулируется самим человеком и вряд ли ее можно назвать конструктивной. Следует по-другому заявить о бытии человека в мире, определить его как процесс противоречивый, креативный и одновременно деструктивный. И превалирующая деструктивность как раз и является индикатором отдаления человека от природы. В настоящее время подлинной креативностью можно считать не противостояние природе и ее преодоление, а встраивание в нее, это и будет настоящим метафизическим уважением природы. Пока человек будет «ощущать» себя чужим природе, противопоставлять ей себя, бороться с ней, он будет разрушать ее, а одновременно и себя.

В заключение подведем некоторые итоги, полученные на основе анализа соотнесения понятий творчества, креативности и сублимации:

- результатом отмеченной ранее тенденции к расширению понятия сублимации, агента сублимации и первичного и вторичного объектов стало понимание самой сублимации как части процесса становления человека;

- результатом сублимации является не творчество, а значительная часть деятельности человека, которую мы можем назвать креативной;

- креативность отличается от творчества потенциальностью, незавершенностью и возможностью движения не только от небытия к бытию, но и обратно;

- творчество и креативность являются становящимися феноменами;

- креативность есть источник и механизм формирования человеческого;

- определяя человека как становящееся существо, мы наделяем его свободой выбора между многовариантными формами креативности;

- сублимация дополнительно определяется как активная деятельность человека по преобразованию мира, своего бытия и таким образом самого себя, неотъемлемая часть процесса становления человека,

характеризующаяся многовариантностью форм креативности как источника и механизма этого становления.

Введение определения сублимации в философский и мировоззренческий оборот в обновленном значении поможет вскрыть все позитивные и негативные моменты, связанные с реализацией человеческого бытия. Это, в свою очередь, позволит осуществить их наиболее полный анализ, на основе которого станет возможной попытка построения современной целостной концепции человека.

Уточнение определений понятий *креативности* и *сублимации* снимает с природы человека обвинения в деструктивности, утверждая человека креативным началом, давая человеку свободу выбора между позитивной и негативной креативностью.

Свобода выбора присуща человеку как субъекту креативности. Определяя его таковым, мы одновременно утверждаем существование отношений «субъект – объект» как изначально конфликтных. Но существование множества индивидов как субъектов креативности предполагает возникновение отношений «субъект – субъект», которым также присуща изначальная конфликтность. Она также присуща стремлению человека выйти за свои пределы, самоутвердиться в бытии, самому управлять своим миром, своим бытием.

Таким образом, на протяжении всего анализа феномена сублимации, верификации и определения сублимации и реконструкции понятия сублимации, мы в той или иной степени наблюдаем три основных фактора, в присутствии которых происходит процесс сублимации человека: конфликтность, свобода выбора человека из многовариантности форм креативной деятельности и стремление к управлению реальностью.

Глава 2

ФЕНОМЕН СУБЛИМАЦИИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ БЫТИИ

§ 1. КОНФЛИКТ КАК ФАКТОР СУБЛИМАЦИИ

Одним из принципов сублимации как процесса, изучаемого психоанализом, является конфликтность. Психический конфликт как причина сублимации проявляется как противоположность противоречивых требований внутри субъекта (между желанием и нравственным требованием, между двумя и более желаниями и т. д.). Более того, психоанализ принимает конфликтность за основу человеческого существа, говоря о конфликтах, постоянно существующих в психике человека в различных отношениях: конфликт между желаниями и защитой, между системами и инстанциями психического аппарата, Эдипов конфликт и т. д. Мы, показывая в психоанализе и философии тенденции к генерализации понятия сублимации и пониманию её как части процесса становления человека, естественно должны предположить, что подобная тенденция верна и относительно конфликтности как одного из основных факторов сублимации, то есть конфликтность и противоречивость являются основными факторами реализации человеческого бытия.

Такое положение исходит не только из того факта, что вся история развития человечества по сути представляет собой историю противоречий, противостояния мнений, скрытых или явных конфликтов¹⁶⁸. Еще древнекитайские мыслители полагали противоборство положительных (янь) и отрицательных (инь) сторон материи источником развития всего сущего¹⁶⁹. Конфликт был темой философской рефлексии в античности (Анаксимандр, Гераклит, Геродот, Платон, Эпикур и др.), в Средние века (Фома Аквинский, Н. Макиавелли, Эразм Роттердамский, Ф. Бэкон, Т. Гоббс и др.), в Новое время (Ж.-Ж. Руссо, А. Смит, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, Ч. Дарвин, Л. Гумплович, Г. Зиммель и др.).

В настоящее время отечественные и зарубежные исследователи уделяют большое внимание внутриличностным и социальным конфликтам¹⁷⁰. Рассматривая сублимацию как часть процесса становления

¹⁶⁸ Козырев, Г. И. Введение в конфликтологию / Г. И. Козырев. – М., 1999. – С. 3.

¹⁶⁹ См.: Анцупов, А. Я. Конфликтология / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – М., 2000. – С. 19.

¹⁷⁰ См.: Здравомыслов, А. Г. Социология конфликта / А. Г. Здравомыслов. – М., 1994; Darendorf R. The Modern Social Conflict. – London, 1958; Coser L. A. The Termination of Conflict // Readings in Social Evolution and Development. – London, 1970.

человека, мы предлагаем рассматривать все типы конфликтов в общем, как имеющие своей основой противостояние человека и окружающего его мира.

Бытие человека характеризуется многовариантностью форм креативности, причем креативность позволяет человеку, во-первых, выходить за свои пределы и, во-вторых, самоутверждаться в качестве самостоятельно действующей силы. Отсюда выход за свои пределы означает, с одной стороны, отрицание человеком самого себя, а самоутверждение в качестве самостоятельно действующей силы – отрицание природы, из которой человек выделился.

С другой стороны, выход за свои пределы и отрицание человеком самого себя, а также самоутверждение в качестве самостоятельно действующей силы и отрицание природы невозможны без «выпадения» человека из природы, понимаемого как осознание им самого себя в процессе деятельности, а также осознания природы как чего-то отличного от него. Такое осознание как «прозрение» предполагает возникновение отношений «субъект – субъект» и «субъект – объект», которым присуща изначальная конфликтность. При этом человек осознает противостоящую ему природу как «объект», а других людей как равноправные «субъекты», которые он стремится превратить в «объекты». Следовательно, конфликтность содержится именно в сознании и самосознании человека.

Признавая сознание и самосознание источниками конфликтности, необходимо выявить и проанализировать основания конфликта как фундаментального взаимодействия человека с миром, в ходе которого происходят самоопределение и становление человека. Исходя из того, что настоящее исследование проводится на стыке двух подходов – психоаналитического и философско-антропологического, представляется верным рассмотрение оснований конфликтности как одного из основных принципов сублимации с обеих точек зрения.

Сами основания конфликтности можно типологизировать на те, что определяются развитием и становлением специфически человеческой природой, и на те, что определяются специфически человеческим бытием. Первый тип оснований можно обозначить как *антропологический*, второй тип оснований – как *онтологический*. Оба типа оснований существуют и актуализируются лишь в единстве. Такая взаимосвязь антропологических и онтологических оснований просматривается в психоанализе, который конструирует ее в своем развитии от классического психоанализа до современного.

Конфликт в классическом психоанализе – это прежде всего психический конфликт, который проявляется в построении психологических

защит как реакции на трудную жизненную ситуацию, подавлении и отвержении тех составляющих собственной личности, которые неприятны, нежелательны и не поддаются контролю сознания. Именно поэтому основания конфликта в психоанализе можно определить как онтологические.

Такой конфликт представлен как противоречие между системами и инстанциями психического аппарата человека. В первой метапсихологической теории Фрейда это конфликт между системами Бессознательного и Предсознания-Сознания, разделенных цензурой и соотносенных с противопоставлением принципа удовольствия и принципа реальности. Здесь сторонами конфликта выступают сексуальность и этические, моральные и эстетические стремления индивида.

В дальнейшем во второй метапсихологической теории психического аппарата, представленной Фрейдом, конфликт переносится на уровень влечений, присущих человеку с самого рождения. Это конфликт между сексуальными влечениями и влечениями к самосохранению, конфликт между инстанциями *Оно – Я* и конфликт в одной инстанции *Сверх-Я* между отцовским и материнским полюсами идентификации. Несмотря на такое перемещение конфликта на уровень противодействующих друг другу влечений конфликт для человека остается внутренним.

Таким образом, в парадигме классического психоанализа прослеживается тенденция, во-первых, свести все к неразрешимому дуализму двух мистических начал, во-вторых, представить сексуальность одним из постоянных полюсов конфликта. Помимо этого, принимая Эдипов комплекс как неоспоримый и фундаментальный факт, психоанализ по сути считает, что конфликт, еще не успевший стать защитным, уже присутствует на досубъектном уровне как диалектическая и изначальная связь желания и запрета.

В итоге конфликт в психоанализе остался преимущественно конфликтом внутриспсихическим. Моральные установки и запреты несмотря на то, что они навязывались индивиду извне, т. е. воспитанием и образом жизни, представляли самостоятельную сторону в психическом конфликте, возникновение которого рассматривалось достаточно обособленно от условий жизни индивида. Несмотря на то, что введение понятия *влечение к смерти* и противопоставление его *влечению к жизни* было, на наш взгляд, отчасти продиктовано внешними условиями (Первая мировая война), а причиной неврозов, наряду с внутренними причинами, стали признаваться внешние, классический психоанализ так и не определился по поводу влияния человеческого бытия на возникновение психического конфликта.

Последователи Фрейда в процессе развития психоанализа расширяют понимание конфликта, который происходит уже не только внутри индивида, но и вне его, понимая его как конфликт между индивидами и конфликт индивида с его окружением. Человек как сторона конфликта движим некоей силой, которую он ощущает в виде желания, причем неисполнение этого желания приводит к недовольству или фрустрации. Сам конфликт начинается именно тогда, когда у человека возникает какое-либо желание. Его появление говорит о том, что нечто в окружающем человека мире не соответствует его представлениям о том, как должно быть. Иными словами, действительная картина мира вокруг человека, т. е. окружающая его реальность, не соответствует его представлениям о ней. Таким образом, желание есть противоречие, или, в терминах Юнга, «градиент» между тем, что с точки зрения каждого отдельного человека должно быть, и тем, чего нет. Чем сильнее этот «градиент», тем острее конфликт. Осуществление желания означает устранение конфликта, причем любое желание требует наискорейшего удовлетворения, удовлетворения здесь и сейчас в соответствии с принципом удовольствия.

Помимо этого любой конфликт, отражаясь в сознании индивида, становится психическим, так как любое событие, любое изменение реальности, в которой живет человек, отражается в его психике. Следует заметить, что иногда психическим конфликтом становится и ситуация, не имеющая к самому человеку никакого отношения, к примеру драматические события в художественном фильме. Здесь степень отождествления человеком себя с героем фильма является степенью интенсивности навязанного извне, фильмом, психического конфликта. Причем наличие у фильма «катарсического», счастливого окончания, «хэппи энда» не гарантирует полного разрешения психического конфликта.

Отсюда следует признать, что психический конфликт на сексуальной почве является всего лишь частным случаем конфликтов, отражаемых в сознании. В силу того, что испытываемый человеком осознанный или неосознанный конфликт является психическим по своей сути, человек поневоле становится активной стороной конфликта. Это происходит потому, что местом существования конфликта является психика человека, без чего не было бы конфликта как такового. Поэтому существование конфликта определено взаимоотношением человека и окружающего его мира.

В итоге развитие психоанализа неизбежно привело к тому, что наряду с внутриспсихическими причинами конфликта начали приниматься в расчет внешние причины, имеющие источник в бытии человека

как социального существа. Другими словами, в психоанализе ясно наметилась тенденция сдвига понимания *онтологических* оснований конфликта с внутрииндивидуального уровня (Я-Я) к межиндивидуальному (Я-Ты) и метафизическому (человек-мир).

Антропологические основания конфликтности также исходят из тенденции к расширению понимания природы человека в психоанализе. Но зачастую в теориях различных психоаналитиков антропологические и онтологические основания конфликта образуют единый конгломерат. В классическом психоанализе человек определялся как невротическое, сексуально неудовлетворенное существо, склонное к врожденной агрессии и разрушению. Причем все эти черты присущи природе человека из-за того, что они исходят из бессознательного. После Фрейда К. Г. Юнг привнес в психоанализ понимание человека как «самостного» существа, как «бога в самом себе», неумовимого и неопределенного существа¹⁷¹. Вместе с тем А. Адлер определил человека как слабое, беспомощное существо, имеющее различные физиологические недостатки, страдающее комплексом неполноценности. Тем не менее, человек у Адлера – существо, стремящееся к совершенству и саморазвитию психических сил в процессе социализации, а также к достижению целостности своего бытия благодаря творческому стремлению к конечной цели своего существования. В. Райх считает человека, с одной стороны, оргазмным, а с другой стороны, природно-социальным существом. К. Хорни полагает человека по природе беспомощным, беспокойным и неполноценным существом, полным внутриличностных конфликтов и конфликтов человека с культурой и цивилизацией.

Отсюда видно, что в антропологических основаниях конфликтности основной проблемой является проблема сущности, а в онтологических – проблема существования. Существование первично по отношению к сущности, но, тем не менее, следует еще раз подчеркнуть взаимосвязь и единство антропологических и онтологических оснований конфликта, исходящих из определений человеческой природы, представленных психоанализом.

Типологизацию оснований конфликтности на антропологические и онтологические можно также продолжить в философской парадигме, где человек рассматривается как активное начало, противостоящее как природе, так и самому себе. В этом отношении интересна, к примеру, позиция К. Ясперса, для которого человек – не просто принудительный синтез противоположностей (каковым, по его мнению, является все

¹⁷¹ Jung C. G. Letters. Princeton, 1975. Vol. II. P. 195.

живое) или необходимое и доступное пониманию диалектико-синтетическое движение духа. Человек – уже в самых глубинных своих истоках – не что иное, как борьба¹⁷².

Антропологические основания конфликтности можно определить исходя из понимания природы человека. Мы уже определили человеческую природу как понятие, обозначающее такое измерение бытия, в котором явления и процессы одновременно и едины с общеприродными, и отличаются от них. При этом человек, являясь частью природы, одновременно «выпадает» из нее, занимая дистанцию по отношению к самому себе. Называя бытие человека «становлением», мы наделяем человеческое качеством *процессуальности*, которая является источником и механизмом становления человеческого, обретения им всех своих существенных характеристик. Благодаря процессуальности сублимации человеческая природа обладает возможностью и способностью отрицания природы и самоотрицания, которые можно считать основой конфликтности.

Конфликтность содержится в фундаментальных принципах человеческого. Так, например, человек не является ни животным, ни разновидностью животного. По Ницше, он «неопределившееся животное» (*das nicht festgestellte Tier*). Животное из поколения в поколение приспособлено к определенной форме существования, а человек наделен пластичностью и способен бесконечно меняться. Животные руководствуются инстинктами, у человека же мало инстинктов, в силу чего он допускает ошибки, в его жизни присутствует элемент неустойчивости и ненадежности. Наряду с этим, человек не представляет собой сугубо «духовное существо» (*der Angel*). Он является синтезом этих противоположностей, отрицающих друг друга. «В проявлениях своего наличного бытия человек может уподобляться животным, а в основах своей природы – Божественному как трансценденции, которая, как он знает, есть источник свободы»¹⁷³.

В человеке, мыслимом как процесс движения к единству наличного бытия, сознания и духа как разума и экзистенции, конфликт содержится в том, что эти три составляющие еще не представляют собой единства.

Человек как форма жизни является ареной борьбы между наследственной предрасположенностью и окружающей средой, между своим внутренним и внешним миром. В нем скрываются бесконечные возможности, благодаря которым он стремится преодолеть свою конечную природу, поэтому его можно понимать как открытую потенциальность. Но эти бесконечные возможности побуждают человека вопло-

¹⁷² Ясперс, К. Общая психопатология / К. Ясперс. – М., 1997. – С. 909.

¹⁷³ Ясперс, К. Общая психопатология / К. Ясперс. – М., 1997. – С. 914.

тяться в чем-то конечном, из чего исходит недовольство собой как конечным существом. Более того, человек осознает свою конечную природу и следующую отсюда незавершенность своего бытия. Отсюда, он в принципе неудовлетворен не только своим внутренним миром, своими действиями и мыслями, но и своим внешним миром как совокупностью конечных вещей.

Как мыслящее существо человек пытается преодолеть антагонизм между субъектом и объектом, между «Я» и вещами. Человек как активное начало стоит между «чистой», формальной волей и волей самореализующегося человека. Человек, делающий свободный выбор, отрицает часть потенциальностей при выборе одной из них, при этом сам выбор из этих потенциальностей основан на конфликте желаний. Человек как феномен духа склонен к отрицанию, но отрицание не разрушает человека, а выступает в форме созидания через преодоление и синтез, осуществляемые в процессе становления.

Онтологические основания конфликтности исходят из исследования человеческого бытия как наиболее развитой формы бытия в целом. Они существуют на нескольких уровнях, которые можно определить как «Я – Другой», «индивид – общество», «человек – мир».

На межиндивидуальном уровне «Я – Другой» человек вступает в конфликт с Другим, т. е. таким же, как и он сам, индивидом, обладающим своей волей, своим видением внешнего мира, свободой, и в силу этого не подчиняющимся человеку. Таким образом, это противоречие между очеловеченным «Я» и внечеловеческим Другим.

Как общественное существо человек находится в центре конфликта с обществом, с индивидуальной и коллективной волей. В одиночку он не может противостоять природе, и его слабость перед природой заставляет его создавать союзы с подобными себе. Но когда общество, созданное им самим, начинает довлеть над ним, человек отрицает его, склоняясь к идеализации индивидуальности и ее свободы. В реальной жизни эти положения выливаются в то, что человек сосуществует с огромным количеством таких же, как он, людей, подчиняясь им и одновременно сохраняя свою идентичность. Созвучно этим мыслям В. Хёсле¹⁷⁴ говорит о том, что большинство страданий, которые люди причиняют друг другу и которые философ считает самыми изощренными и мучительными, исходят из процесса гармонизации «Я» человека с его социальным «Я». Иными словами, конфликт возникает из желаний «Я» и требований социального окружения человека, в котором он существует.

¹⁷⁴ Хёсле, В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хёсле // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 123.

Противоречие «человек – мир» исходит из недовольства человека внешним миром, является результатом «выпадения» человека из природы и порождает их конфликтные отношения. Человек противостоит миру, но воспринимает это наоборот, как противостояние и сопротивление мира ему. В самом деле, «изначальное переживание действительности как переживание *«сопротивления мира»* предшествует всякому сознанию, всем представлениям и восприятиям»¹⁷⁵. Эти слова М. Шелера дают понимание того, что сознание, представления и восприятие появляются и развиваются с «родовой травмой», которая определяется как «сопротивление мира», в котором живет человек. Именно это чувство является основанием отношения человека и мира. Человек никогда не живет спокойно в окружающей его действительности, он всегда стремится «прорвать пределы своего здесь-и-теперь-так-бытия и «окружающего мира», в том числе и наличную действительность собственного «Я»¹⁷⁶.

Философское осмысление подобных положений очень ярко показано А. Камю, который в «Мифе о Сизифе» исследует конфликт между человеком и окружающим его миром. Осознание человека самим себя в этом мире делит его сознание на «Я» и «все остальное», т. е. то, что противостоит этому «Я». Это противостояние человека с миром, породившим его и чуждым ему, есть конфликт и в основе этого конфликта, который Камю называет «трещиной между миром и духом человека», лежит *сознание*¹⁷⁷. Человек наделен сознанием, разумом, в силу этого – «человек разумный» есть «человек конфликтный». Более того, признавая мир чужим для человека и считая, что именно в этой «чуждости мира обнаруживает себя абсурд»¹⁷⁸, Камю дает нам основания считать «человека разумного» «человеком абсурдным», а сам конфликт – абсурдом. Для человека абсурдно то, что мир не подчиняется ему, как бы не замечая существование человека, и это столкновение, по словам Камю, абсурдно в своей иррациональности. Но, с другой стороны, эти две противоположности не могут существовать друг без друга и абсурд зависит от человека в той же мере, в какой он зависит от мира, он – их единственная связь¹⁷⁹. Из этого следует, что, если бы в мире не было человека, обладающего сознанием, то не было бы и конфликта, так как только сознание

¹⁷⁵ Шелер, М. Положение человека в Космосе / М. Шелер // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. – С. 64.

¹⁷⁶ Там же. – С. 65.

¹⁷⁷ Камю, А. Миф о Сизифе / А. Камю // Соч. В 5 т. – Харьков, 1998. – Т. 2. – С. 47.

¹⁷⁸ Там же. – С. 17.

¹⁷⁹ Там же. – С. 22.

человека может засвидетельствовать существование мира. Иными словами, отсутствие сознания означает отсутствие конфликта. Отсюда конфликтность, присущая бытию человека, также исходит из того, что человек обладает сознанием.

Полное постижение мира, по Камю, означает устранение абсурда, который не может существовать вне человеческого сознания и вне мира¹⁸⁰. Поэтому устранение абсурда есть единение человеческого сознания с миром, причем познание мира означает не приближение человека к миру. Напротив, для человека такое познание означает сведение его к человеческому, т. е. сделать мир близким себе¹⁸¹. В конфликте «человек – мир» человек является активной стороной конфликта, и «свести мир к человеческому» означает не изменение самого человека, а изменение человеком мира. Такое изменение человеком окружающего мира – это прежде всего сопротивление человека миру.

Такое противостояние человека миру, сопротивление ему, и значит их конфликт, Камю называет бунтом против мира. Следовательно, «генеалогия бунта как одной из самых последовательных философских установок»¹⁸² имеет своим началом появление человека, т. е. «выпадение» его из природы и начало сублимации. Человек начал бунтовать против мира, в котором он жил, заостря камень или кость, придумав первые примитивные орудия труда. Используя эти орудия труда, он мог хотя бы частично изменить противостоящий ему мир. Отсюда появление у человека желания изменить нечто, создать нечто – это уже бунт против несовершенного, с точки зрения человека, мира. Только позже тот мир, в котором живет человек, начнет для него делиться на составляющие, такие как неправильный, по его мнению, миропорядок, репрессивные формы правления и т. д., против которых человек бунтует осознанно.

Из этого следует, что начало бунту человека против природы положило зарождение разума, что человеку имманентно состояние бунта, потому что ему присущи разумность и осознание абсурда неповиновения ему окружающего его мира. «Человеком бунтующим» он является потому, что он – «человек разумный». У Камю конфликт постоянный, от него нельзя избавиться иначе, как полностью приняв условия мира, в котором человек существует, или добровольно покинув его.

Но считая, что мир противостоит ему, человек тем самым обрекает себя на постоянную и безуспешную борьбу с этим миром, становясь

¹⁸⁰ Камю, А. Миф о Сизифе / А. Камю // Соч. В 5 т. – Харьков, 1998. – Т. 2. – С. 30.

¹⁸¹ Там же. – С. 19.

¹⁸² Там же. – С. 49.

Сизифом. Такой конфликт с миром, по Камю, бессознателен, он ощущается человеком только как «неуловимое чувство абсурда», как «климат абсурда», как «глубинные желания разума», которые смыкаются с бессознательным¹⁸³. Разум человека бунтует против существующего мира, уже созданного, но не им самим. Он бунтует против природы, в том числе и своей собственной.

По Камю, состояние конфликта с окружающим миром имманентно человеческому бытию и является обязательным условием для создания человеком произведений искусства. Он согласен с А. Жидом в том, что «искусство живет принуждением и гибнет от свободы»¹⁸⁴. Из подобных положений вероятен неверный вывод о том, что, если перестанет существовать конфликт как принуждение миром человека к сопротивлению, творческая деятельность человека иссякнет. Подобного вывода можно избежать, учитывая незавершенность и процессуальность природы человека. В бесконечной сублимации человека, понимаемой как часть процесса его становления, т. е. в обретении им единства и гармонии с миром, в котором он существует, конфликт человека с миром стремится к нулю, но не перестает существовать совсем. С другой стороны, сублимация человека предполагает, что конфликт как противостояние природе трансформируется в конфликт как диалог с природой.

Сам конфликт традиционно понимается через столкновение противоположностей¹⁸⁵, которыми в нашем случае являются мир и человек. При этом конфликт оказывается местом или точкой их столкновения. Это позволяет нам согласиться с теми исследователями конфликта¹⁸⁶, которые утверждают наличие некоторой конфигурации, или топологии, конфликта как определенной расстановки или соотношенности мест конфликтующих сторон. Таким образом, в конфликте должны участвовать, по крайней мере, две стороны, каждая из которых претендует на истинность и смысл.

Сама возможность конфликта осуществляется только при условии единства темы противостояния, избираемой обеими сторонами. Здесь необходимо заметить, что даже определяя природу как *natura sapiens*,

¹⁸³ Камю А. Миф о Сизифе / А. Камю // Соч. В 5 т. – Харьков, 1998. – Т. 2 – С. 15, 19.

¹⁸⁴ Камю, А. Лекция 14 декабря 1957 г. / А. Камю // Соч. В 5 т. – Харьков, 1998. – Т. 4. – С. 193.

¹⁸⁵ См.: Бабосов, Е. М. Основы конфликтологии / Е. М. Бабосов. – Минск, 1997.; Сафьянов, В. И. Этика общения: проблема разрешения конфликта / В. И. Сафьянов. – М., 1997.

¹⁸⁶ См.: Бушмакина, О. Н. Топология конфликта / О. Н. Бушмакина // Конфликтология: междисциплинарные исследования. – Ижевск, 2002.

т. е. признавая разум атрибутом природы¹⁸⁷, мы не имеем никаких оснований полагать, что природа *активно* и *сознательно* противостоит человеку. Следовательно, тему противостояния избирает человек, а не природа. Тема противостояния определяется наличием некой общей точки, в которой противоположности сходятся или соприкасаются. В этой точке происходит соотношение *мнений* противоположных сторон, или *со-мнение*.

Идея топологии конфликта может быть использована в антропологическом смысле в двух аспектах. Во-первых, мы выделяем пространство совместного бытия мнений, совместного столкновения смыслов, которые в чем-то едины. Во-вторых, мы выделяем пространство сферы деятельности человека, в котором он самоутверждается, самореализуется. Первая сфера является уже второй. В случае отношений «субъект – субъект», т. е. человека с другим человеком, конфликт является сферой со-мнения, где каждая из сторон претендует на истинность и смысл. В случае отношений человека с природой, т. е. отношений «субъект – объект», конфликт содержится в сфере человеческой деятельности, в сфере самоутверждения человека.

В нашем случае мнение человека по поводу его отношения к природе манифестируется активно. «Мнение» природы относительно человека пассивно, им является само объективное бытие природы, которое субъективно отражается в психической реальности человека. Таким образом, сомнение выступает не как некая активность природы относительно человека, а как некая деятельность мышления человека, благодаря которой проясняются суть и смысл самого мышления. Это значит, что точка конфликта как точка схождения или сходства проявляет себя как точка сомнения, со-мышления или точка смысла. Иными словами, человек, обладая мышлением, мыслит и за себя, и за природу, приписывая ей мышление и, таким образом, ее «мнение» относительно себя. Иллюстрацией такого мышления человека может служить мнение Ф. Ницше о природе как о «существе, безмерно расточительном, безмерно равнодушном, без намерений и оглядок, без жалости и справедливости, плодovitом и бесплодном», как о «безразличии в форме власти»¹⁸⁸.

Сформированные самим человеком эти два «мнения» сталкиваются в психической реальности человека, и она является точкой соприкосновения противоположностей, точкой сомнения, со-мышления, точкой смысла. Отсюда, при рассмотрении конфликта через его топологию

¹⁸⁷ Омельченко, Н. В. Первые принципы философской антропологии / Н. В. Омельченко. – Волгоград, 1997. – С. 63.

¹⁸⁸ Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше. – М., 1996. – С. 246.

сам конфликт можно определить как единство и различенность сторон, которые взаимоопределяются в точке, и этой точкой смысла является сам человек.

Каждая из сторон существует в своей противоположности позитивности согласия как разногласие или обособленность, различие мнений. Столкновение сторон показывает пределы существования каждой из сторон, ограничивая их. Конфликт оказывается точкой границы, в которой каждая из сторон взаимноограничивается, т. е. устанавливается мера ее не-существования, он одновременно является точкой соединения и разделения. В этом аспекте конфликт выступает как способ ограничивания или ограничения бесконечного стремления противоположностей к собственному существованию. Точка конфликта как точка границы, с одной стороны, накладывает условие несуществования на существующую противоположность, ограничивая ее, с другой стороны, проявляет и определяет существование бесконечной противоположности, утверждая ее. Созвучно этим положениям И. Д. Невважай¹⁸⁹ определяет человека как границу мира, при этом человек является недостижимым пределом возможных состояний мира, невозможным предельным состоянием всего сущего в мире. Одновременно человек, по нашему мнению, является границей человеческого.

Исследователь конфликта О. Н. Бушмакина¹⁹⁰ полагает, что конфликт как граница существует таким образом, что для каждой из сторон полнота существования проявляется в момент исчерпания существования или в момент несуществования. Иными словами, конфликт представляет собой существование несуществования или бытие небытия, которое адекватно в состоянии совместности или тождественности несуществованию существования или небытию бытия. Подобная конструкция свидетельствует о полном единстве противоположностей в точке конфликта или об их совместности. О. Н. Бушмакина справедливо отмечает, что в точке совместности возникает единство бытия в его различности, когда бытие сравнивается не с «другим», но только с самим собой, существуя как *событие бытия*. Иными словами, конфликт может быть представлен в своей позитивности как *событие бытия* или точка самоопределения бытия.

Отсюда, конфликт как *событие бытия* обладает безусловным существованием, которое есть одновременно и несуществование. Это

¹⁸⁹ Невважай, И. Д. К метафизическому обоснованию философской антропологии / И. Д. Невважай // Человек в современных философских концепциях: материалы Международной научной конференции. – Волгоград, 1998. – С. 30.

¹⁹⁰ См.: Бушмакина, О. Н. Топология конфликта / О. Н. Бушмакина // Конфликтология: междисциплинарные исследования. – Ижевск, 2002.

значит, что конфликт существует как тождество $A = \text{не-}A$, т. е. конфликт существует парадоксально. Особенность его парадоксального существования заключается в том, что он, совмещая в себе противоположности до полного их совпадения, может существовать только как «пустое» место. Это пустая форма приведения крайних «точек зрения», которые в точке конфликта оказываются совершенно полными или завершенными. В смысловой полноте своего существования они доводятся до абсурда, который оказывается очевидным в момент события бытия как парадокса.

Существование «пустого» места, с одной стороны, манифестирует исчерпание существования того или иного направления, заданного одной из противоположностей конфликта, его законченность, завершенность как обращенность к концу, где в полной мере происходит опустошение смысла¹⁹¹. С другой стороны, исчерпанность существования предьявляет его исполненность как полноту существования, а значит, и полноту смысла. Другими словами, «пустое» место существует как место смысла, которое способно вместить его весь полностью, без изъяна. Отсюда, человек, по нашему мнению, мыслится как одновременная исчерпанность и полнота существования, опустошение и полнота смысла.

Такое парадоксальное одновременное бытие и небытие человека, с нашей точки зрения, можно определить как момент трансцендирования, точку трансгрессии, создание, «произведение бытия как результат выхождения человека за свои налично данные природные, социальные, культурные границы»¹⁹². Человек, как точно подметил И. Д. Невважай, не может выйти из «этого» мира в какой-то «другой» мир. Именно поэтому трансцендирование совершается не к чему-то существу, а в небытие. Небытие, по мнению философа, «немыслимо, невыразимо, но лишь до тех пор, пока туда не вторглось произведенное бытие. Небытие есть как бы «пустое» место, в котором рождается бытие, в котором творится сознательная жизнь, осуществляется бытие-свобода»¹⁹³. Таким образом, человек как точка трансгрессии находится в процессе нарушения границы между бытием и небытием.

Совмещая эти положения с приведенным нами в параграфе четвертом первой главы определением креативности, в соответствии с кото-

¹⁹¹ Нанси, Ж.-Л. О со-бытии / Ж.-Л. Нанси // Философия Мартина Хайдеггера и современность. – М., 1991. – С. 91–102.

¹⁹² Невважай, И. Д. К метафизическому обоснованию философской антропологии // Человек в современных философских концепциях: материалы Международной научной конференции. – Волгоград, 1998. – С. 31.

¹⁹³ Там же. – С. 31.

рым человеческая креативность понимается как процесс постоянной трансгрессии человеческого между очеловеченным и внечеловеческим, позволяющий ему выходить за собственные пределы и самоутверждаться в бытии в качестве самостоятельно действующей силы, мы можем прийти к следующим выводам.

Во-первых, человек представляется точкой конфликта как точкой выхода за свои собственные пределы, т. е. точкой трансгрессии, сочетая в себе таким образом единство бытия и небытия, причем последнее мыслится как место «рождения» бытия.

Во-вторых, человек представляется границей между миром и человеческим, точкой отсутствия и полноты смысла, или точкой рождения смысла, причем смысл рождается из обязательного участия в конфликте обеих сторон.

В-третьих, человек как точка «рождения» своего собственного бытия и является точкой «рождения» креативности, точкой наполнения своего бытия смыслом. Иными словами, креативность и есть смысл бытия человека, т. е. бытие человека креативно.

Традиционное рассмотрение конфликта как столкновения противоположностей, как спора, распри¹⁹⁴ приводит к одностороннему негативному толкованию сущности конфликта и является основой для понимания негативной креативности как деструктивности, присущей природе человека. Как мы полагаем, такое осознание конфликта весьма односторонне. По нашему мнению, всякий конфликт как столкновение необходимо несет в себе не только расприю, но и единство как способ соединения того, что ранее существовало в своей отдельности и чуждости друг другу, и это было показано уже в классической философии¹⁹⁵. Действительно, всякое столкновение предполагает схождение различного воедино в точке конфликта. Конфликт, таким образом, предполагает не только расхождение, но и сходство, некую совмещенность или совместность. Конфликт, представленный в позитивном аспекте, т. е. рассмотренный с положительной стороны, существует как согласие вступающих в разговор сторон. Согласие выступает как точка единства мнений или точка смысла коммуникации. Без наличия этой точки сама коммуникация как столкновение мнений не имеет никакого смысла. Конфликт как согласие становится компромиссом, или консенсусом. Он представляет общение как двустороннюю коммуни-

¹⁹⁴ См.: Coser L. A. *The Function of Social Conflict*. *Sociological Theory*. – London, 1957; Анцупов А. Я. *Конфликтология: теория, история, библиография* / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – М., 1996.

¹⁹⁵ См.: Гегель, Г. В. Ф. *Работы разных лет*. В 2 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М., 1970–1973.

кацию, в процессе развития которой актуализируется ее смысл – взаимопонимание.

При рассмотрении положительного и отрицательного направления конфликта при сублимации становится необходимым определить тему конфликта, ту точку, в которой противоположные мнения сходятся или сталкиваются. Такое определение темы конфликта должно исходить из того, что природа как сторона конфликта является пассивной в отношении человека, и только ее субъективное восприятие человеком приписывает ей активность и агрессивность. Тем не менее, бытием природы, как и бытием человека, является сублимация. Это первая точка позитивного и негативного совпадения «мнений» природы и человека.

Природа создает самое себя, она и есть своя же реальность. Для человека существуют две реальности: одна из них, внешняя, – мир, в котором человек существует, другая (психическая, или ментальная) – внутренняя. Это еще одна точка негативного и позитивного совпадения «мнений».

Далее, природа обладает способностью преобразоваться, изменяться. Это преобразование оценивается человеком как конструктивное и деструктивное. Человек также, с одной стороны, обладает креативностью, проявляющейся вовне, т. е. изменяющей реальность вокруг самого человека. С другой стороны, он обладает креативностью, проявляющейся в нем самом – в создании отражения внешнего мира, его преобразовании в своей психической (ментальной) реальности или создавая новую психическую реальность, полностью отличающуюся от внешней. При попытке человека преобразовать внешнюю реальность он сталкивается с ее инертностью, субъективно понимаемой им как противостояние, из чего и возникает конфликт. Исходя из этого можно сделать вывод, что общей темой рождения конфликта, по нашему мнению, является креативность, или способность творить.

В соответствии с двумя путями развития конфликта при сублимации – положительным и отрицательным – человек начинает оценивать креативную деятельность как положительную и отрицательную, т. е. собственно креативную и деструктивную. Из того факта, что он является активной стороной конфликта, исходит свобода его выбора между многими вариантами, формам креативности. Отсюда, он также свободен выбирать оценку и определение своего противостояния природе: являются ли человек и природа двумя субъектами творчества, т. е. двумя творцами, противостоящими друг другу, или они представляют собой симбиоз субъектов творчества, со-творцов, единящихся в сублимации, т. е. в преобразовании друг друга и самих себя.

Принимая во внимание подобные положения, нам следует перейти к анализу того, каким образом при сублимации работает принцип свободы выбора человеком многовариантных форм креативности.

§ 2. СУБЛИМАЦИЯ, КРЕАТИВНОСТЬ И ДЕСТРУКТИВНОСТЬ

Рассмотрение вопроса о соотношении позитивной креативности и *негативной креативности человека* принципиально важно, так как от точки зрения на это явление зависит точка зрения на человеческую природу в целом. Исторически сложилось так, что явление, называемое *деструктивностью*, противопоставляется *креативности*. Такое противопоставление привело к образованию множества философских и мировоззренческих точек зрения на деструктивность как на начало, равное креативности, причем в наше время такое противопоставление обосновывается даже тем, что деструктивность якобы является аналогом энтропии на человеческом уровне.

Именно противопоставление деструктивности и креативности привело к тому, что человек, потакаая своим низменным желаниям, объясняет их порочностью человеческой природы и присущей ей агрессивностью и деструктивностью. Именно это делает человека марионеткой в руках им же самим создаваемых философий, мировоззрений, условий жизни и форм бытия. Именно выделение деструктивности как одной из основополагающих сторон природы человека способствовало тому, что она, пройдя философское обоснование, превратившись в мировоззрение и утвердившись в обыденной психологии людей, выражается сейчас в стиле жизни человечества, результатом чего стал кризис человечности, поразивший современную цивилизацию. Этот кризис выражается в мировых войнах, росте насилия, распространении терроризма, наркомании, деградации культуры, экологических проблемах и катастрофах, и ставит под вопрос само существование человека.

Обращаясь к истокам такого противостояния, следует заметить, что проблема противопоставления креативности и деструктивности исходит из морально-этической проблемы противостояния добра и зла, спора о том, является ли человек по природе добрым или злым. Ныне существующие философские точки зрения на проблему соотношения креативности и деструктивности в подавляющем своем большинстве имеют основой положения, получившие развитие в конце XIX и в начале XX веков в психоанализе, где деструктивность рассматривается как производная влечения к смерти, «Танатоса». Именно этот факт, по нашему мнению, заставляет нас в очередной раз обратиться к психо-

аналитическому учению для анализа истоков возникновения самого понятия «влечения к смерти».

Современные российские и иностранные исследователи психоанализа¹⁹⁶ убедительно доказывают, что одно из основных влечений – *влечение к смерти* – пришло в классический психоанализ из России, где в психоаналитической литературе деструктивным компонентам в психике и поведении человека уделялось особое внимание¹⁹⁷. К проблеме деструктивности обращалось большинство первых российских психоаналитиков, а С. Н. Шпильрейн – молодой российский психоаналитик, пациентка и ученица К. Г. Юнга – в работах, посвященных комплексу проблем, связанных с деструктивным поведением, не только опередила З. Фрейда, но и повлияла на его дальнейшие разработки в этой области.

29 ноября 1911 г. С. Шпильрейн выступила перед членами общества с лекцией «О трансформации», посвященной своим идеям об инстинкте разрушения, на основании которой в марте 1912 года вышла ее статья «Деструкция как причина становления». Фрейд в своем письме сообщал К. Г. Юнгу, что статья Шпильрейн и особенно ее идея о стремлении к разрушению ему не особенно нравится, так как, по его мнению, подобное стремление определяется личностью человека¹⁹⁸. Юнг соглашался с Фрейдом в том, что статья Шпильрейн недостаточно обоснована, когда после весьма многообещающего начала следует беспомощное завершение. Более того, по мнению Юнга, работа Шпильрейн слаба не только потому, что она «слишком мало читала», но и потому, что «ее статья ужасно перегружена ее собственными комплексами»¹⁹⁹.

Тем не менее, по нашему мнению, представляется удивительным, что неопытная Шпильрейн в свои двадцать пять лет пришла к «открытию» инстинкта к смерти, к которому не могли прийти искушенные психоаналитики. Это тем более удивительно, что Юнг, который был сначала лечащим врачом Шпильрейн, а затем другом и любовником,

¹⁹⁶ См, например: Крылов, А. Н. Проблема природы человека в российской психоаналитической традиции: автореферат на соискание степени кандидата философских наук / А. Н. Крылов. – Москва, 1998; Ванинг, А. Работы одного из пионеров психоанализа – Сабины Шпильрейн. – <http://www.voppsy.ru/956066.htm>

¹⁹⁷ Крылов, А. Н. Проблема природы человека в российской психоаналитической традиции: автореферат на соискание степени кандидата философских наук / А. Н. Крылов. – Москва, 1998. – С. 22–24.

¹⁹⁸ McGuire W. The Freud Jung letters. – London, 1974. P. 494.

¹⁹⁹ McGuire W. The Freud Jung letters. – London, 1974. P. 498.

признал ее приоритет в «открытии» инстинкта смерти²⁰⁰. Вряд ли это открытие произошло под влиянием А. Адлера, который ввел понятие *влечения к агрессии*²⁰¹, во-первых, потому, что введение такого влечения не одобрял сам Фрейд, а молодой Шпильрейн нельзя было с первых шагов в психоанализе портить отношения с его основателем. К тому же в начале 1911 года, т. е. в том же году, в ноябре которого Шпильрейн сделала свой доклад, Фрейд подверг сокрушительной критике два доклада Адлера, и это несмотря на то, что влечение к агрессии в то время менее противоречило его теории, чем влечение к смерти. Во-вторых, в своем докладе и статье она оперирует терминологией Юнга и так же, как он, для доказательства своей теории обращается к мифологии, что также характерно для творчества Юнга.

Рассматривая истоки происхождения влечения к смерти, мы считаем необходимым обратить внимание на некоторые факты, которые исследователи совершенно не упоминают. Так, С. Шпильрейн с детства говорит по-русски, по-немецки, по-английски и по-французски и в дополнение к домашним занятиям с репетитором посещает ростовскую Екатерининскую женскую гимназию, которую заканчивает в 1904 г. с золотой медалью. В августе 1905 г. Шпильрейн поступает в Цюрихский университет на медицинский факультет, где весьма успешно учится. В мае 1911 г. Шпильрейн получает ученую степень доктора медицины за написанную вместе с Юнгом диссертацию – единственную до своего доклада в психоаналитическом обществе работу «О психологическом содержании одного случая шизофрении», которая в том же году под другим названием публикуется в «Психоаналитическом ежегоднике».

Учитывая блестящее образование Шпильрейн, отличную успеваемость и тягу к знаниям, мы можем предположить, что она как студентка медицинского факультета Цюрихского университета не могла не изучать работы И. И. Мечникова, который в 1908 г. стал лауреатом Нобелевской премии, а такая его работа, как «Этюды о природе человека», написанная в 1903 г., в течение пяти лет, к 1908 г., выдержала три (!) издания. В исследованиях И. И. Мечникова широко освещались проблемы танатологии и, по мнению исследователя А. В. Демичева, именно после работ Мечникова танатология стала серьезной медицинской дисциплиной²⁰².

²⁰⁰ Там же. – Р. 183.

²⁰¹ Adler A. Der Aggressionstrieb im Leben und in der Neurose // Fortschritte der Medizin. 1908.

²⁰² Демичев, А. В. Ориентация – к смерти / А. В. Демичев // Стратегии ориентации в постсовременности. – СПб., 1996. – С. 161.

Для нас принципиально важен тот факт, что И. И. Мечников в своих работах не просто обращался к танатологии, но и пытался решить важный вопрос, связанный с естественной смертью, а именно: «сопровождается ли она у человека исчезновением жизненного инстинкта и появлением нового, инстинкта смерти?»²⁰³. Этот инстинкт, как предполагает Мечников, в потенциальной форме гнездится в человеческой природе, и если бы цикл жизни человека следовал своему идеальному, физиологическому, ходу, то инстинкт естественной смерти появлялся бы своевременно – после нормальной жизни и здоровой продолжительной старости. Инстинкт смерти, по Мечникову, вероятно «должен сопровождаться чудным ощущением, лучшим, чем все другие ощущения, которые мы способны испытывать. Быть может, тревожное искание цели человеческой жизни и есть не что иное, как проявление смутного стремления к ощущению наступления естественной смерти. В нем должно быть нечто сходное с неопределенными чувствами молодых девственниц, предшествующими настоящей любви»²⁰⁴. Странное совпадение, по нашему мнению, видно в том, что С. Шпильрейн также пишет свою статью об инстинкте смерти, основанную на «опыте работы с девушками»²⁰⁵, а позднее Фрейд связывает инстинкт смерти с принципом удовольствия²⁰⁶.

В статье «Деструкция как причина становления» (1912 г.) Шпильрейн не только излагает свои аргументы за существование инстинкта смерти, но, как показывает название статьи, она фактически утверждает, что деструктивность является основой созидательной деятельности. Убедительной иллюстрацией подобного положения, по мнению психоаналитика, является тот факт, что инстинкт смерти, выраженный в деструктивности, начинает работать на самом нижнем – клеточном уровне. При зачатии, по мнению Шпильрейн, происходит соединение женской и мужской клеток, при этом каждая клетка уничтожается как единица, а из продукта уничтожения возникает новая жизнь. Индивид, высоко организованный биологически и состоящий из множества клеток, не весь уничтожается в половом акте. Но половые клетки, исчезающие как единицы, суть особые элементы организма: они находятся в тесной взаимосвязи со всей жизнью индивида и содержат в концентрированной форме всего производителя, постоянно влияющего на

²⁰³ Мечников, И. И. Этюды о природе человека / И. И. Мечников. – М., 1961. – С. 227.

²⁰⁴ Там же. – С. 231.

²⁰⁵ Spielrein S. Die Destruktion als Ursache des Werdens // Jb. für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. 1912. IV. S. 465.

²⁰⁶ Freud S. Jenseits des Lustprinzips. 1940–1952. G. W., XIII. S.69.

них при их развитии и на которого они также постоянно влияют. Эти важнейшие экстракты индивида, его часть, представляющая весь организм, уничтожаются при оплодотворении.

Было бы невероятно, считает Шпильрейн²⁰⁷, чтобы индивид не подзревал об этих процессах разрушения и перестройки в своем организме, хотя бы в соответствующих чувствах. Чувства наслаждения даны в инстинкте продолжения рода. Но вместе с ними существуют чувства отпора – такие, как страх и отвращение. Последние не являются отрицательными, означающими отказ от сексуальной деятельности, а являются чувствами, соответствующими разрушающим компонентам самого сексуального инстинкта. Таким образом, инстинкт смерти, по Шпильрейн, является компонентом сексуального влечения.

Спустя девять лет *влечение к смерти* упоминается в шестой главе работы Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» (1920). Фрейд считает это влечение присущим каждому живому существу побуждением вернуться в неорганическое состояние, так как живые существа возникли позже неживых²⁰⁸ и именно поэтому они обречены умереть по внутренним причинам²⁰⁹. Это и есть, по его словам, влечение к разрушению, влечение к овладению, воля к власти. Это влечение отчасти подчиняется сексуальной функции, и либидо предназначено обезоружить это влечение и направить его вовне²¹⁰.

У Фрейда (в отличие от Шпильрейн, у которой инстинкт смерти являлся производной сексуального влечения) влечение к смерти является одним из полюсов второй дихотомии влечений, где они противопоставлены Эросу. Фрейд видит в них влечения в настоящем смысле этого понятия, так как они обладают присущей всем влечениям повторяемостью. Они являются попыткой Фрейда объяснить ряд повторяющихся явлений, таких как навязчивое повторение, которое он не мог объяснить поиском удовлетворения, так как оно причиняло мучения пациентам. Он видел в этих завораживающих явлениях некую «демоническую силу», которая способна противостоять принципу удовольствия. Но эта склонность к романтизму в науке сыграла с ним, а затем и с его последователями злую шутку: он приложил много сил для того, чтобы претворить эту гипотезу в реальность: «Поначалу я выдвинул эти мысли с единственным намерением – посмотреть, куда они приве-

²⁰⁷ Spielrein S. Die Destruktion als Ursache des Werdens // Jb. für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. 1912. IV. S. 465.

²⁰⁸ Freud S. Abriss der Psychoanalyse. 1940–1952. G. W., XVII. S. 71.

²⁰⁹ Freud S. Jenseits des Lustprinzips. 1940–1952. G. W., XIII. S. 47.

²¹⁰ Freud S. Das ökonomische Problem des Masochismus. 1940–1952. G. W., XIII. S. 376.

дут, но со временем они захватили меня, и я уже не мог думать иначе»²¹¹. И конечно слабым обоснованием этого дуализма является то, что Фрейд старался сравнить его с эмпедокловским противостоянием между любовью и враждой, говоря, что «два основных начала у Эмпедокла, «филиа» и «нейкос», и по названию, и по функции равнозначны нашим первоначальным влечениям – эросу и разрушению»²¹².

Введение понятия *влечения к смерти* или деструктивного влечения было скептически принято многими психоаналитиками, такими как Э. Бибринг, С. Бернфельд, О. Фенихель, Р. М. Лёвенштайн²¹³. Тем не менее, многие ученые, даже те, которые не верили в существование подобного влечения к смерти быстро приняли эту теорию или оказались под ее влиянием. С точки зрения психоаналитика Р. Уэлдера, это произошло потому, что такие определения как «эротический» или «деструктивный» можно было применить к сырому «психоаналитическому материалу», полученному при наблюдении за пациентом без предварительной аналитической переработки этого материала. Поэтому популярность этой концепции, по его мнению, можно объяснить «обманчивой простотой ее употребления (или злоупотребления?)»²¹⁴.

В противовес новой теории влечения к смерти Уэлдер считает, что агрессивные и деструктивные проявления можно объяснить, не предполагая существование независимого агрессивного влечения. По Уэлдеру, деструктивное поведение, отношение или импульс могут быть реакцией на:

(а) угрозу самосохранению;

(б) на фрустрацию или угрозу фрустрации. Они также могут быть побочным продуктом активности «Я» по: а) овладению внешним миром или б) контролю над собственным телом и душой. Помимо этого они могут являться частью, или аспектом, потребности сексуального желания, которая предполагает агрессивность по отношению к объекту, такую, как, например, присоединение или вторжение. Здесь индивид испытывает агрессивность и враждебность либо по отношению к соперникам, либо при попытке овладеть внешним миром, которая предполагает определенную степень деструктивности по отношению к неживым объектам и определенную меру агрессии по отношению к живым объектам. В любом случае, по мнению Уэлдера, проявление

²¹¹ Freud S. Das Unbehagen in der Kultur. 1940–1952. G. W., XIV. S. 478-479.

²¹² Freud S. Die endliche und die unendliche Analyse. 1940–1952. G. W., XVI. S. 93.

²¹³ См.: Loewenstein R.M. The Vital or Somatic Instincts. // Psychoanalytic Quarterly. 1940. No. 20. P. 377-400.

²¹⁴ Waelder R. Basic Theory of Psycho-Analysis. New York, 1960. P. 133–134.

агрессии, даже очень опасной, не является основанием для постулирования дополнительного врожденного влечения к разрушению²¹⁵.

Сходную с Уэлдером позицию занимает исследователь В. Михаэлис, указывающий, что в экспериментальных исследованиях агрессии решающее влияние на агрессивность поведения человека оказывает степень, в какой его «задевает» или «обижает» событие, которое обычно называют «фрустрация, резкая критика, ущемление личности»²¹⁶. По нашему мнению, такая точка зрения дает возможность утверждать, что человеческая агрессия рождается как ответ человека на агрессивное, по его мнению, воздействие на него окружающего мира.

По мнению К. Р. Эйсслера²¹⁷, А. Фрейд, сделав тщетную попытку спасти теорию влечения к смерти, только доказала обратное, к примеру то, что у агрессии отсутствует особый энергетический источник. Другой исследователь психоанализа Х. Э. Рихтер²¹⁸, в свою очередь, признает, что рождение и смерть являются самыми значительными событиями в жизни человека. С его точки зрения, А. Фрейд, цитируя Шопенгауэра, Фрейда и Эйсслера, права в том, что любая психология должна придавать смерти важное значение в своей системе. Тем не менее, Рихтер уверен, что это совершенно не говорит о существовании влечения к смерти, а лишь говорит о психологии смерти.

Интересны заключения исследователя Х. Кунца, который проводил феноменологический анализ психоанализа. Кунц, проводя конструктивную критику концепции влечения к смерти, говорит о том, что «агрессивного «инстинкта» в том смысле, в каком мы понимаем инстинктивную природу сексуальности и голода не существует»²¹⁹. Он считает, что такой термин, как «влечение», следует употреблять очень осмотрительно и не приписывать «влечения» каждому из видов поведения людей, так как в этом случае можно списать на проявления влечений всё, даже космические события. Поэтому его точка зрения заключается в том, что несмотря на многие черты сходства деструктивные действия по своей сути отличаются от действий, обязанных своим

²¹⁵ Waelder R. Basic Theory of Psycho-Analysis. – New-York, 1960. P. 139–140.

²¹⁶ Michaelis W. Verhalten ohne Aggression. Versuch zur Integration der Ntheorien. Kiepenheuer&Witsch. – Cologne, 1976. S. 31.

²¹⁷ Eissler K. R. Death drive, ambivalence, and narcissism. // Psychoanalytical Study of Child. 1971. No. 26. P. 25–78.

²¹⁸ Richter H.E. Sterbeangst und Destruktivität. // Psyche. 1984. No. 38. S. 1105–1123.

²¹⁹ Kunz H. Die Aggressivität und die Zärtlichkeit. Zwei psychologische Studien. – Bern, 1946. S. 33–34.

происхождением сексуальному возбуждению и голоду²²⁰. Помимо этого, Кунц соглашается с А. Фрейд в том, что у человеческой агрессии отсутствует специфический орган, из которого она исходит (подобный пищеварительному тракту для удовлетворения голода), энергия и закрепленный объект агрессии. Такую позицию Кунца поддерживают Л. Стоун, Дж. Рохлин, В. Х. Гиллеспи, М. Ф. Басх²²¹, отрицающие у злокачественной деструктивности человека черты влечения.

Вызывает интерес подход к проблеме агрессивности биолога Л. фон Берталанффи, который считает, что человеческая деструктивность исходит из способности человека формировать символы и в силу этого отличается ее от деструктивности, проявляющейся в поведении животных²²². Главным фактором, придающим человеческой агрессивности черты зла и делающим агрессивность «бесконечной», является ее связь с сознательной и бессознательной фантазией, а сама способность человека формировать символы находится, по мнению исследователя, за пределами добра и зла. Такая связь деструкции с фантазией, по нашему мнению, очень важна для понимания того, что мысли об агрессии против людей или объектов, представляющих окружающую человека реальность, возникают в виде фантазий в его внутренней психической реальности.

Развивая подобное положение, следует согласиться с Х. Томэ и Х. Кэхеле, которые находят значительное различие между агрессией и деструктивностью. По их мнению, чистая агрессия, направленная на людей или объекты, стоящие на пути удовлетворения, быстро исчезает после того, как цель достигнута. Гнев, вызванный нарциссическими фантазиями, как полагают исследователи, ненасытен. Сознательные и бессознательные фантазии в этом случае становятся независимыми от событий, провоцирующих агрессивное поведение, и действуют как ненасыщаемые силы хладнокровной деструкции²²³. Следует иметь в виду, что, начиная со времени введения в 1898 г. психотерапевтом Х. Эллисом термина нарциссизм, само явление нарциссизма рассматривалось психоанализом как разновидность извращенного поведения, симптом психического расстройства, т. е. болезни. Отсюда следует, что Х. Томэ и Х. Кэхеле фактически говорят о том, что деструкция

²²⁰ Там же. – С. 41–42.

²²¹ См., например: Basch M. F. Selfobjects and selfobject transference. Theoretical implications. // Kohut's legacy. Contributions to self psychology. – London, 1984. P. 21–41.

²²² Bertalanffy L. von. Comments on aggression. Bull Menn Clin, 1958. P. 57.

²²³ Томэ, Х. Современный психоанализ. В 2 т. / Х. Томэ, Х. Кэхеле. – М., 1996. – Т. 1. – С. 199.

является не нормой человеческого поведения, а его патологией. Иными словами, нормальный человек не испытывает немотивированного желания разрушать. Подобный вывод, по нашему мнению, очень важен для дальнейшего анализа идеи «инстинкта смерти».

В целом, принимая во внимание приведенные выше аргументы исследователей психоанализа, можно сделать вывод о том, что к гипотезе Фрейда относительно введения влечения к смерти следует относиться критически. Как верно указывает А. М. Руткевич, Фрейд очень часто делает логические ошибки, а именно: «ошибки поспешного обобщения», «выводы по неполной индукции» и «выводы по аналогии». Подобные выводы применительно к клиническим случаям, на которые опирается Фрейд, «имеют вероятностный характер»²²⁴. Иными словами, Фрейд, по мнению А. Руткевича, «часто выдает вероятностные аргументы за строгие и окончательные доказательства»²²⁵. Несмотря на подобную шаткость аргументации многие психоаналитики и философы восприняли и до сих пор используют такое «открытие» Фрейда, как влечение к смерти, в своих трудах, рассматривая деструктивность как одну из двух основополагающих черт природы человека.

С одной стороны, такие авторы, как К. Лоренц, Э. Берн, А. Гусейнов, А. Назаретян и др., упоминая в своих работах агрессивные влечения, влечение к смерти, фактически сходны с некоторыми представителями ортодоксального психоанализа в признании агрессивной природы человека. В психиатрии, например, Э. Берн называет влечение к смерти, трактуемое им как стремление к разрушению и уничтожению (его энергия – мортидо от лат. *mors* – смерть), одним из двух самых мощных стремлений человека, которое к тому же, как и сексуальное влечение, подвержено сублимации²²⁶.

С другой стороны, Э. Фромм, раскрывая «анатомию деструктивности» человека, дает четкое различие между доброкачественно-оборонительной и злокачественно-деструктивной агрессией. Он совершенно справедливо не согласен с К. Лоренцем, который в своей работе «Так называемое зло» понимал под агрессией не только необходимый биологический импульс, развивающийся в результате эволюции в целях выживания индивида и вида, но и жажду крови, дест-

²²⁴ Руткевич, А. М. Психоанализ. Истоки и первые этапы развития: курс лекций / А. М. Руткевич. – М., 1997. – С. 54.

²²⁵ Там же. – С. 54.

²²⁶ Берн, Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных / Э. Берн. – СПб., 1995. – С. 66, 78–89.

руктивность и жестокость²²⁷. Фромм указывает, что из-за такого смешения понятий эти «иррациональные страсти» могут быть ошибочно приняты за врожденные. Из такой ошибочной посылки, по мнению Фромма, можно сделать совершенно неверный вывод о том, что причины войн коренятся в жажде убивать, что войны обусловлены врожденной склонностью человека к разрушению.

Фромм признает, что доброкачественная агрессия как проявление инстинкта выживания свойственна как животному, так и человеку, однако только человек способен мучить и убивать и при этом испытывать удовольствие. Более того, только человек способен уничтожить себе подобных без всякой для себя пользы и выгоды²²⁸, в чем точка зрения Фромма сходна с мнением Л. фон Берталанффи, Дж. О. Уиздома, И. Эйбл-Эйбесфельда²²⁹, отличающих человеческую агрессию от животной. С позицией Фромма также согласен В. Райх, говоря, что агрессия не имеет ничего общего с деструктивностью. Райх также отрицает *изначально* биологический характер деструктивности. По Райху, один зверь убивает другого не потому, что это доставляет ему удовольствие. Это было бы садистским убийством ради наслаждения. Он убивает из-за голода или угрозы своей жизни. Следовательно, и деструкция проявляется как функция живого на службе у изначального влечения к жизни²³⁰.

Фромм также справедливо замечает, что злокачественная агрессия не порождается животными инстинктами, она не нужна для физиологического выживания человека несмотря на то, что представляет важную составную часть психики человека. Более того, Фромм полагает, что одним из доказательств того, что злокачественная агрессия не коренится в природе человека, является тот факт, что она может доминировать в отдельных культурах и у отдельных индивидов, а у других вовсе отсутствует. Отсюда исходит справедливое, по нашему мнению, утверждение Фромма о том, что деструктивность возникает как реакция на психические потребности человека и является результатом взаимодействия различных социальных условий и экзистенциальных потребностей человека. Подобные взгляды Фромма прямо или косвен-

²²⁷ Фромм, Э. *Анатомия человеческой деструктивности* / Э. Фромм. – Минск, 1999. – С. 13.

²²⁸ Там же. – С. 270–271.

²²⁹ См: Eibl-Eibesfeldt I. *Die Entwicklung der destruktiven Aggression* // *Mater Med Nordmark*. 1980. No. 32. S. 16–29.

²³⁰ См.: Райх, В. *Функция оргазма* / В. Райх. – СПб., 1997.

но поддерживают Р. Уэлдер, В. Михаэлис, О. Фенихель, К. Томпсон, Э. Берн, Дж. Доллард²³¹ и др.

Рассматривая злокачественную агрессию на примерах И. Сталина, Г. Гимmlера, А. Гитлера, Э. фон Саломона, Фромм не просто называет источником подобной деструктивности скрытую или явную патологию, но и убедительно доказывает это. Иными словами, Фромм по сути совершенно верно утверждает, что злокачественная агрессивность не только не инстинктивна, но и не является нормой поведения психически здорового человека: «инстинкт смерти относится к психопатологии и не является, как предполагал Фрейд, составной частью нормальной биологии»²³².

Следует особо подчеркнуть, что Фромм, с одной стороны, утверждает существование противостояния некрофилии и биофилии, некрофильных и биофильных черт и тенденций в человеческом характере, выстраивая своего рода дихотомию, подобную фрейдовской дихотомии «Эрос – Танатос». С другой стороны, он в противоположность теории Фрейда об «инстинкте смерти» разделяет точку зрения многих биологов и психологов, что имманентное свойство любой живой субстанции – жить и сохраняться в жизни. Тенденция к сохранению жизни и борьбе против смерти, по его мнению, является элементарнейшей формой биофильного ориентирования и присуща любой живой материи. Для доказательства этого утверждения Фромм приводит слова Спинозы: «Всякая вещь, насколько от нее зависит, стремится пребывать в своем существовании (бытии)», причем это стремление определяется Спинозой как «действительная ... сущность самой вещи»²³³.

Объясняя противостояние биофильных и некрофильных тенденций в характере человека, Фромм говорит, что он имеет в виду не дуализм двух устойчивых и пребывающих в постоянной борьбе инстинктов. Это, по Фромму, дуализм двух противоположных тенденций. Одна из них – первичная и основополагающая тенденция всего живого, выражающаяся в стремлении удерживаться в жизни. Вторая – ее противоположность, которая появляется тогда, когда человек упускает или не может реализовать первую тенденцию. Иными словами, «инстинкт смерти» появляется, разрастается и берет верх, если не развивается

²³¹ См.: Dollard J. A., Miller N. E., Doob L. W., Mowrer O. H., Sears R. R. Frustration and aggression. – 1967.

²³² Фромм, Э. Гуманистический психоанализ / Э. Фромм. – СПб., 2002. – С. 416.

²³³ Фромм, Э. Гуманистический психоанализ / Э. Фромм. – СПб., 2002. – С. 410–411.

«Эрос». Отсюда инстинкт жизни, по Фромму, представляет собой первичную потенциальность в человеке, а «инстинкт смерти» – вторичную.

Развивая мысль Фромма, уместно вспомнить, что он считал творчество прямой противоположностью некрофилии. Таким образом, творчество, по нашему мнению, можно соотнести с биофилией, с инстинктами жизни. Теперь понимание биофильных и некрофильных тенденций в человеческом характере, как соответственно креативных и деструктивных, объясняет утверждение Фромма о том, что желание разрушать появляется тогда, когда не может быть удовлетворено желание создавать²³⁴. Иными словами, в человеке «начинает доминировать одна лишь тварность»²³⁵, т. е. стремление разрушить все вокруг себя, когда творческое начало человека подавляется неблагоприятными условиями его существования. Эти утверждения дают основания полагать, что жизнь и креативность в человеке первичны, смерть и деструктивность – вторичны.

Подобный взгляд на проблему соотношения «инстинктов жизни» и «инстинкта смерти», Эроса и Танатоса, креативности и деструктивности, признающий противопоставление этих противоположностей, отрицает понимание такого противопоставления как *дуализма*. На самом деле, дуализм подразумевает противостояние двух начал, равных по силе. В данном же случае речь идет о главенстве биофильных тенденций над некрофильными, что означает первичность креативности и вторичность деструктивности. Более того, по нашему мнению, неверно смотреть на противоположность этих тенденций только как на противоположность жизни и смерти. Они должны пониматься более широко, как тенденции к созиданию и разрушению, причем только по отношению к деятельности человека, а не к его биологии, как это было у З. Фрейда, который обосновал существование влечений к жизни и смерти фактом существования биохимических процессов синтеза и распада.

Конечно необходимо признать, что правила мира, в котором живет человек, таковы, что, даже созидая, человек разрушает. Так, строя мир вокруг себя, преобразовывая его в соответствии со своими желаниями, человек разрушает его первозданность. Можно сказать, что даже первобытный человек, который жил «в согласии с природой», разрушал ее, разбивая камни для производства орудий труда – топора, наконечников стрел и пр. Подобно этому скульптор разрушает камень для соз-

²³⁴ См.: Фромм, Э. Пути из большого общества / Э. Фромм // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. – С. 458.

²³⁵ Омельченко, Н. В. Первые принципы философской антропологии / Н. В. Омельченко. – Волгоград, 1997. – С. 87.

дания своих произведений. Этот камень, в свою очередь, был добыт из разрушаемой людьми горы. Перечисление деструктивных действий людей в процессе креативности можно продолжать до бесконечности, но это не дает нам права говорить о том, что деструктивность – основа преобразований, основа креативности.

Идея Э. Фромма об «инстинкте жизни» как первичной потенциальности в человеке, а об «инстинкте смерти» как о вторичной потенциальности имеет принципиальное значение. Она методологически важна для пересмотра восходящей к С. Шпильрейн традиции понимания деструкции как основы становления, которая в настоящее время проявляется в рассмотрении человека как сугубо деструктивного существа. Именно с такой позиции самотрансценденция человека считается некоторыми современными исследователями антропологическим основанием человеческой деструктивности. Именно с такой точки зрения фундаментальные характеристики человеческой природы, такие, как открытость, свобода и даже творчество, считаются приобретенными в результате действия человеческой деструктивности как способности человека выйти за свои пределы. Само же существование человека рассматривается как противостояние человека миру, в котором он существует.

На самом деле Шпильрейн, приводя пример с деструкцией половых клеток и принимая эту деструкцию за основу развития, по нашему мнению, была не совсем точна. Конечно половая клетка начинает разрушаться в присутствии клетки противоположного пола, превращаясь во что-то новое, но это лишний раз показывает, что живая клетка имеет некую генетическую «программу» дальнейшего развития. Подобные «программы», заложенные в отцовской и материнской клетках, срабатывают при их «ощущении» присутствия друг друга и не срабатывают в другом окружении. Если бы подобной генетической программы не существовало, то клетки либо попросту не взаимодействовали бы друг с другом, либо, в крайнем случае, мужская клетка разрушила бы женскую, не имеющую программы развития. Отсюда развитие клеток, их преобразования исходят из имманентно присущей живой материи способности к развитию.

Идея Фромма о первичной и вторичной потенциальности также важна при анализе природы человека. Определяя человека как активное начало, как стоящего между внутренним и внешним, между очеловеченным и внечеловеческим, мы говорим, что человек по своей воле находится в процессе «нарушения» этой границы между противоположностями. Такой процесс «нарушения», выхода за собственные пределы, является сплавом отрицания, связанного с выходом за пределы

наличной формы (для выхода за пределы необходимо разрушить имеющееся) и конструирования (деконструкции), т. е. позитивной и негативной креативности. Признавая, что сам выход за пределы есть начало нового, по нашему мнению, ошибочно делать вывод о том, что в данном случае первична деструктивность. Не следует забывать, что выход за пределы формы, сопровождающийся деструкцией старой формы, не является самоцелью. Человек, стараясь выйти за собственные пределы, всегда имеет цель такого выхода, которую можно обозначить термином «*смысл*». Подобная цель необходима для деконструкции старой формы и создания новой. Именно поэтому человек прежде, чем выйти за свои пределы, т. е. произвести деконструкцию старой формы, должен произвести акт созидания, т. е. создать цель деконструкции. Иными словами, человек в своем психическом мире, ментальной (психической) реальности создает прообраз результата своего выхода, без которого не было бы преобразования, а выход за свои пределы вылился бы в тотальную деструкцию.

Таким образом, проведенный анализ еще раз подтвердил первичность креативности и вторичность деструктивности в деятельности человека. Более того, противоположное утверждение о первичности деструктивности делает невозможным существование живой материи, которая стремилась бы к деструкции, еще не успев образоваться. Именно поэтому следует признать, что созидание, творчество, а не деструкция являются атрибутами материи, природы²³⁶. Деструктивность же в разнообразии своих форм следует рассматривать как одно из средств креативности, как «побочный эффект». Иными словами, перефразируя слова Фрейда о том, что Танатос является «побегом Эроса»²³⁷, можно сказать, что деструктивность является побегом креативности.

В морально-этическом плане, как уже указывалось, креативность часто сопоставляется с добром, а деструктивность – со злом. Говоря о том, что человек по природе креативен, мы по сути заявляем, что он по природе добр и наоборот, говоря о том, что природа человека деструктивна, мы констатируем, что человек – по природе своей злое существо. Но, делая такое заключение, мы тем не менее не лишаем человека свободы выбора между двумя тенденциями, мы всего лишь говорим о предпочтении выбора определенной тенденции при сублимации.

Следует заметить, что человек сам оценивает свою деятельность, а также изменения, происходящие в окружающем его мире, как положительные или отрицательные. Одно и то же природное явление может

²³⁶ Омельченко, Н. В. Первые принципы философской антропологии / Н. В. Омельченко. – Волгоград, 1997. – С. 63.

²³⁷ Freud S. Das Ich und das Es. 1940–1952. G. W., XIII. S. 275.

иметь совершенно различную оценку, данную ему человеком: если оно полезно для человека – оно конструктивно, если оно вредно – деструктивно. Природа, в свою очередь, не может дать оценку самой себе, поэтому преобразования, проходящие в природе, получают оценку как конструктивно-деструктивные именно с утилитарной точки зрения человека. Отойдя от подобной точки зрения, можно констатировать, что природа находится в диалектическом процессе сублимации, значимость которого не зависит от субъективной оценки человека. Тем не менее, сублимация природы, ее поступательное движение вперед само по себе является положительным. С этой точки зрения все преобразования, происходящие в природе можно рассматривать как явления, более или менее трансформирующие природу, но не как конструктивные или деструктивные.

Аналогично этому все действия человека по преобразованию себя и своего бытия можно рассматривать не как конструктивные и деструктивные, а как более или менее конструктивные относительно его самого и окружающего его мира. Иными словами, мы говорим не о том, что человек является добрым или злым по природе, а о том, что он по природе более или менее добр, причем мерой этой доброты, как и мерой всех вещей, является он сам. Сходную с этой позицию занимал в свое время Шеллинг, утверждая, что зла вообще не существует, и что «все действия в большей или меньшей степени положительны и различие между ними заключается в большей или меньшей степени совершенства, а поскольку такое различие не ведет к противоположности, то зло полностью исчезает»²³⁸. Отсюда, то, что мы называем злом в природе человека есть «меньшая степень совершенства, которая выступает как недостаток лишь в нашем сравнении, в природе же вещей не является таковым»²³⁹. Иными словами, креативность человека можно определить как более или менее позитивную или как креативность позитивную и креативность негативную.

Подводя итог нашему анализу, мы сделаем следующие выводы. Инстинкт смерти, существование которого всемирно известный ученый, лауреат Нобелевской премии И. И. Мечников ставит под сомнение, принимается классическим психоанализом в изложении неопытного психоаналитика С. Шпильрейн. Ее доводы за существование инстинкта смерти, по признанию К. Г. Юнга, скорее напоминают изложение патологии личности самой Шпильрейн и не являются строго научными доказательствами. З. Фрейд ввел понятие инстинкта смер-

²³⁸ Шеллинг, Ф. В. Й. Соч. В 2 т. / Ф. В. Й. Шеллинг. – М., 1989. – Т. 2. – С. 103.

²³⁹ Там же. – С. 104.

ти только как *рабочую гипотезу*, которая *не была воспринята* большинством психоаналитиков, так как, по их мнению, *объект внешнего проявления этого инстинкта не закреплен строго, нет источника энергии и органа, из которого он исходит*. Более того, агрессивность человека, по мнению большинства психоаналитиков, является реакцией на фрустрацию и угрозу самосохранению человека.

Принимая во внимание тот факт, что Танатос, по выражению Фрейда, исходит из Эроса и является его «побегом», а также то, что Э. Фромм говорит о биофильных тенденциях в характере человека и его креативности как о первичной потенциальности, а о деструктивности как о вторичной потенциальности, мы можем сделать вывод о первичности креативности при сублимации.

По нашему мнению, нельзя определять человека как *homo destructivus* (человека разрушающего) только на основании того факта, что в креативности человека присутствуют элементы деструктивности. Тем более нельзя определять подобную деструктивность как проявление некоего инстинкта или влечения к смерти, так как разрушение здесь случайно, оно является побочным результатом желания созидать. Поэтому, говоря об универсальной креативности природы и человека, мы по сути признаем, что человек «изначально является не только тварным, но и творческим существом, *homo creans*»²⁴⁰, причем его сублимация способствует проявлению этого качества.

§ 3. СУБЛИМАЦИЯ И ПРИНЦИП УПРАВЛЕНИЯ РЕАЛЬНОСТЬЮ

Говоря о конфликте человека и мира, в котором человек существует, мы прежде всего имеем в виду конфликт двух реальностей. Мир, в котором существует человек, представляет собой внешнюю реальность для человека. Собственный психический (ментальный) мир представляет внутреннюю реальность человека. Человек является точкой конфликта и, таким образом, он является точкой соединения и сосуществования двух реальностей. Оба мира существования человека – внешний и внутренний – взаимно влияют друг на друга.

Впервые идеи соотношения материальной и психической реальностей встречаются у З. Фрейда, который определил между ними четкую дихотомию, причем в его подходе традиционно существовало строгое разграничение: реальность против фантазии. В своем «Проекте научной психологии» (1895 г.) он говорит о «реальности мысли» и «внешней реальности», в «Толковании сновидений» (1900 г.) упоминает

²⁴⁰ Омельченко, Н. В. Первые принципы философской антропологии / Н. В. Омельченко. – Волгоград, 1997. – С. 85.

«психическую реальность», в «Тотеме и табу» он сравнивает ее с «фактической реальностью». В «Толковании сновидений» (издания 1919 года) внешняя реальность выступает как «материальная реальность».

В «Лекциях по введению в психоанализ» Фрейд говорит о том, что в ходе анализа пациенты рассказывали ему о сценах детства, свидетелями которых они якобы являлись, и он считал их реальными, но затем он понял, что эти сцены были придуманы пациентами и имели отношение не к материальной реальности, а к психической. Тем не менее эти сцены, даже не основанные на реальных событиях, могли, по его мнению, радикально влиять на поведение людей. Некоторые люди, по мнению Фрейда, предпочитают психическую реальность «фактической» и ведут себя по отношению к фантазиям так же серьезно, как нормальные люди ведут себя в повседневной жизни, в реальности. «Эти фантазии обладают психической реальностью в противоположность материальной, и мы постепенно научаемся понимать, что в мире невротоз решающей является психическая реальность»²⁴¹. Психической реальностью в данном случае называется все то, что представляется реальностью психике субъекта. Эта психическая реальность может быть настолько яркой, т. е., по выражению Фрейда, несущей такой энергетический заряд, что в некоторых случаях, судя по последствиям и результатам анализа, совершенно невозможно определить, какие события из биографии человека порождены фантазиями, а какие – реальностью²⁴². В результате неудовлетворенный человек, по Фрейду, отворачивается от действительности и переносит весь свой интерес на желанные образы своей фантазии.

Психоаналитик Ш. Ференци в противоположность дихотомии внешней и внутренней реальностей индивида, предложенной Фрейдом, предположил, что центральной является оппозиция между психической реальностью субъекта и психической реальностью объекта. Такое толкование противостояния реальностей, по нашему мнению, переносит конфликт на интересубъективный уровень, не придавая должного значения миру, окружающему человека.

Для Дж. А. Арлоу, А. Д. Розенблатта, Р. С. Валлерстайна очевидно, что термин «психическая реальность» получил всеобщее признание, но вряд ли можно говорить о строгой дихотомии реальностей. Для них понимание психической реальности заключается в том, что оно предполагает смешение внутреннего и внешнего миров, переплетение восприятия внешних фактов и бессознательных фантазий. Восприятие,

²⁴¹ Фрейд, З. Введение в психоанализ (лекции) / З. Фрейд. – М., 1989. – С. 235.

²⁴² Там же. – С. 237.

воспоминания и фантазии смешиваются и переживаются как актуальная запись событий²⁴³.

Р. С. Валлерстайн, с мнением которого нельзя не согласиться, уделял особое внимание тому, до какой степени психическая реальность способна влиять на восприятие внешней реальности: «Даже мир в научном понимании – это также акт нашего (человеческого) ментального конструирования и созидания»²⁴⁴. Он пошел дальше других исследователей, отдавая психической реальности как основе доступного и обоснованного понимания внешней реальности ведущее место. Психическая реальность, с его точки зрения, формирует внешнюю реальность, оставляя материальную реальность нетронутой. По его мнению, не существует чистой внешней реальности, неизменной и одинаковой для всех; скорее, существует сконструированная внешняя реальность, которой приписывается значение в рамках перспектив, ценностей и интересов человека.

С такой позицией Валлерстайна отчасти совпадает позиция В. В. Мейсснера, который сформулировал новое понятие психической реальности, определяя его как субъективное (сознательное) понимание, «включая все сознательные представления, как о внешних объектах и реальностях, так и о внутренних объектах и реальностях»²⁴⁵. Р. Х. Этчегойен считает, что психическая реальность есть теория пациента о нем самом и о других²⁴⁶.

Таким образом, в современном психоанализе прослеживается тенденция к пониманию двух реальностей как влияющих друг на друга, причем внешняя реальность воспринимается только через посредничество внутренней, т. е. психической реальности. Однако, по нашему мнению, подобное смешение реальностей представляет собой некоторую патологию, когда человек совершенно не ориентируется в окружающей обстановке, «теряет чувство реальности» происходящего. Именно при таком «синтезе» двух реальностей человек становится социально опасен, не умея соизмерить то, что он хочет, т. е. то, что содержится в его внутренней реальности, с требованиями внешней реальности.

²⁴³ См.: Arlow J. A. The concept of psychic reality – how useful? // *Journal of Psychoanalysis*. 1996. No. 77. P. 659–666.

²⁴⁴ Wallerstein R. S. The concept of psychic reality: its meaning and value // *Journal of American Psychoanalytical Association*. 1985. No. 33. P. 555–569.

²⁴⁵ Meissner W. W. Reflections on psychic reality // *Journal of Psychoanalysis*. 2000. No. 81. P. 1117–1138.

²⁴⁶ Etchegoyen R. H. Some views on psychic reality // *Journal of Psychoanalysis*. 1996. No. 77. P. 1–14.

В этом отношении интересна позиция К. Ясперса, который считает, что внешняя действительность – это природа, тело человека, совокупность соматических и интеллектуальных возможностей, это общественный порядок, это другие люди²⁴⁷, т. е. социальная реальность. Человека, по мнению Ясперса, влечет к реальности, в которой он стремится осуществить свое бытие в гармонии со своей соматической природой и в соответствии со своими способностями, занять подобающее положение в рамках существующего общественного порядка. В этой реальности человек также желает установить хорошие отношения с другими людьми, так как именно таким путем он может обрести себя.

Однако именно с этой реальностью человек находится в постоянном конфликте, в ней он сталкивается с ограничениями, помехами, противодействием. Реальная жизнь постоянно требует от человека самоотречения, усилий для преодоления конфликтов. Поэтому, как верно замечает Ясперс, человеку «свойственно отчетливо выраженное стремление отвлечься от действительности»²⁴⁸. Иными словами, человек практически постоянно находится в поиске путей, позволяющих обойти трудности материальной реальности, укрыться, «сбежать» от этой реальности, найти ей замену. Это значит, что человек находится в постоянном состоянии выбора между существованием в материальной реальности, «проникновением в глубь реальности»²⁴⁹ и отречением от этой реальности.

Отречение от материальной реальности, в которой человек существует, требует ее замены. Подобной «заменой» становится внутренний мир, внутренняя реальность человека, причем, как точно подметил Ясперс, обращение человека к своему фантазматическому внутреннему миру «сопровождается мгновенным удовольствием или поверхностным облегчением», чувством умиротворения²⁵⁰. Такая точка зрения Ясперса практически полностью совпадает с точкой зрения З. Фрейда, который полагал психическую реальность особой формой существования, где действует принцип удовольствия. Иными словами, человек, встречая трудности в материальной реальности, т. е. получая неудовольствие, обращается к внутренней фантазматической реальности, где эти трудности хотя бы отчасти уменьшаются, и вследствие этого человек получает удовольствие. Именно поэтому Фрейд, и это следует повторить и подчеркнуть, совершенно верно говорит о том, что если действия человека совершенно неадекватны в физической реальности,

²⁴⁷ Ясперс, К. Общая психопатология / К. Ясперс. – М., 1997. – С. 397.

²⁴⁸ Там же. – С. 400.

²⁴⁹ Там же. – С. 400.

²⁵⁰ Там же. – С. 400.

то хотя бы в психической реальности и «хотя бы в каком-нибудь смысле он должен быть прав»²⁵¹.

Таким образом, отвлечение и отречение от реальности происходит с помощью фантазирования, ухода в нереальный мир, о чем в свое время говорили многие философы и психоаналитики. Фантазирование – один из путей решения человеком конфликта с реальностью. Это одна из присущих человеческому разуму способностей, и человека можно было бы наряду с «человеком разумным» назвать «человеком фантазирующим». Еще в классической философии воображение признавалось за средство, призванное служить человеку для забывания тяжести, заключенной в его жизни²⁵². Фантазирование также вводилось в природу человека, так как оно, по мнению Гегеля, носит характер инстинктообразной деятельности.²⁵³

Позже А. Камю говорил о том, что человек любит фантазировать, грезить, «жить воображаемой жизнью, во сто крат более прекрасной, чем настоящая. Причина в том, что человек ощущает потребность в забвении собственной личности, в отождествлении со всем человечеством. У Ницше это называется аполлонизмом, иначе говоря, потребность преобразить действительность через мечту! Это своего рода экстаз, символом которого является экстатический Аполлон»²⁵⁴.

Камю прав, говоря об экстатичности фантазирования, ведь человек, стремясь забыть о жестокости мира, погружается в мечту²⁵⁵. Это происходит потому, что человек считает мир, создаваемый внутри себя, более совершенным, более способным дать удовлетворение, чем внешняя реальность. Все искусства, считает Камю, порождаются одним и тем же порывом человеческого духа к другому, лучшему, миру, миру забвения и мечты²⁵⁶. Только этот мир может дать человеку удовольствие, так как это его основной принцип существования. Принцип удовольствия заставляет человека искать удовлетворения как можно скорее, не обращая внимания на свое окружение. Поэтому, по Камю, человек «не очень-то любит медлить» и ничто «не занимает его боль-

²⁵¹ Freud S. Trauer und Melancholie. 1940–1952. G. W., X. S. 432.

²⁵² Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант. – СПб., 1999. – С. 203–204.

²⁵³ Гегель, Г. В. Ф. Лекции по эстетике. В 2 т. / Г. В. Ф. Гегель. – СПб., 1999. – Т. 2. – С. 114.

²⁵⁴ Камю, А. О музыке / А. Камю // Соч. В 5 т. – Харьков, 1998. – Т. 1. – С. 24.

²⁵⁵ Там же. – С. 33.

²⁵⁶ Камю, А. О музыке / А. Камю // Соч. В 5 т. – Харьков, 1998. – Т. 1. – С. 34.

ше, чем он сам, в особенности то, кем он мог бы быть»²⁵⁷. Иными словами, человек получает самое скорое удовлетворение от фантазирования, т. е. от построения фантазматической реальности, а не от изменения внешней реальности. Именно во внутренней фантазматической реальности человек старается сконструировать ту проблемную ситуацию, которую он не мог разрешить в материальной реальности так, как бы она могла, по его мнению, разрешиться на самом деле.

Человек, считает Камю, чувствует себя несчастным, потому что мир противостоит ему, не подчиняется ему. Человек считает, что обретет счастье тогда, когда он окончательно познает мир, иными словами, когда реальный мир подчинится ему, так как «разум, стремящийся постичь действительность, способен испытать удовлетворение только тогда, когда он сведет ее к собственным понятиям»²⁵⁸. Сведение действительности, или мира, к собственным понятиям означает для человека его постижение, т. е. способность управлять миром по своему разумению, в соответствии со своими желаниями. И если бы это произошло, если бы человек смог разобраться в меняющемся зеркале явлений, открыть для себя некие вечные связи, то есть смог бы управлять своей судьбой, своим миром, то его мысль испытала бы такое счастье, «сравнительно с которым миф о райском блаженстве выглядит всего лишь смехотворной подделкой»²⁵⁹. Иными словами, управление реальностью, окружающей человека, является для него наивысшим удовольствием и самым заветным желанием.

Насколько сильна привлекательность конструирования психической реальности для получения немедленного суррогатного удовлетворения и удовольствия можно убедиться на примере. В. Франкл рассказывает об известном опыте с крысами, которым калифорнийские исследователи вживили электроды в те участки мозга, которые ответственны за получение удовольствия от половых сношений и еды. Этим крысам в клетку поставили контакт, при замыкании которого на электроды подавался слабый ток, раздражающий эти участки мозга и доставляющий суррогатное удовольствие. Вскоре крысы только и делали, что давили на рычаг, замыкающий контакт, и были равнодушны к настоящей еде и самкам. Это псевдоудовольствие было таким интенсивным, что крысы попросту умерли от голода – с совершенно пустым желудком они были сыты, нажимая на рычаг и замыкая контакт, т. е. раздражая участок мозга, ответственный за насыщение от пищи, и по-

²⁵⁷ Камю, А. Миф о Сизифе / А. Камю // Соч. В 5 т. // – Харьков, 1998. – Т. 2. – С. 67.

²⁵⁸ Там же. – С. 19.

²⁵⁹ Там же. – С. 19.

лучая от этого удовольствие. Это удовольствие создало для крыс новую реальность, которая была отлична от действительности. Но именно эта «виртуальная» реальность оказалась для крыс притягательной многократностью получаемого удовольствия, его интенсивностью и минимальными затратами для его получения.

Учитывая факт существования таких отрицательных явлений, как алкоголизм, курение и наркомания, можно достаточно уверенно сказать, что человек в подобной ситуации с вживленными электродами мало чем отличался бы от крыс. Но даже сильнейшие наркотики – это только прототип того, что могло бы быть создано, если бы в мозгу человека был обнаружен участок, ответственный за создание психической реальности, которой этот человек управлял бы по своему усмотрению и которая была бы полностью независима от внешней реальности. Это было бы самым сильным средством создания нового (пусть и виртуального) мира, полностью подчиненного человеку. Управление таким миром было бы самым совершенным удовольствием для человека, так как все его желания немедленно бы исполнялись. Но именно это полное исполнение желаний в виртуальной реальности, как ни странно, было бы самым настоящим проявлением фрейдовского «инстинкта к смерти».

Кажущееся на первый взгляд противоречие в этой ситуации – не более чем дань традиции рассмотрения деструктивности, которую относят к проявлениям «инстинкта к смерти» и которая в соответствии с психоаналитическим учением должна быть результатом фрустрации. Но деструктивность не может существовать в психическом – виртуальном – мире человека, в котором принципиально отсутствуют любые фрустрации просто потому, что все желания человека исполняются и он испытывает удовольствие в чистом виде. В такой виртуальной реальности просто отсутствуют причины возникновения деструктивности. Она «гасится» в виртуальном мире человека, первоначально попадая в него с нерешенными проблемами из реального мира. И если бы человек долго оставался в таком виртуальном мире, то все его проблемы виртуально разрешились бы. Необходимо допустить, что первоначально они могли бы решаться с элементами деструктивности, но новых оснований для фрустрации не возникло бы. Отсюда возникает вопрос: причем здесь «инстинкт смерти»?

Дело в том, что, по нашему мнению, деструктивность не имеет ничего общего с фрейдовским гипотетическим «инстинктом смерти», так как фрустрация при отказе реальности подчиниться вызывает чувство неудовольствия. Фрейд же говорит о связи «инстинкта смерти» с

Феномен сублимации: опыт философско-антропологического исследования. Омск.: СИБИТ, 2007. – 148 с. ISBN 978-5-98867-017-9

принципом удовольствия²⁶⁰, который ему безраздельно подчиняется²⁶¹. Помимо этого, «ту же направленность, что и влечение к смерти», выражает «принцип нирваны»²⁶², заимствованный Фрейдом у психоаналитика Б. Лоу. Нирвана (на санскрите – «угасание») означает в буддизме состояние полноты внутреннего бытия, отсутствия желаний, совершенной удовлетворенности и самодостаточности и абсолютной отрешенности от внешнего мира²⁶³. У Фрейда «принцип нирваны» – это глубинная направленность на полное устранение возбуждения²⁶⁴, то есть на «сведение всех желаний к нулю»²⁶⁵.

В смоделированном нами виртуальном мире человека нет неудовольствия, так как там не работает фрейдовский «принцип реальности». Это царство фрейдовского «принципа удовольствия», в соответствии с которым все возникающие у человека желания полностью и немедленно удовлетворяются, причем разница во времени между возникновением и удовлетворением желания (в соответствии с тем же принципом удовольствия) стремится к нулю. Это означает, что желание, только возникая, уже удовлетворяется, оно само и есть одновременно удовлетворение, и, таким образом, оно просто перестает существовать. Это и есть нирвана – состояние, в котором парадоксально сосуществуют полнота внутреннего бытия, отсутствие желаний, совершенная удовлетворенность, самодостаточность и абсолютная отрешенность от внешнего мира. Но, с другой стороны, именно это состояние и есть состояние небытия, или смерти, так как простое поддержание в теле физиологических процессов на самом низком уровне при отсутствии внешних проявлений сознания, разума, общения и соотнесения с внешним миром нельзя назвать жизнью.

Подобное состояние, аналогичное такой психопатологии, как аутизм, не характерно для здоровых людей, у которых фантазирование – это построение психической реальности, которая в подавляющем большинстве случаев является «улучшенной копией» материальной реальности. Причем подобное «улучшение» проходит в нужном человеку направлении, т. е. если в материальной реальности человек вступил с кем-нибудь или с чем-нибудь в конфликт, то в сконструирован-

²⁶⁰ Freud S. Jenseits des Lustprinzips. 1940 – 1952. G. W., XIII. S. 69.

²⁶¹ Freud S. Das ökonomische Problem des Masochismus. 1940–1952. G. W., XIII. S. 372.

²⁶² Там же. – S. 373.

²⁶³ Большой энциклопедический словарь. В 2 т.– М., 1991. – Т. 2. – С. 35.

²⁶⁴ Freud S. Jenseits des Lustprinzips. 1940 – 1952. G. W., XIII. S. 60.

²⁶⁵ Bühler C. Some Observations on the Psychology of the Third Force // Journal of Humanistic Psychology. 1965. No. 5. P. 54.

ной им психической реальности этот конфликт исчерпывался. В сконструированной психической реальности человека ситуация была бы заново проиграна так, чтобы конфликт или не начался вовсе, или закончился с результатом, удовлетворяющим этого человека. Подобные конструирования и переконструирования психической реальности осуществляются в соответствии с *принципом удовольствия*. «Допуская» в свой внутренний мир, в построенную им психическую реальность *принцип реальности*, человек начинает не просто фантазировать, но планировать свои дальнейшие действия.

Философ Я. Э. Голосовкер предлагает достаточно необычный взгляд на феномен фантазирования. Он полагает, что человек обладает «имагинативным инстинктом», т. е. инстинктом воображения, причем это не телесный, а духовный инстинкт. Если мы признаем, что человек, фантазируя, создает новую реальность, которую мы называем психической реальностью, то имагинативный инстинкт, вводимый Голосовкером, следует называть инстинктом креативности, при удовлетворении которого происходит творческий акт, т. е. создается нечто новое.

Голосовкер также полагает, что этот инстинкт является самым сильным из всех известных инстинктов, включая сексуальный и инстинкт самосохранения. Дело в том, что имагинативный инстинкт, по Голосовкеру, основан на фантазии, присущей природе человека, его разуму, мышлению. Фантазия, в свою очередь, оказывается сильнее инстинкта самосохранения, потому что она – работа воображения, а «воображение – также инстинкт и притом высший: он инстинкт культуры, он выше и сильнее, чем инстинкт самосохранения»²⁶⁶. Виктор Гюго, по мнению Голосовкера, показал в главе «Баррикады» романа «Отверженные», как фантазия «романтиков оказалась сильнее их жажды жизни, и где, играя со смертью, смертью героя погиб вместе с ними чудесный парижский гамэн Гаврош»²⁶⁷.

Следует заметить, что в ситуации, схожей с той, что приведена Голосовкером как пример, человек переходит от конструирования внутренней реальности к «наложению» ее на внешнюю реальность. Таким образом, для человека планирование будущих действий и их осуществление также является косвенной попыткой изменить мир вокруг себя. Более того, из приведенных утверждений Голосовкера можно сделать интересные выводы: называя инстинктом стремление человека творить, мы также должны признать, что этот инстинкт требует удовлетворения, и при этом, как мы уже говорили, старается устранить то

²⁶⁶ Голосовкер, Я. Э. Интересное / Я. Э. Голосовкер // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 129.

²⁶⁷ Там же. – С. 129.

препятствие, которое мешает ему творить. Отсюда мы опять приходим к тому, что агрессия человека – это другая сторона желания творить, это *стремление устранить препятствие к созиданию своей реальности, которое может быть экстраполировано на весь окружающий человека мир.*

Помимо этого, если мы говорим о том, что разум нельзя представить без фантазирования, мечты, планирования, сожаления (как перепланирования ситуации) и т. д., то следует признать, что все эти свойства разума (в смысле создания и изменений в соответствии со своими желаниями психической реальности) присущи ему. Следовательно, разуму имманентно состояние стремления к изменению материальной реальности в соответствии с создаваемой им психической реальностью. Это стремление подходит под определение инстинкта, который понимается как совокупность сложных врожденных реакций организма, возникающих в ответ на внешние или внутренние раздражения. В этом случае раздражителем является окружающая человека реальность – человек видит и ощущает ее. Эта же реальность является жестко закрепленным объектом инстинкта. Иными словами, вслед за осознанием реальности человек сразу же пытается ею манипулировать, улучшать, изменять, копировать ее, т. е. осуществить над ней власть. Именно в этом и только в этом смысле «имагинативный инстинкт» как креативный инстинкт можно считать инстинктом в прямом смысле этого слова.

Отдельные черты стремления человека властвовать над окружающей его реальностью, управлять ею получили отражение в различных философских и психоаналитических системах. Так, еще Гегель говорил о том, что человек осознает самого себя в практической деятельности, ему присуще влечение порождать самого себя в том, что ему непосредственно дано и существует для него как нечто внешнее, данное извне²⁶⁸ или, в нашей терминологии, в окружающей его реальности. Этой цели он достигает посредством изменения внешних предметов, запечатлевая в них свою внутреннюю жизнь и «находя в них свои собственные определения». Человек, по мнению Гегеля, делает это для того, чтобы в «качестве свободного субъекта лишить внешний мир его неподатливой чуждости и в предметной форме наслаждаться лишь внешней реальностью самого себя»²⁶⁹. Уже первое влечение ребенка, когда он бросает камни в воду и наблюдает свое творение – круги на воде, – по Гегелю, содержит в себе «практическое изменение внешних

²⁶⁸ Гегель, Г. В. Ф. Лекции по эстетике / Г. В. Ф. Гегель // Соч. В 2 т. – СПб., 1999. – Т. 2. – С. 106.

²⁶⁹ Там же. – С. 106.

предметов». Эта потребность «проходит через многообразнейшие явления вплоть до той формы самопроизводства во внешних вещах, которую мы видим в произведениях искусства»²⁷⁰. Таким образом, по Гегелю, изменение человеком внешней реальности предполагает не только изменение им самого себя, но и воплощение самого себя в окружающей реальности. Следовательно, осуществляя свою власть над окружающей реальностью, пытаясь изменить ее, человек осознает и утверждает себя.

Один из компонентов этого стремления к самоутверждению – «воля к власти» – также был подмечен Ф. Ницше. «Воля к власти» выступает у него как желание власти не только над людьми, «над толпой», но и над самим собой. Сверхчеловек, по Ницше, не должен уступать действительности, страдать от нее, так как это значит «самому быть неудачной действительностью»²⁷¹. Чтобы победить окружающую действительность, человек прежде всего должен победить себя, победить тварь в самом себе. Для этого у него есть воля к власти, которую Ницше называет «инстинктом свободы»²⁷², так как только власть, по его мнению, дает настоящую свободу. По Ницше, счастье человека заключается в чувстве растущей власти²⁷³ или, иными словами, в становлении сверхчеловека посредством приобретения им могущества. Такое становление сверхчеловека характеризуется «полнотой его способностей» в мире его обитания, которое можно понимать как полное управление этим миром.

Мнения Гегеля и Ницше, по нашему мнению, ценны тем, что показывают единение человека и окружающей его реальности. Фактически из этого можно прийти к выводу о том, что человек и есть окружающая его реальность, в которой он сам себя осознает и осуществляет. Он и есть точка единения самого себя и окружающей реальности, точка смысла. И с этой позиции, если мы говорим о том, что ему присуще стремление овладеть реальностью, это означает, что ему присуще стремление овладеть собой, своим бытием. Здесь происходит снятие оппозиции «субъект – объект» и «субъект – субъект». Человек, изменяя мир, сам является этим миром.

²⁷⁰ Там же. – С. 106.

²⁷¹ Ницше, Ф. Антихристианин / Ф. Ницше // Соч. В 2 т.– М., 1996. – Т. 2. – С. 642.

²⁷² Ницше, Ф. К генеалогии морали / Ф. Ницше // Соч. В 2 т.– М., 1996. – Т. 2. – С. 464.

²⁷³ Ницше, Ф. Антихристианин / Ф. Ницше // Соч. В 2 т.– М., 1996. – Т. 2. – С. 633.

Психоанализ рассматривает подобное стремление редуцировано, как несексуальное «влечение к овладению», цель которого – силой овладеть объектом (при подчинении сексуальному влечению Фрейд называет его садизмом). А. Адлер ввел влечение к агрессии как реакцию на преодоление комплекса неполноценности, возникающего у человека, который болезненно ощущает, что не владеет ситуацией, не является хозяином своей судьбы или, иными словами, окружающая его реальность не подчиняется ему. Именно из такого понимания взаимоотношения человека и мира, по Адлеру, происходит *стремление к доминированию*²⁷⁴.

Г. Т. Фехнер, который еще до Фрейда ввел в оборот термин «принцип удовольствия от действия»²⁷⁵, в отличие от Фрейда имел в виду не удовольствие как *цель* человеческих действий и поступков, а обусловленность поступков человека в каждый данный момент *удовольствием или неудовольствием от представления о совершаемом действии и его последствиях*. Иными словами, по Фехнеру, человек представляет себе чем его действие обернется для него в будущем, и старается произвести его так, чтобы будущая ситуация оказалась благоприятной для него. Это, в свою очередь, означает, что человек таким образом пытается повлиять на будущее изменение реальности, произведенное его действиями.

Подобное понимание важности поведения человека для управления ситуацией перекликается с *влечением к овладению*, которое после Фрейда попытался использовать и развить И. Хендрик. В трактовке Хендрика это уже не просто инстинкт овладения объектом (сексуальным и несексуальным), а потребность в овладении окружением. Это влечение, как мы уже говорили ранее, предполагает получение человеком удовольствия от успешно выполненного действия. По Хендрику, «изначальное удовольствие ищется в успешном выполнении центральной нервной системой функций, направленных на обеспечение целостности «Я», что позволяет индивиду управлять своим окружением и изменять его»²⁷⁶. Иными словами, человек получает удовольствие от того, что все его действия в окружающей его реальности полностью адекватны ей, и они не вызывают у него ощущения пассивного сопротивления реальности. Отсутствие такого ощущения, в свою очередь,

²⁷⁴ Адлер, А. Понять природу человека / А. Адлер. – СПб., 2000. – С. 78–79.

²⁷⁵ Fehner G. T. Über das Lustprinzip des Handels // Zeitschrift für Philosophie und Philosophische Kritik. Halle, 1848. S. 1–30, 163–194.

²⁷⁶ Hendrick I. Work and the pleasure principle // Psychoanalytic Quarterly. 1943. XII. P. 311.

порождает чувство частичного управления окружающей реальностью и, соответственно, чувство удовольствия от этого.

Из всего сказанного следует, что любая умственная деятельность человека, в том числе и по планированию будущих действий, приводит к построению новой психической реальности как отражению внешней реальности и ее всевозможным изменениям. Таким образом, умственную деятельность человека следует считать креативной, и, следовательно, фантазирование как создание новой реальности следует считать первичной креативностью. Направленность фантазирования, т. е. направленность построения психической (ментальной, фантазматической) реальности определяется желанием человека изменить отраженную (т. е. скопированную) внешнюю реальность, не удовлетворяющую его потребности. По меньшей мере, как считают Р. Дезолье и Х. Лейнер²⁷⁷, изменяя внутреннюю реальность, человек старается снять последствия столкновения внешней и внутренней реальности, оказывающие на него патологическое влияние. Развивая это положение, можно сказать, что этот процесс построения внутренней реальности в соответствии со своими желаниями, по нашему мнению, является выражением стремления человека управлять и изменять внешнюю реальность вокруг себя.

Проявлением вторичной креативности можно, по нашему мнению, назвать стремление человека действовать во внешней материальной реальности так же, как и в психической, ожидая желаемую реакцию физической реальности на свои действия по тому образцу, который содержится в психической реальности человека. Сюда же относится стремление человека попытаться изменить материальную реальность, попытаться управлять ею. Оно проявляется в создании или разрушении ее самой или одного из ее элементов. Из этого вытекает, что любое самое минимальное изменение человеком окружающей его реальности в соответствии с его фантазиями является для него мощным стимулом самореализации и последующих действий в этом же направлении. Именно в этом он и находит одно из наивысших удовольствий – удовольствие осознания власти над физической реальностью или удовольствие от снятия ограничений, диктуемых физической реальностью.

Иллюстрацией приведенных положений является современная ситуация, когда с развитием компьютерной техники получили широкое

²⁷⁷ См.: Лейнер, Х. Направленное аффективное воображение // К. Г. Юнг и современный психоанализ: Хрестоматия по глубинной психологии. – М., 1996. – С. 154–176.

распространение компьютерные игры. Сравнивая компьютерные игры с реальной жизнью человека, можно провести несколько аналогий: человек естественно (в реальной жизни) или искусственно (в игре) оказывается в определенной проблемной ситуации. Из этой ситуации необходимо найти оптимальный выход – этот императив и становится естественно возникшим или искусственно привнесенным желанием человека. Именно его человек начинает реализовывать, и в том, и в другом случае предварительно выстраивая внутри себя варианты возможного решения, т. е. варианты психической реальности как отражения и модуляции материальной реальности (в жизни) и виртуальной реальности (в игре). Разница состоит в том, что реальную жизнь нельзя переиграть заново, в то время как игру можно переиграть в двух реальностях – в психической и в виртуальной.

Основное стремление человека заключается в нахождении выхода из ситуации, т. е. он стремится к тому, чтобы ситуация (понимай: реальность) подчинилась ему, и все получилось, как он желает. В подтверждение этому можно привести мнения игроков, которые играют в «масштабные», так называемые «стратегические», игры. Эти мнения полностью сходятся на том, что игрокам «нравится, когда получается», когда «можно всем управлять», «можно переиграть ситуацию заново, чтобы все получилось так, как я хочу», «можешь делать все, и ничего тебе за это не будет», «чувствуешь себя Богом»²⁷⁸. Отсюда следует, что притягательность игр кроется в удовольствии, получаемом человеком от управления подчиненной ему искусственной виртуальной реальностью создаваемой игрой, от осуществления власти над ней.

Аналогично притягательность власти в реальной жизни человека состоит в том, что любую власть можно определить как одно из мощнейших средств изменения или создания материальной реальности в соответствии с психической реальностью человека, имеющего эту власть. Именно поэтому человек подсознательно или рвется к власти над всем, или старается создать как можно больше проявлений властных отношений и превосходства между ним и объектом для того, чтобы еще раз убедить себя в способности управлять физической реальностью и, соответственно, получить от этого удовольствие. Не случайно Э. Кречмер говорил о влечении к власти как о непреодолимой силе, которая может конкурировать с сексуальным влечением²⁷⁹.

²⁷⁸ Першин, Ю. Ю. Некоторые психологические аспекты обучения иностранным языкам с помощью компьютера / Ю. Ю. Першин // Проблемы и перспективы преподавания иностранных языков в неязыковых вузах: тезисы докладов межвузовской научно-методической конференции. – Волгоград, 1998. – С. 1–3.

²⁷⁹ См.: Кречмер, Э. Строение тела и характер / Э. Кречмер. – М., 1995.

Следует отметить, что мы выделяем трех субъектов, отношения между которыми можно назвать властными. Это природа, общество и общественные институты и индивид. Власть природы как субъекта власти, окружающего человека, проявляется в том, что два других субъекта находятся внутри ее и зависят от ее изменений, которые воспринимаются как необходимость, т. е. своего рода императив. Примером подобных отношений могут быть стихийные бедствия, когда как общество, так и отдельный индивид ставятся перед необходимостью предпринимать действия для своего выживания, отвечая на императив природы. Таким образом природа дает человеку и обществу «приказ» адаптироваться, «выполнение» такого приказа и есть адаптация. И первое, что необходимо сегодня «выпавшему из природы» человеку, – осознать эту высшую для него власть.

В свое время такие исследователи, как Т. Адорно, Э. Фромм, М. Фуко, Г. Маркузе, отмечали, что человек живет в обществе, которое является репрессивным по отношению к личности, а также воспринимается человеком как субъект власти. Так, чтобы выжить в обществе, человек должен адаптироваться к императивам, исходящим из общества, и это при том, что общество было создано им самим. «Угрошение» человека начинается с самого момента рождения, продолжается в социализации и происходит всю его жизнь.

Индивид как объект власти природы и общества также желает быть субъектом власти, когда противостоит природе и обществу. Он является самым уязвимым звеном в иерархии субъектов власти. Подобная уязвимость и малая способность в осуществлении своей власти над другими объектами, в качестве которых он желал бы видеть природу и общество, заставляют его искать другие возможности проявления своей власти. Одной из таких возможностей является осуществление власти над своей внутренней психической реальностью.

Управление внутренней психической реальностью приносит суррогатное удовольствие, которым человек не может быть полностью удовлетворен. Настоящее удовольствие дает управление внешней реальностью. Но именно в психической реальности человек ищет способы воздействия на внешнюю реальность и основным желанием человека является прекращение или минимизация воздействия на него власти внешней реальности. Власть внешней реальности над человеком проявляется в невозможности быстрого и полного исполнения им своих желаний. Следовательно, основным желанием человека является достижение, во-первых, определенного благоприятного для себя результата, и, во-вторых, подчинения объектов власти, в качестве которых он видит природу и общество. Иными словами, человек стремится

обеспечить подчинение объекта власти, т. е. внешней реальности, которой для него являются природа и общество, в соответствии со своими осознанными и неосознанными желаниями. Из этого власть можно определить как *способность субъекта власти* (в качестве которого в данном случае выступает человек) *обеспечить подчинение объекта власти* (в качестве которого выступает окружающая человека реальность) *и осуществить управление этим объектом.*

Смысл человеческой жизни состоит в реализации человеком своих способностей и талантов, т. е. самореализации. Она, в свою очередь, возможна лишь тогда, когда человек способен подчинить себе окружающую реальность, в которой можно полностью осуществить свои желания. Отсюда *смысл жизни человека состоит в реализации стремления управлять материальной реальностью и поиске им подтверждения своей способности подобного управления.* Архетипичность стремления человека управлять реальностью можно также проследить в народном творчестве, в сказках, где предметами, позволяющими герою достигать поставленных целей, являются волшебная палочка, щука, ковер-самолет, скатерть-самобранка, «то, не знаю что», цветик-семицветик и другие волшебные предметы. Это архетипичное стремление также подтверждается существованием и распространением многих религий, магических и иных практик.

Говоря о том, что человек может реализовать свои желания, а значит, «реализовать самого себя» только в подчиненной ему материальной реальности, мы должны сказать, что в таком подчинении, как и во всем, необходима мера, отсутствие которой являет собой абсурд двух крайностей: полного неподчинения реальности человеку и почти полного овладения ею. Как в том, так и в другом случае смысл жизни человека перестает существовать. В первом случае человеку ничего не остается, как убийством самого себя доказать реальности свою способность управлять ею. Примером второго случая является описанный В. Франклом в своей работе «Человек в поисках смысла» эпизод, когда психоаналитик получил письмо от молодого человека, который заявил, что у него есть все желаемое и, тем не менее, у него нет от этого удовлетворения. Поэтому он задал Франклу вопрос: «Что же дальше?»²⁸⁰. По нашему мнению, этот молодой человек заставил материальную реальность повиноваться себе и за его стремлением к смыслу стоит вопрос: что я могу еще сделать, чтобы еще раз убедить себя в способности управлять этой реальностью? У него есть все, он может получить все, что желает, он полностью удовлетворен. Иными словами, он

²⁸⁰ Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М., 1990. – С. 41.

полностью материализовал свою психическую реальность. В чем же здесь смысл?

А смысл здесь в том, что он достиг конечного звена в цепи, которая шаг за шагом ведет человека к пониманию еще одного, каждый раз нового, ощущения и осознания управления реальностью. Вся жизнь для человека строится из бесконечного числа ситуаций, в каждой из которых он хочет испытать чувство управления реальностью, но он не может полностью удовлетворить это желание и на этом пути создает все: от произведений искусства до камер смерти. Иными словами, креативность человека проявляется во всем, как в социальной, так и в антисоциальной деятельности.

Каждое новое произведение человеческой деятельности является новым доказательством способности человека управлять, материализовать, создавать свою реальность или преобразовывать имеющуюся в наличии. Пока человек испытывает желание управления окружающей ситуацией и ее податливость, он ощущает себя подобным Богу, Создателю, Демиургу, но, потеряв это желание и чувство управления ситуацией, человек чувствует себя совершенно бессущностным, так как больше не может создавать или не знает, что еще может создать, он попросту перестает пересекаться с миром. Так, получение абсолютного удовольствия ведет к потере самой сути и ощущения удовольствия, как это было в описанном нами выше в опыте с крысами.

Подводя итог анализу третьего принципа, который, по нашему мнению, ответствен за сублимацию человека, мы представим следующие выводы. Одним из свойств разума человека является его способность выстраивать образную психическую реальность, которая отчасти может отражать внешнюю реальность, окружающую человека. Именно эта способность человека дает ему возможность постоянно существовать на грани внешней и внутренней реальности, переходя из одной в другую и обратно, являясь источником человеческой креативности.

Сублимация не может проходить без изменения человеком своей психической реальности. Эти изменения диктуются волей человека и следуют из недовольства человека внешним миром. Поэтому можно утверждать, что человек управляет своей внутренней психической реальностью так, чтобы она удовлетворила его желания.

Являясь точкой соединения внутренней реальности и внешнего мира, человек по сути стремится управлять и внешним миром, стараясь осуществить изменения, произведенные им в психической реальности, в окружающем его мире.

Изменения, производимые человеком в мире, осуществляются по воле его самого. Он управляет своей внутренней реальностью и пере-

Феномен сублимации: опыт философско-антропологического исследования. Омск.: СИБИТ, 2007. – 148 с. ISBN 978-5-98867-017-9

носит это управление во внешний мир. Без такого стремления к изменению реальности сублимация невозможна, поскольку такой переход и есть своего рода сублимация внутреннего мира человека во внешний.

Каждый результат человеческой деятельности является очередным доказательством способности человека управлять окружающей реальностью, преобразовывать ее в соответствии со своими желаниями и таким образом быть единым с миром. Отсюда, сублимация человека и сублимация его внешнего и внутреннего мира взаимно предполагают друг друга, являясь сутью бытия человека, а сам человек определяется как изначально творческое существо.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выводы

В первой главе были рассмотрены воззрения на сублимацию З. Фрейда, а также его учеников и последователей, в разное время занимавшихся этой проблемой.

По Фрейду, творчество отчасти является продолжением детских игр, в которых художник создает свой мир, отчуждая его от действительности. При этом творит только неудовлетворенный человек под воздействием нерешенных внутренних конфликтов. Если бы бессознательное человека не находило своей реализации в художественной фантазии, то его энергия тратилась бы на преодоление невроза. Отсюда, творчество и искусство можно считать обратной стороной патологии. Творчество, по Фрейду, рождается из сексуального чувства, сублимировать которое может ограниченное число людей, причем женщины в меньшей степени, чем мужчины. Все это диктует механистическое и биологизаторское описание процесса творческой деятельности человека.

Подводя итог анализу точек зрения исследователей, занимавшихся проблемой сублимации после Фрейда, можно сделать заключение, что их описания и определения процесса сублимации являются достаточно разрозненными и противоречивыми. В этой связи невозможно говорить о существовании концепции или теории сублимации, более того, о наличии целостного понимания этого феномена. Следует отметить, что процесс сублимации теоретически может иметь место в процессе творческой деятельности. Однако разнообразие мнений исследователей свидетельствует о том, что единой теории сублимации не существует, к тому же ряд авторов совершенно не связывают сублимацию с креативностью.

Становится очевидно, что мысль ученых, исследующих сублимацию или ее отдельные компоненты и черты, выходит далеко за рамки схемы, предложенной Фрейдом, что подтверждается тенденцией к генерализации компонентов сублимации и переосмыслению ее значения на более высоком, философском уровне. Подобная тенденция проявляется прежде всего в отходе от понимания энергии как субстанции, подвергающейся сублимации, а также от понимания сексуальности как основной характеристики этой субстанции. Она также заключается в переходе от понимания сублимации как трансформации влечений к трансформации желаний, в отходе от биологичности и инстинктивности сублимации, к подчеркиванию ее социального значения и характера, т. е. признается, что причина сублимации кроется не только в же-

лании удовлетворения телесных потребностей, но и в тяге к удовлетворению социальных, творческих и духовных стремлений, т. е. сублимация является отчасти и социализацией.

Тенденция к генерализации компонентов сублимации проявляется также и в том, что конфликт из внутреннего становится внешним, т. е. одним из условий сублимации является постоянное противостояние, конфликтность человека со своим окружением, будь то индивид, общество или природа. В русле этой тенденции делается вывод о том, что к сублимации способны все люди независимо от пола и возраста; что сублимационной можно назвать значительную часть деятельности человека независимо от ее социальной и антисоциальной направленности. Закономерным результатом этой тенденции становится понимание под сублимацией процесса становления человека.

Тем не менее, несмотря на анализ отдельных сторон компонентов причин и результатов сублимации последователям Фрейда так и не удалось соединить разрозненные сведения о сублимации в единую стройную концепцию. Последнее обстоятельство делает возможным проведение реконструкции понятия сублимации.

При реконструкции понятия сублимации следование указанной тенденции к генерализации данного понятия, а также его отдельных компонентов теоретически подтверждает, что сексуальность не является обязательным элементом сублимации, что сублимации подвергаются не только сексуальные влечения, но и влечения к самосохранению, поэтому десексуализация при сублимации не нужна. Выяснение единой либидозной подосновы всех влечений, включая влечения к смерти, дает право говорить о подверженности сублимации всех влечений, а значит, о бессмысленности разделения влечений на сексуальные, влечения к самосохранению и прочие, а также о введении агентом сублимации *желания* вместо *влечения*. Такая замена позволяет перестроить схему сублимации, сохранив ее название, причем подобная перестройка заключается в том, что:

а) снимается обязательная социальная ценность вторичного объекта сублимации;

б) признается, что человек способен к сублимации как переориентации желания с любого возраста, причем снимается зависимость сублимации от пола и она перестает быть обратной стороной патологии;

в) признается свободная и неинстинктивная природа сублимации, которая обусловлена, во-первых, отсутствием жесткой связи процесса сублимации с инстинктом, во-вторых, невозможностью механического сведения выбора вторичного объекта в процессе креативности к фазам фиксации агента сублимации, в-третьих, количественной неопреде-

ленностью выбора объектов, замещающих первичный объект сублимации;

г) психический конфликт, образовавшийся при неудовлетворении желания, является пусковым моментом для создания человеком психической реальности. Он необходим для сублимации и возникает при несовпадении психической реальности, выстраиваемой человеком, и материальной реальности, окружающей человека. Исходя из этого, вся деятельность человека строится, подчиняясь его стремлению к изменению материальной действительности в соответствии с его желаниями, формируемыми в психической реальности и адаптируемыми к материальной действительности.

Отсюда результатом тенденции к расширению понятия сублимации, агента сублимации и первичного и вторичного объектов становится понимание самой сублимации как *процесса адаптации любого желания, сформированного в психической реальности человека, к требованиям материальной действительности для получения удовольствия*. Сублимация также определяется как активная деятельность человека по преобразованию мира, своего бытия и, таким образом, самого себя, неотъемлемая часть процесса становления человека, характеризующаяся многовариантностью форм креативности как источника и механизма этого становления.

Результатом сублимации является не творчество, а значительная часть деятельности человека, которую мы можем назвать креативной. Креативность понимается как источник и механизм формирования человеческого, а также процесс постоянной трансгрессии человеческого между очеловеченным и внечеловеческим, позволяющий ему выходить за собственные пределы и самоутверждаться в бытии в качестве самостоятельно действующей силы. Креативность, как и творчество, является становящимся феноменом, но отличается от творчества потенциальностью, незаконченностью и возможностью движения не только от небытия к бытию, но и обратно.

Поскольку человек в течение всей своей жизни моделирует психическую реальность и в соответствии с ней пытается изменить окружающую его материальную реальность, то его можно определить как изначально креативное существо. Определяя человека как креативное, или становящееся существо, мы говорим о его свободе выбора между многовариантностью форм креативности.

В результате философско-антропологического анализа креативность человека определяется как конструктивная и деструктивная. При этом деструктивность понимается как побочный, но необходимый элемент творческой деятельности человека, обязательно подлежащий минимизации.

Наличие в креативности элементов деструктивности не является решающим в попытках определить природу человека и самого человека как «человека разрушающего». Проявления негативной креативности случайны, они являются побочным результатом желания созидать.

Помимо этого, в ходе философско-антропологического анализа феномена сублимации установлено, что основными тремя факторами сублимации являются: конфликтность и противоречивость человеческого бытия, свобода выбора человеком конструктивных и деструктивных форм креативности и поведения, принцип управления реальностью.

Конфликт как фактор сублимации понимается как противоположность противоречивых требований внутри субъекта, противостояние между индивидами, индивидом и обществом, взаимодействие человека с миром, в ходе которого происходят самоопределение и становление человека. Смыслом и сутью человеческого становления является разрешение противоречия между внутренним и внешним, конфликт между внутренней и внешней реальностями. Такой конфликт диктует бесконечный выбор между многочисленными способами поведения человека и его воздействия на внешнюю реальность, которые могут быть как конструктивными, так и деструктивными.

Главным фактором сублимации является принцип управления реальностью, в соответствии с которым стартовым моментом сублимации является присущая человеку способность создавать собственную психическую реальность и управлять ей. Именно эта способность человека дает ему возможность постоянно существовать на грани внешней и внутренней реальности, переходя из одной в другую и обратно. Создание психической реальности есть первичное выражение креативной природы человека, его стремления изменить условия своего бытия. Изменение человеком внешней реальности предполагает не только изменение им самого себя, но и воплощение самого себя в окружающей реальности. Следовательно, осуществляя свою власть над окружающей реальностью, человек осознает и утверждает себя.

Соотношение внутренней (психической) и внешней (материальной) реальностей человека приводит к противоречию, которое может выступить в виде конфликта. Разрешая это противоречие, человек в соответствии со своими желаниями старается изменить противостоящую ему окружающую действительность разнообразными конструктивными или деструктивными действиями. Именно в этом он и находит одно из наивысших удовольствий – удовольствие осознания власти над внешней реальностью или удовольствие от снятия ограничений, диктуемых ею. Поэтому любое удачное проявление подчинения внешнего мира человеку является источником удовольствия. Отсюда, смысл жизни человека со-

стоит в реализации стремления управлять материальной реальностью и поиск им подтверждения своей способности подобного управления.

Сублимация не может проходить без изменения человеком своей психической реальности. Эти изменения диктуются волей человека и следуют из недовольства человека внешним миром. Человек управляет своей внутренней, психической, реальностью так, чтобы она удовлетворила его желания.

Являясь точкой соединения внутренней реальности и внешнего мира, человек стремится управлять и внешним миром, стараясь осуществить изменения, произведенные им в психической реальности, в окружающем его мире.

Изменения, производимые человеком в мире, осуществляются по воле самого человека. Он управляет своей внутренней реальностью и переносит это управление во внешний мир. Без такого стремления к изменению реальности сублимация невозможна, поскольку такой переход и есть своего рода сублимация внутреннего мира человека во внешний.

Каждый результат человеческой деятельности является очередным доказательством способности человека управлять окружающей реальностью, преобразовывать ее в соответствии со своими желаниями. Отсюда, человек определяется как изначально творческое существо.

Исходя из сказанного выше, сущность процесса сублимации понимается как существенный момент процесса становления человека. Человек определяется как активный творец, наделенный свободой выбора способа проявления присущей его природе креативности.

Настоящая работа является еще одним шагом в направлении создания гуманистической философской антропологии, метафизики уважения к человеку. Мировоззренческие выводы, полученные при исследовании процесса сублимации, могут и должны стать основой нового подхода к человеку, гуманизации межличностных и общественных отношений. Они также способствуют определению перспектив развития человека, повороту от оправдания человека как разрушителя к пониманию человека как творца своего бытия.

Тема человеческой креативности и становления может представлять собой составную часть курса преподавания философии и, в частности, философской антропологии. Помимо этого, идеи, высказанные в монографии, преобразованные в формат специального курса, могут быть использованы в подготовке специалистов на гуманитарных факультетах вузов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адлер, А. Понять природу человека / А. Адлер; перевод Е. А. Цыпина. – СПб.: Академический проект, 2000. – 256 с.
2. Анцупов, А. Я. Конфликтология: теория, история, библиография / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – М.: Дом Советов, 1996. – 143 с.
3. Бандурка, А. М. Конфликтология / А. М. Бандурка, В. А. Друзь. – Харьков: Университет ВД Украины, 1997. – 335 с.
4. Басин, Е. Я. Нравственная энергия и художественный талант / Е. Я. Басин // Философские науки. – 1990. – № 8. – С. 101–106.
5. Батищев, Г. С. Диалектический характер творческого отношения человека к миру: дис. на соискание ученой степени доктора филос. наук / Г. С. Батищев. – М.: ИФ АН СССР, 1989. – 234 с.
6. Берн, Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных / Э. Берн. – СПб.: Талисман, 1995. – 432 с.
7. Блюм, Г. Психоаналитические теории личности / Г. Блюм. – М.: Издательство «КСП», 1996. – 243 с.
8. Богоявленская, Д. Б. Метод исследования уровней интеллектуальной активности / Д. Б. Богоявленская // Вопросы психологии. – 1971. – № 1. – С. 144–146.
9. Борчиков, С. А. Виртуальный образ творческого воображения / С. А. Борчиков // Воображение как познавательная возможность: как возможно творческое воображение? – М.: Центр гуманитарных исследований, 2001. – С. 14–29.
10. Бочкарев, Л. Л. Психология музыкальной деятельности / Л. Л. Бочкарев. – М.: Институт психологии РАН, 1997. – 212 с.
11. Браун, Дж. Психология Фрейда и постфрейдисты / Дж. Браун. – М.: РЕФЛ-бук. – 243 с.
12. Бушмакина, О. Н. Парадоксальность конфликта / О. Н. Бушмакина // Конфликтология: междисциплинарные исследования. – Ижевск: Изд-во УГУ, 2002.
13. Бушмакина, О. Н. Топология конфликта / О. Н. Бушмакина // Конфликтология: междисциплинарные исследования. – Ижевск: Изд-во УГУ, 2002.
14. Бушуев, А. М. Диалектика творческой деятельности и развитие человека / А. М. Бушуев, Н. С. Слепцов. – М., 1989. – С. 20.
15. Быховский, Б. Э. Метапсихология Фрейда / Б. Э. Быховский // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль / сост. и авт. вступ. ст. В. М. Лейбин. – М.: Республика, 1994. – С. 237–255.

Феномен сублимации: опыт философско-антропологического исследования. Омск.: СИБИТ, 2007. – 148 с. ISBN 978-5-98867-017-9

16. Василевская, О. В. Проблема творчества в отечественной и зарубежной психологии на современном этапе / О. В. Василевская. – <http://www.sspa.samara.ru/publications>.

17. Василюк, Ф. Е. Психология переживания / Ф. Е. Василюк. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 200 с.

18. Вахтомин, Н. К. Генезис научного знания / Н. К. Вахтомин. – М., 1974. – 288 с.

19. Выготский, Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте / Л. С. Выготский. – М.: Просвещение, 1991. – 93 с.

20. Выготский, Л. С. Психология / Л. С. Выготский. – М.: Эксмо-Пресс, 2000. – 1008 с.

21. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – М., 1987. – 341 с.

22. Вышеславцев, Б. П. Миф о грехопадении / Б. П. Вышеславцев // Путь. – № 34. – 1932. – С. 3–18.

23. Гайденок, В. П. Творчество / В. П. Гайденок // Философская энциклопедия. В 5 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1970. – Т. 5. – С. 185–186.

24. Гачев, Г. Творчество, жизнь, искусство / Г. Гачев. – М.: Детская литература, 1980. – 143 с.

25. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по эстетике. В 2 т. / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 2. – 622 с.

26. Гилфорд, Дж. Три стороны интеллекта / Дж. Гилфорд // Психология мышления. – М.: Прогресс, 1969. – 531 с.

27. Голосовкер, Я. Э. Интересное / Я. Э. Голосовке // Вопросы филологии. – 1989. – № 2. – С. 115–142.

28. Григоренко, Е. Л. Экспериментальные исследования процесса выживания и проверки гипотез в структуре познавательной активности: автореф. канд. диссертации / Е. Л. Григоренко. – М., 1989. – 25 с.

29. Григорьев, И. Психоанализ как метод исследования художественной литературы / И. Григорьев // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль / сост. и авт. вступ. ст. В. М. Лейбин. – М.: Республика, 1994. – С. 221–236.

30. Грот, Н. Понятие души и психической энергии в психологии / Н. Грот // Вопросы философии и психологии. – 1897. – № 1. – С. 37–38

31. Грюнбаум, А. Сто лет психоанализа: итоги и перспективы / А. Грюнбаум // Вопросы философии. – 1997. – № 7. – С. 84–97.

32. Дарвин, Ч. Происхождение видов / Ч. Дарвин. – М., 1952. – 483 с.

33. Дезолье, Р. Направленное фантазирование / Р. Дезолье // К. Г. Юнг и современный психоанализ. Хрестоматия по глубинной психологии. Выпуск 1. – М.: ЧеРо, 1996. – С. 115–153.

Феномен сублимации: опыт философско-антропологического исследования. Омск.: СИБИТ, 2007. – 148 с. ISBN 978-5-98867-017-9

34. Демичев, А. В. Ориентация – к смерти / А. В. Демичев // Стратегии ориентации в постсовременности. – СПб., 1996. – С. 157–167.

35. Дмитриев, А. В. Конфликтология: учебное пособие / А. В. Дмитриев. – М.: Гардарики, 2000. – 320 с.

36. Дружинин, В. Н. Психология общих способностей / В. Н. Дружинин. – СПб.: Питер, 1999. – 360 с.

37. Дубина, И. Н. Субъектно-личностные и социокультурные аспекты творчества: опыт концептуального и терминологического разграничения / И. Н. Дубина. – <http://old.ssu.samara.ru/research/philosophy/journal7>.

38. Дубина, И. Н. К феноменальности творчества – через синергетическую сложность / И. Н. Дубина. – <http://www.philosophy.ru/library/dubina/index.html>

39. Дубина, И. Н. К проблеме мистифицирования творчества / И. Н. Дубина. – <http://www.philosophy.ru/library/dubina/index.html>

40. Залкинд, А. Б. Фрейдизм и марксизм. Марксизм и психология / А. Б. Залкинд // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль / сост. и авт. вступ. ст. В. М. Лейбин. – М.: Республика, 1994. – С. 145–167.

41. Иноземцев, В. Л. Понятие творчества в современной экономической теории / В. Л. Иноземцев // Политические исследования. – № 1. – 1992. – С. 178–186.

42. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант. – СПб.: Наука, 1999. – 471 с.

43. Камю, А. Лекция 14 декабря 1957 г. / А. Камю // Соч. В 5 т.– Харьков: Фолио, 1998. – Т. 4. – С. 177–196.

44. Камю, А. Миф о Сизифе / А. Камю // Соч. В 5 т.– Харьков: Фолио, 1998. – Т. 2. – С. 5–112.

45. Камю, А. О музыке / А. Камю // Соч. в 5 т.– Харьков: Фолио, 1998. – Т. 1. – С. 17–37.

46. Камю, А. Человек бунтующий / А. Камю // Соч. В 5 т.– Харьков: Фолио, 1998. – Т. 3. – С. 59–361.

47. Карагод, Ю. Г. К определению парадигмы человека / Ю. Г. Карагод // Человек в современных философских концепциях: материалы II Международной научной конференции. В 2-х ч.– Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000.– Ч. 1. – С. 58–62.

48. Козырев, Г. И. Введение в конфликтологию: учебное пособие / Г. И. Козырев. – М.: Владос, 1999. – 176 с.

49. Колокольцева, Т. Н. Лингвистические и философские аспекты изучения диалогической речи / Т. Н. Колокольцева // Человек в современных философских концепциях: материалы международной научной конференции. – Волгоград, 1998. – С. 396–400.

Феномен сублимации: опыт философско-антропологического исследования. Омск.: СИБИТ, 2007. – 148 с. ISBN 978-5-98867-017-9

50. Короленко, Ц. П. Вселенная внутри тебя / Ц. П. Короленко, Г. В. Фролова. – Новосибирск, 1979. – С.103–121.

51. Кравченко, А. М. Секреты бельканто / А. М. Кравченко. – Симферополь: Ред. отдел крымского комитета по печати, 1993. – 127 с.

52. Кречмер, Э. Об истерии / Э. Кречмер. – СПб.: Питер, 2001. – 160 с.

53. Кречмер, Э. Строение тела и характер / Э. Кречмер. – М., 1995. – 608 с.

54. Крылов, А. Н. Гармония смерти: Сабина Шпильрейн впереди Зигмунда Фрейда / А. Н. Крылов // Новости медицины и фармации. Яринвест Медикал. – 1997. – № 1. – С. 48 – 50.

55. Крылов, А. Н. Человек в российском психоанализе / А. Н. Крылов. – М., 1999. – 204 с.

56. Крылов, А. Н. Проблема природы человека в российской психоаналитической традиции: автореферат на соискание степени кандидата философских наук / А. Н. Крылов. – М., 1998. – 27 с.

57. Лапланш, Ж. Словарь по психоанализу / Ж. Лапланш, Ж.-Б. Понталис. – М.: Высш. шк., 1996. – 623 с.

58. Лейбин, В. М. Из истории возникновения психоанализа / В. М. Лейбин // Вопросы философии. – № 4. – 1988. – С. 117.

59. Лейбин, В. М. Классический психоанализ: история, теория, практика / В. М. Лейбин. – М.: МПСИ; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2001. – 1056 с.

60. Лейбин, В. М. Психоанализ и философия неофрейдизма / В. М. Лейбин. – М.: Издательство политической литературы, 1977. – 246 с.

61. Лейбин, В. М. Психоаналитическая литература в России / В. М. Лейбин. – М.: Изд-во МПСИ, 1998. – 144 с.

62. Лейнер, Х. Направленное аффективное воображение / Х. Лейнер // К. Г. Юнг и современный психоанализ. Хрестоматия по глубинной психологии. Выпуск 1. – М.: ЧеРо, 1996. – С. 154–176.

63. Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. – М.: Прогресс, 1981. – 456 с.

64. Лихницкий, В. Н. Психоанализ / В. Н. Лихницкий // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль / сост. и авт. вступ. ст. В. М. Лейбин. – М.: Республика, 1994. – С. 112–126.

65. Лоренц, К. Агрессия (так называемое «зло»): пер. с нем. / К. Лоренц. – М.: Издательская группа «Прогресс – Универс», 1994. – 272 с.

66. Лурья, А. Р. Психоанализ как система монистической психологии // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль / сост. и авт. вступ. ст. В. М. Лейбин. – М.: Республика, 1994. – С. 168–194.

Феномен сублимации: опыт философско-антропологического исследования. Омск.: СИБИТ, 2007. – 148 с. ISBN 978-5-98867-017-9

67. Маркузе, Г. Одномерный человек. (Исследование идеологии развитого индустриального общества) / Г. Маркузе. – М.: РЕФЛ-бук, 1994. – 368 с.

68. Маркузе, Г. Эрос и Цивилизация / Г. Маркузе. – Киев: ИСА, 1995. – 352 с.

69. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу. – <http://viktr.narod.ru/select/maslow/index.htm>

70. Межуев, В. М. Культура как объект познания / В. М. Межуев // Философские проблемы культуры. – М., 1984. – С. 63.

71. Межуев, В. М. Культура и история: проблема культуры в философско-исторической теории марксизма / В. М. Межуев. – М.: Политиздат, 1977. – 200 с.

72. Мечников, И. И. Этюды о природе человека / И. И. Мечников. – М.: Изд. Академии наук СССР, 1961. – 416 с.

73. Налчаджян, А. Культура как объект познания / А. Налчаджян // Философские проблемы культуры. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). – Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1988. – 236 с.

74. Нанси, Ж.-Л. О со-бытии / Ж.-Л. Нанси // Философия Мартина Хайдеггера и современность. – М., 1991. – С. 91–102.

75. Невважай, И. Д. К метафизическому обоснованию философской антропологии / И. Д. Невважай // Человек в современных философских концепциях: материалы Международной научной конференции. – Волгоград: Изд. ВолГУ, 1998. – С. 26–32.

76. Нейфельд, И. Достоевский. Психоаналитический очерк под редакцией проф. З. Фрейда / И. Нейфельд // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль / сост. и авт. вступ. ст. В. М. Лейбин. – М.: Республика, 1994. – С. 52–88.

77. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Соч. В 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – Т. 2. – С. 238–406.

78. Ницше, Ф. К генеалогии морали / Ф. Ницше // Соч. В 2 т. – М.: Мысль, 1996. – Т. 2. – С. 407–524.

79. Ницше, Ф. Антихрист / Ф. Ницше // Соч. В 2 т. – М.: Мысль, 1996. – Т. 2. – С. 631–692.

80. Нойманн, Э. Творческий человек и трансформация / Э. Нойманн // Психоанализ и искусство. – М.: РЕФЛ-бук, 1996. – С. 206–249.

81. Нойманн, Э. Искусство и время / Э. Нойманн // Психоанализ и искусство. – М.: РЕФЛ-бук, 1996. – С. 153–195.

82. Омельченко, Н. В. Первые принципы философской антропологии / Н. В. Омельченко. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997. – 196 с.

Феномен сублимации: опыт философско-антропологического исследования. Омск.: СИБИТ, 2007. – 148 с. ISBN 978-5-98867-017-9

83. Осипов, Н. Е. О психоанализе / Н. Е. Осипов // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль / сост. и авт. вступ. ст. В. М. Лейбин. – М.: Республика, 1994. – С. 91–111.

84. Першин, Ю. Ю. Некоторые психологические аспекты обучения иностранным языкам с помощью компьютера / Ю. Ю. Першин // Проблемы и перспективы преподавания иностранных языков в неязыковых вузах: тезисы докладов Межвузовской научно-методической конференции. – Волгоград, Изд-во Волгоградской академии государственной службы, 1998. – С. 1–3

85. Платон // Соч. В 4 т. – М.: Мысль, 1993. – Т.2. – 528 с.

86. Пономарев, Я. А. Психология творчества и педагогика / Я. А. Пономарев. – М., 1976. – С. 43.

87. Райх, В. Функция оргазма / В. Райх. – М.: Университетская книга; АСТ, 1997. – 303 с.

88. Ранк, О. Бессознательное и формы его проявления / О. Ранк, Г. Закс // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль / сост. и авт. вступ. ст. В. М. Лейбин. – М.: Республика, 1994. – С. 35–51.

89. Рахманов, В. Психоанализ и воспитание / В. Рахманов // Зигмунд Фрейд, психоанализ русская мысль / сост. и авт. вступ. ст. В. М. Лейбин. – М.: Республика, 1994. – С. 127–136.

90. Рогальский, Е. И. Логика постижения и опыт обретения смысла жизни / Е. И. Рогальский // Актуальные проблемы науки в исследованиях российских и зарубежных ученых. – М.: Компания Спутник +, 2000.

91. Рогальский, Е. И. Онтолого-культурологические аспекты смысла жизни, творчества, свободы / Е. И. Рогальский // Актуальные проблемы науки в исследованиях российских и зарубежных ученых. – М.: Компания «Спутник +», 2000.

92. Розенфельд, Г. Клинический подход к психоаналитической теории инстинктов жизни и смерти: исследование агрессивных аспектов нарциссизма / Г. Розенфельд // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2003 – № 3.

93. Розет, И. М. Психология фантазии / И. М. Розет. – Минск, 1991. – С. 25–75.

94. Романов, И. Ю. Внутренняя и внешняя реальность / И. Ю. Романов. – http://psychol.ras.ru/ippp_pfr/j3p/20020313

95. Ротенберг, В. С. Психофизиологические аспекты изучения творчества / В. С. Ротенберг // Художественное творчество. – Л., 1982. – С.53–72.

96. Руткевич, А. М. Психоанализ. Истоки и первые этапы развития: курс лекций / А. М. Руткевич. – М.: ИНФРА-М – ФОРУМ, 1997. – 352 с.

Феномен сублимации: опыт философско-антропологического исследования. Омск.: СИБИТ, 2007. – 148 с. ISBN 978-5-98867-017-9

97. Сандлер, Дж. Пациент и психоаналитик: основы психоаналитического процесса / Дж. Сандлер, К. Дэр, А. Холдер. – М.: Смысл, 1995. – 194 с.

98. Сатыбалова, Е. В. Человеческая деструктивность: основания и формы проявления: автореф. дис. канд. филос. наук / Е. В. Сатыбалова. – Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 23 с.

99. Спиноза, Б. Этика / Б. Спиноза // Избранные произведения. – Минск: Попурри, 1999. – 592 с.

100. Старовойтов, В. В. Психоанализ и художественное творчество / В. В. Старовойтов. – http://www.philosophy.ru/iphras/library/i_ph_5.html #starovoitov.

101. Стафкенс, А. Психоаналитические концепции реальности и некоторые спорные идеи нового подхода / А. Стафкенс // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2002. – № 3. – http://psychol.ras.ru/ipprr_pft/j3p/200203

102. Сумнительный, К. Е. Творческий ребенок / К. Е. Сумнительный. – http://biblio.narod.ru/gurnal/montes/mont_tv-reb.htm

103. Томэ, Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ. Т. 1. Теория: пер. с англ. / Х. Томэ, Х. Кэхеле. – М.: Изд. группа «Прогресс-Литера»; Изд. агентство «Яхтмен», 1996. – 576 с.

104. Торшина, К. А. Современные исследования проблемы креативности в зарубежной психологии / К. А. Торшина // Вопросы психологии. – 1998. – № 4. – С. 123–132.

105. Фарман, И. П. Воображение в структуре познания / И. П. Фарман. – М., 1994. – 215 с.

106. Философский энциклопедический словарь / редкол.: Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лугченко. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 576 с.

107. Франк, С. Л. Фридрих Ницше и этика «любви к дальнему» / С. Л. Франк // Сочинения. – М.: Правда, 1990. – С. 6-64.

108. Франк, С. Л. Непостижимое / С. Л. Франк // Сочинения. – М.: Правда, 1990. – С. 183–556.

109. Франкл, В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия / В. Франкл. – СПб.: Речь, 2000. – 286 с.

110. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

111. Фрейд, З. Введение в психоанализ: лекции / З. Фрейд. – М.: Наука, 1989. – 445 с.

112. Фрейд, З. О клиническом психоанализе. Избранные сочинения / З. Фрейд. – М.: Медицина, 1991. – 288 с.

113. Фрейд, З. Поэт и фантазии / З. Фрейд // Зигмунд Фрейд и психоанализ в России: Фрейд З. Работы по психоанализу; Лейбин В. М. Фрейд

- Феномен сублимации: опыт философско-антропологического исследования. Омск.: СИБИТ, 2007. – 148 с. ISBN 978-5-98867-017-9
- и Россия. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2000. – 528 с.
114. Фрейд, З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – М.: Провещение, 1989. – 448 с.
115. Фрейд, З. Толкование сновидений / З. Фрейд; под ред. Б. Г. Херсонского – Киев: Здоровья, 1991. – 383 с.
116. Фрейд, З. Сопротивление против психоанализа / З. Фрейд // Фрейд З. Психоаналитические этюды. – Минск, 1997.
117. Фрейд, З. По ту сторону принципа удовольствия / З. Фрейд / Психология бессознательного. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – С. 340–377.
118. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – Минск: Попурри, 1999. – 624 с.
119. Фромм, Э. Величие и ограниченность теории Фрейда / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2000. – 448 с.
120. Фромм, Э. Пути из больного общества / Э. Фромм // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 443–482.
121. Фромм, Э. Искусство любви / Э. Фромм. – Минск.: ТПЦ «Полифакт», 1990. – 80 с.
122. Фромм, Э. Кризис психоанализа / Э. Фромм // Гуманистический психоанализ, сост. и общая редакция В. М. Лейбина. – СПб.: Питер, 2002. – 554 с.
123. Фуко, М. Что такое автор? / М. Фуко // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Магистернум, 1996. – С. 7–46.
124. Хёсле, В. Гении философии нового времени / В. Хёсле / пер. А. К. Судакова. – М.: Наука, 1992. – 224 с.
125. Хёсле, В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хёсле // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 112–123.
126. Хиллман, Дж. Терапия, сны, воображение / Дж. Хиллман // К. Г. Юнг и современный психоанализ. Хрестоматия по глубинной психологии. Выпуск 1. – М.: ЧеРо, 1996. – С. 6–33.
127. Хорни, К. Психология женщины. Невротическая личность нашего времени / К. Хорни // Собр. соч. В 3 т. – М.: Смысл, 1997. – Т.1. – 495 с.
128. Хорни, К. Новые пути в психоанализе. Самоанализ / К. Хорни // Собр. соч. В 3 т. – М.: Смысл, 1997. – Т.2. – 543 с.
129. Хорни, К. Наши внутренние конфликты. Невроз и развитие личности / К. Хорни // Собр. соч. В 3 т. – М.: Смысл, 1997. – Т. 3. – 694 с.
130. Шаров, А. С. Рефлексия в развитии личности / А. С. Шаров // Рефлексия, образование и интеллектуальные инновации: материалы II Всероссийской конференции. – Новосибирск, 1995. – С. 224–225

Феномен сублимации: опыт философско-антропологического исследования. Омск.: СИБИТ, 2007. – 148 с. ISBN 978-5-98867-017-9

131. Шелер, М. Положение человека в Космосе / М. Шелер // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 31-95.

132. Шелер, М. Избранные произведения: пер. с нем. / М. Шелер. – М.: Гнозис, 1994. – 490 с.

133. Шеллинг, Ф. В. Й. Соч. В 2 т. / Ф. В. Й. Шеллинг. – М.: Мысль, 1989. – Т. 2.

134. Ширвиндт, М. Л. Психоанализ / М. Л. Ширвиндт // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль / сост. и авт. вступ. ст. В. М. Лейбин. – М.: Республика, 1994. – С. 347–361.

135. Щепланова, Е. И. Особенности когнитивного и мотивационно-личностного развития одаренных старшеклассников / Е. И. Щепланова // Вопросы психологии. – 1999. – № 6. – С. 35–47.

136. Юнг, К. Г. Психология бессознательного / К. Г. Юнг. – СПб.: Канон, 1995. – 320 с.

137. Юнг, К. Г. Об отношении аналитической психологии к поэзии / К. Г. Юнг // Психоанализ и искусство. – М.: РЕФЛ-бук, 1996. – С. 9–29.

138. Юнг, К. Г. Психология и литература / К. Г. Юнг // Психоанализ и искусство. — М.: РЕФЛ-бук, 1996. – С. 30–54.

139. Ясперс, К. Общая психопатология: пер. с нем. / К. Ясперс – М., Практика, 1997. – 1056 с.

140. Adler A. Der Aggressionstrieb im Leben und in der Neurose. // Fortschritte der Medizin, 1908.

141. Adler A. The fundamental views of individual psychology // Individual Psychology. – 1982, – vol. 38, – No. 1.

142. Argyle M. The Social Psychology of Work. – N. Y., 1972. – P. 259.

143. Arlow J.A. The concept of psychic reality – how useful? // Journal of Psycho-Analysis. – 1996. – No.77. – P. 659–666.

144. Bailin Sh. Achieving Extraordinary Ends. An Essay on Creativity. Dordrecht, 1988.

145. Basch M. F. Selfobjects and selfobject transference. Theoretical implications // Stepansky P.E., Goldberg A. (eds) Kohut's legacy. Contributions to self psychology. – Analytic Press, Hillsdale London, 1984. – P. 21–41.

146. Bergler E. O. On a five-layer structure in sublimation // Psychoanalytic Quarterly. – 1945. – Vol. 44. – № 1.

147. Bergquist C. A. comparative view of creativity theories: psychoanalytic, behavioristic, and humanistic. 1998.

148. Berman R. Modern Art and Desublimation // Telos No. 62. – Winter 1984–85. – P. 48.

149. Bernfeld S. Über die Einteilung der Triebe // Imago. – 1935. – No.21. – P. 125–142.

150. Bertalanffy L. von Comments on aggression // *Bull Menn Clinical*. – 1958. – No. 22. – P. 50–57.
151. Bronner S. *Dialectics at a Standstill: A methodological Inquiry Into the Philosophy of Theodor W. Adorno*. 1997.
152. Brenner C. The Components of Psychic Conflict and Its Consequences in Mental Life // *Psychoanalytic Quarterly*. – 1979. – Vol. 48. – P. 547–567.
153. Brenner C. *Metapsychology and Psychoanalytic Theory* // *Psychoanalytic Quarterly*. – 1980. – Vol. 49. – P. 189–214.
154. Bühler C. Some Observations on the Psychology of the Third Force // *Journal of Humanistic Psychology*. – 1965. – No. 5. – P. 54.
155. Burston D. Conflict and Sociability in Hegel, Freud, and their Followers: Tzvetan Todorov's "Living Alone Together" // *New Literary history*. – 1996. – 27 January.
156. Dollard J. A. Miller N. E., Doob L. W. Mowrer O. H., Sears R. R. *Frustration and aggression*. – Yale University Press, New Haven, 1967(1939).
157. Doolittle H. *Tribute to Freud*. – Boston, 1974. – P. 18.
158. Eibl-Eibesfeldt I. Die Entwicklung der destruktiven Aggression // *Mater Med Nordmark*. – 1980. – No. 32. – S. 16–29.
159. Eissler K. R. Death Drive, Ambivalence, and Narcissism // *Psychoanalytical Study of Child*. – 1971. – No.26. – P. 25–78.
160. Etchegoyen R. H. Some views on psychic reality // *Journal of Psychoanalysis*. – 1996. – No. 77. – P. 1–14.
161. Federn P. The reality of death instinct, especially in melancholia. Remarks on Freud's book "Civilisation and its discontents" // *Psychoanalytical Review*. – 1932. – No. 19. – P. 129–151.
162. Fenichel O. A critique of death instinct // *The collected papers of Otto Fenichel, first series*. – Norton, New York, 1953. – P. 372-636.
163. Freud A. Ich und Abwehrmechanismen // *Imago*. – London, 1936. – P. 38–45.
164. Freud A. Comments on aggression // *Journal of Psychoanalysis*. – 1972. – No. 53. – P. 151–156.
165. Freud S. *Gesammelte Werke*, 18 Vol. – London, 1940–1952.
166. Freud S. *Studies on hysteria*. – 1895, SE. – Vol. II. – P. 269–270.
167. Friedan B. *The Feminine Mystique*. – Victor Gollancz, 1963. – Ch. 5.
168. Fromm E. *The Method and Function of an Analytic Social Psychology* // *The Crisis of Psychoanalysis. Essays on Freud, Marx and Social Psychology*. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1970. – P. 135–162.
169. Gay V. P. *Freud on Sublimation: Reconsiderations*. – State University of New York, 1992.
170. Gillespie W. H. Aggression and instinct theory // *Journal of Psychoanalysis*. – No. 52. – P. 155–160.

171. Goldstein K. The Organism: A Holistic Approach to Biology Derived from Pathological Data in Man. – Zone Books, New York, 1995. – P. 303–305.

172. Grunbaum A. The Foundations of Psychoanalysis: A Philosophical Critique. Berkeley. – University of California Press, 1984.

173. Grunbaum A. “Is Freud’s Theory Well-Founded?” Behavioral and Brain Sciences. – 1986. – Vol. 9. – P. 266–281.

174. Hartmann H. Notes on the theory of sublimation // Psychoanalytical Study of Child. – No. 10. – P. 9–29.

175. Hendrick I. Work and the pleasure principle // Psychoanalytic Quarterly. – 1943. – XII. – P. 311–329.

176. Hendrick I. The Discussion of “Instinct to master” // Psychoanalytic Quarterly. – 1943. – XII. – P. 561–565.

177. Holt R. R. Drive or wish? A reconsideration of the psychoanalytic theory of motivation // Gill. M., Holzman P. Psychology via metapsychology // Psychological issues. – Vol. 9. – No. 4. 1976. – P. 158–197.

178. Jackson E. Jr. History and Its Discontents // Strategies of Deviance. – Indianapolis & Bloomington: Indiana UP, 1995.

179. Jaques E. Work, Creativity and Social Justice. – N. Y., 1970. – P. 64.

180. Jones E. Sigmund Freud: Life and Work. – London, Hogarth Press, 1957. – Vol. III.

181. Jung C. G. Dictionary of Analytical Psychology. – London, 1983.

182. Jung C.-G. Letters. – Princeton, 1975. – Vol. 2.

183. Jung C. G. Selected Writings // Ed. Storr A. – N. Y., 1989.

184. Kaye H.I. Rationalization as sublimation on the cultural analyses of Weber and Freud // Theory, culture a. soc. Cleveland. – Vol. 9. – № 4. – P. 45–74.

185. Klein M., Heimann P. Isaacs Susan and Riviere Joan. Developments in Psychoanalysis. – Hogarth, London, 1952. – P. 224–225.

186. Kohut H. Lecture 1. Perversions // Chicago Institute Forum. – 1972. January 7.

187. Kris E. Psychoanalytic explorations in art. – N. Y., 1952.

188. Kugler P. K. C. G. Jung, Analytical Psychology, and Culture. Involuntary Poetics. New Literary History // A Journal of Theory and Interpretation. – Vol. XV. – 1983–1984.

189. Kunz H. Die existentielle Bedeutung der Psychoanalyse in der Konsequenz für deren Kritik // Nervenarzt. – 1930. – No. 3.

190. Kunz H. Die Aggressivität und die Zärtlichkeit. Zwei psychologische Studien. – Francke, Bern, 1946.

191. Linetski V. Poststructuralist Paraesthetics and the Phantasy of the Reversal of Generations // Postmodern Culture. – Sept. 1996. – Vol. 7. – № 1.

192. Loewald H. W. Sublimation: inquiries into Theoretical Psychoanalysis. – Yale University Press, 1988.

Феномен сублимации: опыт философско-антропологического исследования. Омск.: СИБИТ, 2007. – 148 с. ISBN 978-5-98867-017-9

193. Loewenstein R. M. The vital or somatic instincts // *Psychoanalytic Quarterly*. – 1940. – No. 20. – P. 377–400.

194. Lowenfeld H. Psychic Trauma and Productive Experience in the Artist // *Psychoanalytical Quarterly*. – 1941. – No. 9. – P. 116–130.

195. Luchins A. S., Luchins E. H. Gestalt Theory // *International Multidisciplinary Journal*. – Vol. 19. – No 2. – June 1997. – P. 128–139.

196. McGuire W. The Freud Jung letters. – London: Hogarth Press, 1974.

197. Meissner W. W. Reflections on psychic reality // *Journal of Psychoanalysis*. – 2000. – No. 81. – P. 1117–1138.

198. Michaelis W. Verhalten ohne Aggression // *Versuch zur Integration der Theorien. Kiepenheuer&Witsch*. – Cologne, 1976.

199. Nagel T. “Freud’s Permanent Revolution” // *New York Review of Books*. – May 12. – 1994. – Vol. 41. – № 9. – P. 34–38.

200. Odajnyk W. Jung and Politics. – N. Y.: Harper and Row, 1976. – P. 179.

201. Richter H. E. Sterbeangst und Destruktivität // *Psyche*. – 1984. – No. 38. – S. 1105–1123.

202. Rivers W. H. R. Instinct and Unconscious. Ch. XIX Sublimation. – Toronto: York Univ., 1921.

203. Rochlin G. Man’s aggression. The defence of the self. – Gambit, Boston, 1973.

204. Rosenfeld H. A clinical approach to the psychoanalytic theory of the life and death instincts. An investigation into the aggressive aspects of narcissism // *Journal of Psychoanalysis*. – 1971. – No. 52. – P. 169–178.

205. Rosenfeld R. Servo / Business and Creativity. In: *The Futurist*. – 1984. – № 4. – P. 21.

206. Rosenfelds P. Freud and His Scientific Method. – <http://eserver.org/gender/rosenfels>.

207. Russel D. Psychosynthesis in Western Psychology // *Psychosynthesis Digest*. – 1981. – Vol. 1. – No. 1.

208. Sophia Z. Masculine excess and the metaphoric of vision: some problems of feminist film theory // *The Australian Journal of Media & Culture*. – 1989. – Vol. 2. – No. 2.

209. Spielrein S. Die Destruktion als Ursache des Werdens // *Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen*. – 1912. – IV. – S. 465–503.

210. Sterba R. Introduction to the Psychoanalytic Theory of the Libido // *Nervous and Mental Disease Monographs*. – New York, 1947. – No. 68.

211. Stoller F. Sigmund Freud: Psycho-Analysis. – School Sucks. Copyright 1996–1997.

Феномен сублимации: опыт философско-антропологического исследования. Омск.: СИБИТ, 2007. – 148 с. ISBN 978-5-98867-017-9

212. Stone L. Reflections on the psychoanalytic concept of aggression // *Psychoanalytic Quarterly*. – 1971. – No. 40. – P. 195–244.

213. Storr A. *The Dynamics of Creation*. – London: Secker & Warburg, 1972.

214. Sullivan H. S. *Conceptions of Modern Psychiatry*. – Washington, 1947.

215. Torrance E. P. *Guiding Creative Talent*. – N. Y.: Prentice-Hall, 1962.

216. Torrance E. P. *The Nature of Creativity as Maintest in its Testing // The nature of creativity*. – Cambridge Univ Press, 1988. – P. 43–75.

217. Velikovsky I. *Psychoanalytical Papers*. Chapter VII. *Sublimation and Abasement*. S. V. Kogan & R. V. Sharon. – <http://www.varchive.org/tpp/subaba.htm>.

218. Waelder R. *Basic theory of psycho-analysis*. – New York: International University Press, 1960.

219. Waelder R. *Psychoanalysis, scientific method and philosophy // Journal of American Psychoanalytical Association*. – 1962. – No. 10. – P. 617-637.

220. Wallerstein R. S. *Psychoanalytic perspectives on the problem of reality // Journal of American Psychoanalytical Association*. – 1973. – No. 21. – P. 5–33.

221. Wallerstein R. S. *The concept of psychic reality: its meaning and value // Journal of American Psychoanalytical Association*. – 1985. – No. 33. – P. 555–569.

222. Watts T. *Sublimation*. 1997. Terence Watts Website. – <http://www.hypnosense.com/Sublimation.htm>.

223. Weiss E. *Principles of psychodynamics*. – N. Y.: Grune & Stratton, 1950.

224. Wisdom J. O. *What Is Left of Psychoanalytic Theory? // International Review of Psychoanalysis*. – 1984. – No. 11. – P. 313–326.

225. Wycoff J. *Are You a Creative Person? // Innovative Network: Articles & Reports*. Personal Creativity. 1998. – <http://www.thinksmart.com/articlespersonal.html>.

226. Young R. M. *Cultural space*. Centre for Psychotherapeutic Studies, 1997. – <http://www.shef.ac.uk/~psyc/staff/rmyoung/papers/feedback.html>.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЛОВАРЬ*

Агрессивность

Тенденция или совокупность тенденций, проявляющихся в реальном поведении или фантазировании, цель которых заключается в том, чтобы повредить другому человеку, уничтожить, понудить к каким-либо действиям, унижить его и пр. Агрессия может выражаться не только в прямом действии разрушения или насилия. Любое поведение, как негативное (например, отказ от помощи), так и позитивное, символическое (например, ирония), при действительном осуществлении может выполнять функцию агрессии. Психоанализ придает агрессивности все большее значение, показывая, как рано она включается в развитие субъекта, и выявляя сложную картину ее связей с сексуальностью и противостояние ей. Эта эволюция идей приводит к попыткам обнаружить в основе агрессивности единый субстрат всех влечений – влечение к смерти.

Аппарат психический

Этот термин фрейдовской теории подчеркивает определенные свойства психики: ее способность передавать и преобразовывать энергию, а также ее расчлененность на отдельные системы или инстанции

Бессознательное

А. Прилагательное «бессознательное» иногда используется для обозначения совокупности содержаний, не присутствующих в актуальном поле сознания – в «описательном», а не в «топическом» смысле слова, т.е. вне разграничения содержания систем предсознательного и бессознательного.

Б. Бессознательное в «топическом» смысле слова было определено Фрейдом еще в первой теории психического аппарата: бессознательное состоит из содержаний, не допущенных в систему «Предсознание-Сознание» в результате вытеснения (вытеснение первичное и вытеснение в последствии).

Основные черты бессознательного как системы (Без) сводятся к следующим:

* Составлен на основе: Лапланша Ж. Словарь по психоанализу: перевод с франц. Н. С. Автономовой / Ж. Лапланш, Ж.-Б. Понталис. – М.: Высш. шк., 1996. – 623 с.

а) содержания бессознательного являются «репрезентаторами» влечений;

б) эти содержания управляются особыми механизмами первичных процессов, а именно сгущением и смещением;

в) содержания бессознательного, сильно нагруженные энергией влечений, стремятся вернуться в сознание и проявиться в поведении (возврат вытесненного), однако они способны найти доступ к системе «Предсознание-Сознание» (Псз-Сз) лишь в результате компромиссов, будучи искажены цензурой;

г) чаще всего подвергаются фиксации в бессознательном детские желания.

Бессознательное как существительное сокращенно обозначается Без (Ubw от нем. Unbewusst, Ics от франц. Inconscient), бессознательное как прилагательное, обозначающее содержание бессознательного как системы, – без (ubw или ics).

В. Во второй фрейдовской топике термин «бессознательное» используется чаще всего как прилагательное. По сути, бессознательное здесь – это уже не атрибут какой-то особой инстанции: это слово относится как к *Оно*, так отчасти и к *Я* и *Сверх-Я*. Отметим, однако:

а) что признаки, присущие бессознательному в рамках первой топике, могут быть отнесены и ко второй топике;

б) что разграничение между предсознанием и бессознательным, которое уже не подкрепляется межсистемными различиями, сохраняется на внутрисистемном уровне (*Я* и *Сверх-Я* являются отчасти предсознательными, отчасти бессознательными).

Влечение

Динамический процесс, при котором некоторое давление (энергетический заряд, движущая сила) подталкивает организм к некоторой цели. По Фрейду, источником влечения является телесное возбуждение (состояние напряжения); эта цель достигается в объекте влечения или благодаря этому объекту.

Влечение к агрессии

Это понятие Фрейда обозначает влечения к смерти, обращенные вовне. Цель влечения к агрессии – разрушить объект.

Влечение к овладению

Не поддающееся точному определению выражение, несколько раз использованное Фрейдом. Он имел в виду несексуальное и лишь вто-

рично связанное с сексуальностью влечение, цель которого – силою овладеть объектом.

Влечение к разрушению

Термин Фрейда для обозначения влечения к смерти с точки зрения биологической и психологической. Термины «влечение к разрушению» и «влечение к смерти» иногда совпадают, но чаще здесь имеется в виду такое влечение к смерти, которое ориентировано вовне. В этом более специфическом смысле Фрейд использует также термин «влечение к агрессии» (Aggressionstrieb).

Влечение сексуальное

Внутреннее давление, которое, с психоаналитической точки зрения, выходит далеко за рамки сексуального поведения в общераспространенном смысле слова. В нем всецело подтверждается мысль об отличии влечения от инстинкта: объект сексуального влечения не предопределен биологически, способы его удовлетворения (цели) изменчивы – они связаны с функциями тех или иных телесных органов (эрогенные зоны), но способны сопровождать самые различные виды деятельности, примыкая к ним. Такое разнообразие телесных источников сексуального возбуждения свидетельствует о том, что сексуальное влечение изначально лишено единства, раздроблено на частичные, локально удовлетворяемые влечения (удовольствие, получаемое как-то одним органом).

Психоанализ показывает, что сексуальное влечение у человека тесно связано с игрою представлений и фантазий, в которых оно обретает конкретную форму. Лишь в результате сложной, сопряженной со случайностями эволюции сексуальное влечение организуется по половому признаку, приобретает устойчивость и целенаправленность, близкую к инстинкту.

С точки зрения экономики, Фрейд утверждает существование некоей единой энергии – либидо – во всех превратностях судьбы сексуального влечения.

С точки зрения динамики, Фрейд усматривает в сексуальном влечении необходимый полюс психических конфликтов; сексуальное влечение подвергается вытеснению в бессознательное в первую очередь.

Влечение частичное

Этим термином обозначаются те предельные элементы, до которых доходит психоанализ сексуальности. Каждый из них имеет свой осо-

бый источник (например, оральное влечение, анальное влечение) и цель (например, влечение к подсматриванию, влечение к овладению).

Термин «частичный» означает не только то, что эти влечения выступают как разновидности класса сексуальных влечений; с генетической и структурной точек зрения, этот термин обозначает влечения, которые существуют сперва обособленно и лишь потом объединяются в различные либидинальные структуры.

Влечения к жизни

Большая группа влечений, противопоставляемых в последней теории Фрейда влечениям к смерти. Они тяготеют к образованию и поддержанию более крупных единств. Влечения к жизни, обозначаемые также термином «эрос», – это не только сексуальные влечения в собственном смысле слова, но и влечения к самосохранению.

Влечения к самосохранению

Термин Фрейда, обозначающий совокупность потребностей, связанных с телесными функциями, необходимыми для поддержания жизни индивида; их прообраз – голод.

Влечения к самосохранению противопоставлены в первой теории влечений Фрейда сексуальным влечениям.

Влечения к смерти

В последней фрейдовской теории влечений – фундаментальная категория влечений, противоположных влечениям к жизни и нацеленных на полное устранение напряжения, т. е. на приведение живого существа в неорганическое состояние.

Направлены прежде всего внутрь, на саморазрушение, и лишь вторично проявляются в форме влечения к (внешней) агрессии, к разрушению.

Влечения Я

В первой фрейдовской теории влечений (1910–1915) влечения Я образуют особый тип влечений: Я использует их энергию в защитных конфликтах. Они подобны влечениям к самосохранению и противоположны сексуальным влечениям.

Вытеснение

А. В узком смысле слова – действие, посредством которого субъект старается устранить или удержать в бессознательном представления, связанные с влечениями (мысли, образы, воспоминания). Вытеснение

возникает в тех случаях, когда удовлетворение влечения само по себе приятно, но может стать неприятным при учете других требований.

Вытеснение особенно наглядно выступает при истерии, но играет важную роль и при других душевных расстройствах, равно как и в нормальной психике. Можно считать, что это универсальный психический процесс, лежащий в основе становления бессознательного как отдельной области психики.

Б. В более широком смысле слова «вытеснение» у Фрейда иногда близко «защите»: во-первых, потому что вытеснение в значении А присутствует, хотя бы временно, во многих сложных защитных процессах («часть вместо целого»), а во-вторых, потому что теоретическая модель вытеснения была для Фрейда прообразом других защитных механизмов.

Желание

В фрейдовской динамике – один из полюсов защитного конфликта: бессознательное желание стремится осуществиться, опираясь, по законам первичного процесса, на знаки, связанные с первым опытом удовлетворения. На примере сновидений психоанализ показал, как желание запечатлевается в компромиссной форме симптомов.

Инстинкт

А. В общераспространенном смысле слова – унаследованная схема поведения, присущая определенному виду животных; она почти не меняется от индивида к индивиду, постепенно разворачивается во времени, устойчива к потрясениям и как бы подчинена заранее заданной цели.

Б. Термин, который используется некоторыми психоаналитиками для перевода фрейдовского Trieb, хотя при более последовательном употреблении терминов ему соответствовало бы скорее французское слово pulsion (влечение).

Источник влечения

Внутренний источник каждого конкретного влечения – место, в котором возникает возбуждение (эрогенная зона, орган, аппарат) или же соматический процесс в той или иной части тела, воспринимаемый как возбуждение.

Конфликт психический

Психоаналитический конфликт – это противоположность противоречивых требований внутри субъекта. Конфликт может быть явным

(например, конфликт между желанием и нравственным требованием или между двумя противоречивыми требованиями) или же скрытым. В последнем случае конфликт искаженно выражается в явном конфликте, прежде всего в симптомах, нарушениях поведения, «трудностях характера и пр. Психоанализ считает конфликт основой человеческого существа, причем в различных смыслах: это конфликт между желаниями и защитой, конфликт между различными системами или инстанциями, наконец, Эдипов конфликт, при котором происходит не только взаимное столкновение желаний, но также и их столкновение с запретом.

Либи́до

Энергия, которую Фрейд считает подосновой всех преобразований сексуального влечения в том, что касается его объекта (смещение энергетических нагрузок), его цели (например, сублимация) и источника сексуального возбуждения (разнообразие эрогенных зон).

У Юнга понятие «либи́до» используется в расширенном смысле и означает «психическую энергию» как таковую, присутствующую во всем, что «устремляется к чему-либо» (лат. *impetus*).

Объект

Понятие объекта рассматривается в психоанализе с трех основных точек зрения:

а) в связи с влечением: ведь именно в объекте или посредством объекта влечение может достичь своей цели или удовлетворения. Это может быть человек в целом или частичный объект, объект реальный или фантазматический;

б) в связи с любовью (или ненавистью): речь здесь идет об отношении к личности в целом, к какой-то инстанции *Я* или же к объекту в целом (личность, сущность, идеал и пр.) (соответствующим прилагательным здесь будет «объектный»);

в) при традиционном использовании в философии или психологии познания в связи с воспринимающим и познающим Субъектом: объект есть то, что имеет устойчивые и постоянные признаки, которые в принципе могут быть восприняты всем сообществом субъектов независимо от их индивидуальных желаний и мнений (соответствующее прилагательное «объективный»).

Оно

Одна из трех инстанций, выделяемых Фрейдом в его второй теории психического аппарата. *Оно* – это полюс влечений в личности; его Со-

держания, связанные с психическим выражением влечений, бессознательны: они являются, с одной стороны, врожденными и наследуемыми, с другой – вытесненными и приобретенными.

С точки зрения экономики, *Оно* – это первичный резервуар психической энергии; с точки зрения динамики, *Оно* находится в конфликте с *Я* и *Сверх-Я*, которые, с точки зрения генетической, ««шикают, отпочковываясь из него.

Отказ (от реальности)

Термин Фрейда, обозначающий специфику такого способа защиты, при котором субъект отказывается признать реальность травмирующего восприятия, прежде всего отсутствия пениса у женщин. Посредством этого механизма Фрейд стремился понять фетишизм и психозы.

Пластичность либидо

Способность либидо более или менее легко менять свой объект и способ удовлетворения.

Пластичность (или свободная подвижность, *freie Bewegung*) это свойство, противоположное *вязкости*. Читателю стоит обратить внимание на наши пояснения к термину «вязкость», который встречается у Фрейда чаще, чем термин «пластичность». Выражение «пластичность либидо» иллюстрирует важную для психоанализа мысль о том, что отношение либидо к его объектам относительно неопределенно и всегда может изменяться.

Предсознательное, предсознание

А. В первой топике Фрейда: а) как существительное – система психического аппарата, четко отличная от системы бессознательного (Без); б) как прилагательное – оно определяет содержания и 1 действия этой предсознательной системы (Псз). Эти содержания и действия не входят в актуальное поле сознания и поэтому являются бессознательными в «описательном» смысле слова (см.: Бессознательное, Б), но отличаются от содержаний системы бессознательного, поскольку остаются доступными сознанию (например, неактуализированные знания и воспоминания).

С метапсихологической точки зрения, система предсознания управляется вторичным процессом. Она отделена от системы бессознательного цензурой, которая допускает бессознательные содержания и процессы в предсознание лишь в преобразованном виде.

Б. Во второй фрейдовской топике термин «предсознательное» употребляется только как прилагательное для обозначения того, что

ускользает от актуального сознания, но не является бессознательным в узком смысле слова. С точки зрения систематики, этот термин определяет содержания и процессы, относящиеся преимущественно к Д, а также к *Сверх-Я*.

Примыкание

Термин, которым Фрейд обозначает первоначальное отношение сексуальных влечений к функциям самосохранения: сексуальные влечения приобретают независимость лишь позже, примыкая к тем или иным жизненным функциям, которые являются их органическим источником, определяют их цель и объект. Следовательно, можно говорить о примыкании, когда, например, субъект опирается на объект влечений к самосохранению при выборе объекта любви. Именно это Фрейд и называл выбором объекта по принципу примыкания.

Принцип реальности

Один из двух принципов, управляющих, по Фрейду, функционированием психики. Он образует пару с принципом удовольствия и видоизменяет его действие: как только принцип реальности утверждает свое господство, поиск прямых и непосредственных удовлетворений прекращается, удовлетворение ищется на обходных путях, а достижение результата может отсрочиваться в зависимости от внешних условий.

С точки зрения энергетики, принцип реальности предполагает преобразование свободной энергии в связанную; с точки зрения топика, он характеризует главным образом систему Предсознание-Сознание; с точки зрения динамики, принцип реальности воздействует на определенный тип энергии влечений, подвластных Я (см.: Влечения Я).

Принцип удовольствия

Один из двух принципов, управляющих, по Фрейду, функционированием психики. Цель психической деятельности в целом – избежать неудовольствия и достигнуть удовольствия. Поскольку неудовольствие связано с возрастанием количества возбуждения, а удовольствие – с его ослаблением, постольку принцип удовольствия – это экономический принцип.

Психоанализ

Наука, начало которой положил Фрейд, различавший в ней три уровня:

а) метод исследования, опирающийся в основном на выявление бессознательного значения слов, поступков и продуктов воображения

(сны, фантазии, бреды) данного субъекта. В основе метода лежат прежде всего свободные ассоциации субъекта, обеспечивающие надежность истолкования. Психоаналитическое истолкование может охватывать такие продукты человеческой деятельности, на которые свободные ассоциации не распространяются;

б) психотерапевтический метод, опирающийся на это исследование; он пользуется контролируемым истолкованием сопротивления, трансфера и желания. В этом смысле психоанализ значит то же, что лечение психоанализом (ср., например, «прописать психоанализ»);

в) совокупность теорий психологии и психопатологии, в которых систематизированы данные, полученные психоаналитическим методом исследования и лечения.

Реальность психическая

Термин Фрейда, обозначающий в психике субъекта то, что обладает такой же связностью и сопротивляемостью, как и материальная действительность; таковы преимущественно бессознательные желания и связанные с ними фантазии.

Психическая реальность для Фрейда – это не просто область психологии, упорядоченная как особого рода реальность и доступная научному исследованию: речь идет обо всем том, что представляется реальностью психике субъекта.

Сверх-Я

Одна из инстанций личности во второй фрейдовской теории психического аппарата: по отношению к *Я* *Сверх-Я* играет роль судьи или цензора. *Сверх-Я*, по Фрейду, ответственно за нравственное сознание, самонаблюдение и формирование идеалов.

Обычно *Сверх-Я* трактуют как наследника Эдипова комплекса; оно образуется в результате интериоризации родительских требований и запретов.

Некоторые психоаналитики относят формирование *Сверх-Я* к ранним доэдиповским стадиям (М. Кляйн) или по крайней мере ищут предшественников *Сверх-Я* в очень ранних психических механизмах и формах поведения (например, Гловер, Шпитц).

Сексуальность

В психоаналитическом опыте и теории сексуальность – это не только особая активность и удовольствие, связанные с функционированием генитального аппарата, но также ряд возбуждений и действий, которые с самого раннего детства доставляют человеку удовольствие,

не сводимое к удовлетворению той или иной физиологической потребности (дыхание, питание, испражнение и пр.) и составляющее один из элементов так называемой нормальной сексуальной любви.

Как известно, психоанализ придает сексуальности очень большое значение в психической жизни человека. Однако это утверждение можно понять, только если осознать всю глубину происходящих при этом преобразований понятия сексуальности. Мы не будем здесь пытаться определять роль сексуальности в психоаналитическом понимании человека, но лишь уточним способ психоаналитического использования самого этого *понятия*, его смысл и область применения.

Если исходить из распространенного взгляда на сексуальность как на *инстинкт*, то есть, на предопределенное поведение, характерное для [биологического] вида и имеющее относительно устойчивый объект (партнер противоположного пола) и цель (соединение половых органов в коитусе), мы заметим, что такой подход сильно расходится с данными наблюдения и анализа.

А. Область применения.

1. Само существование и распространенность сексуальных извращений, перечень которых был составлен в конце XIX в. рядом психопатологов (Крафт-Эбинг, Х. Эллис), свидетельствует о большом разнообразии в выборе сексуального объекта и поведении, направленном на достижение удовольствия.

2. Фрейд установил, что между так называемой нормальной и извращенной сексуальностью существуют многочисленные переходы, причем временные извращения возникают при невозможности обычных способов удовлетворения, а при подготовке и совершении коитуса встречаются формы активности (предварительное удовольствие), которые возникают и при извращениях – либо в качестве замены коитуса, либо как неперемное условие удовлетворения.

3. Как показывает психоанализ неврозов, симптомы – это формы удовлетворения сексуальных желаний, осуществляемые в смещенной, искаженной компромиссами форме. С другой стороны, за теми или иными симптомами нередко обнаруживаются извращенные сексуальные желания.

4. Однако эта область расширяется в психоанализе прежде всего за счет детской сексуальности, которую Фрейд обнаруживает уже в самом раннем возрасте. Говоря о детской сексуальности, мы имеем в виду не только существование в самом раннем возрасте генитальных возбуждений и потребностей, но также видов поведения, напоминающих извращенную активность у взрослых. Во-первых, детская сексуальность распространяется и на такие области тела (эрогенные зоны),

которые не являются генитальными зонами; во-вторых, дети подчас ищут удовольствия (например, сосание пальца), независимого от той или иной биологической функции (например, питания). В этом смысле психоаналитики говорят об оральной, анальной и прочей сексуальности.

Б. *Смысл*. Такое расширение поля сексуальности неизбежно побуждало Фрейда к поискам критериев сексуальности в различных видах поведения. Как уже говорилось, сексуальность несводима к генитальности (подобно тому, как психика несводима к сознанию), однако вопрос о том, что же именно позволяет психоаналитикам видеть сексуальные черты в процессах, не имеющих никакого отношения к гениталиям, остаётся нерешенным: Это относится прежде всего к детской сексуальности, поскольку в случае извращений у взрослых генитальное возбуждение, как правило, присутствует.

Соединение – разъединение (влечений)

В последнем варианте фрейдовской теории влечений – отношения между влечениями к жизни и влечениями к смерти в их конкретных проявлениях.

Соединение влечений представляет собой их смешение в различных пропорциях; разъединение – это процесс, при котором они разграничиваются и полностью разделяются, преследуя каждое свою собственную цель.

Сублимация

Процесс, которым Фрейд объясняет формы человеческой деятельности, не имеющие видимой связи с сексуальностью, но порожденные силой сексуального влечения. В качестве основных форм сублимации Фрейд описывал художественное творчество и интеллектуальную деятельность.

Сублимацией называется такое влечение, которое в той или иной степени переключено на несексуальную цель и направлено на социально значимые объекты.

Термин «сублимация», введенный Фрейдом в психоанализ, вызывает в мысли одновременно «возвышенное» (sublime) (ср. использование этого понятия в изящных искусствах для обозначения величественных, возвышающих нас произведений) и «возгонку» (sublimation) (ср. использование этого понятия в химии для обозначения процедур, непосредственно переводящих тело из твердого состояния в газообразное).

На протяжении всего своего творчества Фрейд называл сублимацией – в экономическом и динамическом смысле – некоторые виды дея-

тельности, побуждаемые желанием, явно не направленным к сексуальной цели: это, например, художественное творчество, интеллектуальное исследование и вообще ценные с точки зрения общества виды деятельности. Побудительную причину такого рода поведения Фрейд видел в преобразовании сексуальных влечений:

Танатос

«Смерть» (греч. Thanatos) – термин, обозначающий влечения к смерти по аналогии с термином «эрос». Этим подчеркивается радикальный, почти мифический характер дуализма человеческих влечений.

Фрустрация

Состояние, при котором субъекту отказывают или сам он отказывается от удовлетворения своих влечений.

Повседневное использование слова «фрустрация» вместе с модой на него в англоязычной литературе привели к тому, что немецкое слово *Versagung* ныне повсеместно переводится как «фрустрация». Однако такой перевод требует пояснений: в психологической литературе, особенно в исследованиях обучения, понятие фрустрации (лишение чего-то, принадлежащего по праву, обман надежд) обычно используется вместе с понятием убажания (*gratification*): эти понятия определяют условия, при которых организм испытывает соответственно отсутствие или наличие приятного воздействия. Такой подход совпадает с позицией Фрейда, который называл фрустрацией отсутствие внешнего объекта, способного удовлетворить влечение.

«Хороший» объект, «плохой» объект

Понятия М. Кляйн, обозначающие первые объекты влечений (частичные или цельные), как они проявляются в детских фантазиях. Качества «хороший» или «плохой» приписываются им не только потому, что они приносят фрустрацию или удовлетворение, но потому, что на них проецируются либидинальные или, напротив, разрушительные влечения субъекта. По М. Кляйн, частичный объект (грудь, пенис) расщепляются на «хороший» или «плохой» объекты, причем это расщепление становится первым способом защиты от страха. Цельный объект также подвергается расщеплению («хорошая» мать; и «плохая» мать и пр.).

«Хорошие» и «плохие» объекты подвергаются интроекции проекции.

Цель (влечения)

Действие, к которому подталкивает влечение и которое приводит к устранению внутреннего напряжения; его опорой служат фантазии.

Я

Инстанция, которую Фрейд в своей второй теории психического аппарата отличает от *Оно* и от *Сверх-Я*.

С точки зрения топики, *Я* зависит как от требований *Оно*, так и от императивов *Сверх-Я* и запросов реальности. Хотя *Я* выступает посредником, защищающим интересы личности в целом, его самостоятельность лишь относительна.

С точки зрения динамики, *Я* представляет собой прежде всего защитный полюс в невротическом конфликте. В ответ на неприятный аффект (сигнал тревоги) *Я* приводит в действие ряд защитных механизмов.

С точки зрения экономики, *Я* выступает как связующее звено между различными психическими процессами, однако в защитных действиях эти попытки связать между собою энергии различных влечений несут на себе отпечаток первичного процесса во всей его специфике: они навязчивы, повторны, ирреальны.

Теория психоанализа осмысляет генезис *Я* с двух точек зрения: либо это приспособительный аппарат, отделившийся от *Оно* при контакте с внешней реальностью, либо результат (само)отождествлений, приведших к формированию в недрах личности объекта любви, нагруженного энергией *Оно*.

В первой теории психического аппарата понятие *Я* выходит за рамки системы Предсознание-Сознание, поскольку защитные действия *Я* большей частью бессознательны.

С точки зрения исторической, концепция *Я* – это итог разработки понятия, которым Фрейд занимался на протяжении всего своего творчества.

У Фрейда существуют две топики, две теории психического аппарата: первая включает бессознательное и Предсознание-Сознание, а вторая – три инстанции: *Оно*, *Я* и *Сверх-Я*. И потому в психоанализе принято считать, что понятие *Я* приобретает строго психоаналитический смысл только после так называемого поворота 1920 г. Полагают, что это важное переосмысление было вызвано новой практической установкой, направленной скорее на анализ *Я* и защитных механизмов, нежели на выявление бессознательных содержаний.

Я-либидо – объектное либидо

Термины Фрейда, обозначающие два способа энергетической нагрузки либидо: объектом либидо может быть или собственная личность (Я-либидо, или нарциссическое либидо), или внешний объект (объектное либидо). По Фрейду, существует энергетическое равновесие между этими двумя видами нагрузки: если объектное либидо возрастает, то Я-либидо убывает, и наоборот.